

Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды

Оловесница Искусств

№ 17 2006

Свидетельство Дальневосточного территориального управления МПТР ПИ № 15-0009 от 29 мая 2000 г.

Журнал Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры Издается в Хабаровске с 1998 года Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг - 2001» Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Главный редактор Елена ГЛЕБОВА

Художественно-технический

редактор

Галина ПЕРШИНА

Корреспондент

Светлана ФУРСОВА

Выпускающий редактор

Наталия РОДИНА

Общественный совет

Г. БУТРИНА

 Π . Γ OHTMAXEP

Л. ВАРАКСИНА

О. ИВАНОВА

В. КАТЕРИНИЧ

А. ЛЕПЕТУХИН

Т. МЕЛЬНИКОВА

н. холодок

С. ЧЕРЕПАНОВА

Фотографии

Е. ГЛЕБОВОЙ

В. КОРКИНА

Л. МАЙОРОВА

С. МАРТЫНОВСКОГО

Т. МЕЛЬНИКОВОЙ

В. МЕРИНОВА

В. СПИДЛЕНА

В. ТОКАРСКОГО

И. ШЕВНИНА

Ю. ШУМИЛОВА

Номер создан при финансовой поддержке Федерального агентства по делам печати и массовым коммуникациям и Министерства культуры Хабаровского края

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17
Тел. (4212) 32-73-42, факс 32-73-85
E-mail: haki@pop.redcom.ru
Тираж 1000 экз.
Отпечатано в
Заказ № Тираж 1000 экз.

На первой странице обложки: И.П. Росугбу. В недрах тьмы зарождается свет. Линогравюра

Перепечатка без разрешения редакции запрещена.
При использовании материалов ссылка обязательна

Космос мифа

«Связующим звеном основных миров Вселенной служит мировое древо, образ которого присутствует во всех формах верований и ритуалов народов Амура: в ритуалах жизненного цикла (души младенцев на ветвях дерева), в свадебных ритуалах и атрибутах, в культе животных и шаманстве. Универсальный образ мирового дерева характерен для космологических представлений многих народов».

Сергей БЕРЕЗНИЦКИЙ

Стр. 26

Эпические сюжеты дальневосточной земли

«Первые эпические произведения на дальневосточную тему возникли в казачьей среде. Крупнейшим укреплением русских на Амуре стал Албазинский острог (основан в 1652 г.). С 1682 г. и до оставления Приамурья по Нерчинскому договору в 1689 г. крепость являлась административным, экономическим и культурным центром Албазинского воеводства. Героическая оборона крепости в 1685, 1686–1687 гг. навсегда запечатлена на страницах русской истории. Изыскания археологов свидетельствуют о том, что первые остроги Приамурья представляли собой не только военноадминистративные единицы, но и являлись центрами распространения русской культуры, в том числе религиозной. Известно, что на территории Албазина была возведена церковь Воскресения Христова, с приделами Богородицы Владимирской и Архангела Михаила, а за пределами крепости – часовня Николая Чудотворца».

Лидия ФЕТИСОВА

Стр. 4

«Кя, Подя, не забывай нас, не обижай!»

«В нанайской мифологии не существует универсального духа-хозяина огня. В образе *Подя* обобщены представления нанайцев о множестве духов огня, «живших» в границах той или иной территории. Конкретный дух *Подя* якобы кне выходил» за пределы своих владений, границами которых были речки и мари, непреодолимые для него препятствия. По легендам, этим пользовались иногда некоторые нанайцы, обозлившиеся на духа огня за неудачи на промысле. Они варили кашу, «приглашали» *Подя* с семьей угоститься, переворачивали котел с горячим содержимым в огонь, котел раскалывали. После этого сразу же покидали это место, бежали за марь, за речку, чтобы *Подя* не «догнал». Дух огня будет искать обидчика, врага, пока не накажет, но может и не найти. Однако, в целом, нанайцы верили в справедливость *Подя»*.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА

Стр. 32

Дальневосточное чудо святой Параскевы

«Обычным украшением интерьера изображение святой мученицы Параскевы Пятницы перестало быть 28 марта 2005 года — именно с этого дня ведется отсчет магаданскому чуду. Как рассказывает отец Сергий, он молился в храме и вдруг заметил какой-то отблеск, исходящий от образа святой Параскевы. Закончив молитву, он подошел к холсту и увидел слева на ее одеждах прозрачную маслянистую каплю. Капля стала медленно набухать, потом полилась светящейся струйкой по холсту, а по храму разлилось благоухание. Стало ясно, что происходит нечто необъяснимое. Отец Сергий совершил молебен перед образом, затем поставил возле холста серебряный сосуд и закрыл храм на три дня. Когда храм открыли, увидели, что мироточение продолжается еще более интенсивно. Сообщили о происходящем в Митрополию в Москву, и уже через неделю пришел ответ: «Да, это чудо. Молитесь».

Елена ГЛЕБОВА

Стр. 78

«Крест – хранитель всей Вселенной...»

«Старообрядческие восьмиконечные напрестольные кресты, или «Распятия Христовы», обязательно имеют внизу косую перекладину, к которой были прибиты ноги Иисуса Христа. В верхней части креста старообрядцы поповских согласий помещали Бога-отца в виде «Царя славы». Они называют его еще «Господь сил». Обычно изображение поколенное, Саваоф (Бог-отец) помещен на облаке, обе руки широко разведены в благословляющем жесте. Нимб чаще всего комбинированный: восьмиконечная звезда, вписанная в окружность. Звезда образована двумя наложенными один на другой квадратами или ромбами с вогнутыми гранями. Нижний означает землю, верхний - небо».

Галина ЕГОШИНА

Стр. 91

Каторга сахалинская

«Отдельным изданием книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» вышла в 1895

Каторга сахалинская, где наказание отбывали уголовные преступники, и нерчинская, где трудились на рудниках «политические», в фотографиях представлена широко. Этому способствовали и власти того времени. Надо полагать, воспитывали население с помощью наглядных примеров, которые ясно показывали, что законы Российской империи нарушать не стоит. А может, фотографии были нужны для архива тюремного ведомства. Зачем, к примеру, проверяющему мотаться по дорогам острова Сахалин, когда в тепле и уюте можно рассмотреть фотографии каторжан, занятых работой в угольной шахте, выстроенных на тюремном плацу для проверки, посмотреть на портреты несчастных? Как бы то ни было, но сегодня мы располагаем фотодокументами времени, с помощью которых имеем возможность заглянуть в прошлое России»

> Валерий ТОКАРСКИЙ Стр. 107

Тайна старого холста из платяного шкафа

«Эта история передавалась членами петербургской семьи Вержбицких из поколения в поколение шепотом, с оглядкой как бы не услышал кто из посторонних. Может статься, что она так и осталась бы тайной, окруженной, как печатями, молчанием и страхом, если бы однажды один из сыновей Вержбицких, четырнадцатилетний Лева, не обнаружил в платяном шкафу свернутый в рулон старый холст. Повинуясь мальчишескому любопытству, подросток развернул его и увидел выполненный масляными красками портрет представительного господина с подстриженными по-восточному усами и бородой, лысым черепом и в старомодных очках, сквозь стекла которых смотрели строгие внимательные глаза. Кто это? Откуда и почему портрет попал в шкаф? Судя по трещинам на холсте, портрет был написан давно. Кому он принадлежал и, главное, что за господин изображен на нем?»

Светлана ФУРСОВА

Стр. 62

Мир трех измерений

«Начало XX века – это период, когда создавался новый творческий контекст, определивший основные параметры развития европейской культуры. Тогда множество композиторов, художников, писателей, поэтов и философов разных стран встретились в общем порыве к трансцендентному – при этом каждый шел индивидуальным путем и добился неожиданных художественных результатов, часто не имеющих аналогов в обозримом нами эстетическом опыте. Это принимало форму абстрактного искусства или проявилось в различных авангардных течениях (футуризме, супрематизме, сюрреализме). В музыке в целом это нашло выражение в новом гармоническом языке, ритме, фактуре, инструментовке и новом типе музыкального мышления, которое лежало за созданием совершенно новых форм музыкального выражения»

Антон РОВНЕР

Стр. 144

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Глебова. Пространство Мифа и Легенды. Прикосновение

ГЛАВНАЯ ТЕМА: Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды:

- Лидия Фетисова. Эпические сюжеты дальневосточной земли
- Сергей Красноштанов. Лабиринты несказочной прозы
- 11 Наталья Соболевская. «Чур меня!», или Образы и символы русского сельского жилища Приамурья конца XIX – первой половины XX веков
- Иван Шевнин. Соприкосновение с Мифом
- Екатерина Сыстерова. Живое слово Дальнеречья

ГЛАВНАЯ ТЕМА: Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

- Сергей Березницкий. Космос мифа
- 32 Татьяна Мельникова. «Кя, Подя, не забывай нас, не обижай»
- 36 Анатолий Старцев. Дух предка в образе Куты мафа
- 39 Эпонина Богатырева. Две половины одного целого
- 41 Наталья Соболевская. Легенды и мифы амурского ландшафта
- 46 Елена Глебова. В водовороте открытий и тайн
- 47 Константин Бельды. Дада на ладонях природы
- 50 Петр Гонтмахер. Уроки мифологии в Стране трех солнц
- 52 Мира Горнова. Черепаха, рождающая солнце Музей
- 56 Анна Морозова. Шкатулка древностей из Верхней Экони
- 58 Елена Глебова. Экскурсия в мир шаманов
- 59 Светлана Мезенцева. Легенда о рождении варгана
- Петр Гонтмахер. Велимир Хлебников и мифология орочей

КИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Раритеты

- Светлана Фурсова. Тайна старого холста из платяного шкафа Исследование
- Иван Стремский. *Некрополь*
 - Свято-Иннокентьевского храма
 - Сюжеты из семейного альбома
- Владимир Иванов-Ардашев. Память цвета хаки
- Владимир Меринов. Судьба паромщик Архив
- Татьяна Мельниково. Шаманы под запретом власти

ГРАНИ ДУХОВНОСТИ

- Елена Глебова. Дальневосточное чудо святой Параскевы
- Олег Хуторской. Дух дышит, где хочет
- Слезы на святых ликах
- События
- Елена Глебова. Дарование Победы Человек, который рядом
- Александр Лепетухин. У матушки Елизаветы Святыни

- Галина Егошина. «Крест хранитель всей Вселенной...» Вехи
- Герман (Савельев). Под пристальным вниманием Божественного Ока 96 Светлая память
- Галина Егоппина. Знак судьбы
- Лада Магистрова. «О, Свете мой, Твоей вверяюсь воле!»

лит ЕРАТУРА

Книги

- Елена Глебова. Остров Чехова
- Стоп-кадр времени
- Валерий Токарский. Каторга сахалинская

Татьяна Лаврова. Под сенью мифа

Поэтические строки

Александр Врублевский. Крупинки года

Книги

- 116 Валентина Катеринич. Черно-белый аккорд с восточным колоритом Городские истории
- Светлана Фурсова. Фиалки на фоне задымленного пейзажа

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Проект

- 120 Светлана Соловьева. Музейная идентификация
- Светлана Соловьева. Hospitation

- Елена Глебова. Скульптурные фантазии на тему «Медного всадника»
- Ольга Привалова. Евгений Димура романтик океана
- Наталья Старун. Провидец характеров и судеб
- Татьяна Батова. *Долгий полет в неизвестности*
- Анастасия Берковская. Рембрандт. Автопортрет
- Евгений Кириллов. Галатея Аркадия Шорова Городские истории
- Светлана Фурсова. Маленькая ночная серенада. Дорогое мое приведение Содружество культур
- Елена Глебова. Гармония в стиле арт Фотогалерея
- Светопись морской волны Музыка
- 144 Антон Ровнер. Мир трех измерений

Пространство Мифа и Легенды. Прикосновение

Дальний Восток, пожалуй, одно из самых загадочных мест на земле. Преувеличения в этом нет. Его тайны пытаются разгадать многие поколения археологов, этнографов, историков, краеведов, но однозначных ответов все еще не найдено. Мы движемся в их поисках, следуя «указателям», которые скрыты в археологических находках, наскальных рисунках, ритуальных предметах из музейных коллекций и, конечно же, в мифах и легендах.

Мифы и легенды — уникальное творение человечества, важнейшая часть его культурной истории. Миф, отразившись в народной памяти, в петроглифах, в древних орнаментах и географических названиях, перестает быть сказкой, облаченной в слова. Он живой, в нем мощное объединяющее начало. Удивительно, но в безбрежном океане мифов самых разных народов целый ряд основных тем повторяется с неизменной точностью. Словно бы мудрый Творец диктовал людям из своей книги истории о происхождении мира и всего живого.

Мифы всегда считались духовными сокровищами того или иного племени, рода. Так и у дальневосточных этносов, будь то жители Приамурья, Камчатки или Сахалина, чья родовая память сохранила историю их происхождения. Нередко в мифе, в легенде заложена сакральная информация, которую прежде было нельзя разглашать. Вспоминается разговор с жителем села Булава Ульчского района Хабаровского края Иваном Павловичем Росугбу. Он рассказывал о своем детстве в стойбище Аури, к сожалению, давно исчезнувшем с лица земли, и вдруг произнес странную, на мой взгляд, фразу: «Уже много лет прошло, значит, теперь я могу об этом говорить...» И я узнала о том, как дед водил их, малышей, на родовое капище в ауринском лесу, как молились они там и просили удачи для рода Росугбу.

Мифы, легенды... Ими пронизана наша земля. Вот недалеко от Сикачи-Аляна, что в Хабаровском крае, окаменевшая старуха и семеро ее дочерей. Они охраняют вход в пещеру, где находится граница между царством мертвых и живых. А в озере Кади, говорят, водился когда-то

огромный пуймур — водяной змей. Местные и сегодня не рискуют устраивать ночлег на этом берегу.

Древние легенды переплетаются с современными, создавая особое пространство Дальнего Востока. В удэгейском селе Гвасюги еще в середине XX столетия жила бабушка Гауня Кялундзига. Говорят, сильная была шаманка, обладала даром предвидения, общалась с духами и во время камлания ела горящие угли. На этот счет имеется свидетельство внучки шаманки Гауни, записанные Светланой Гончаровой, заместителем директора по научной работе гродековского музея, во время ее экспедиции в Гвасюги. Думаю, пройдет время, и этот экзотический рассказ превратится в легенду. Ведь стал легендой Итэн Росугбу все из того же стойбища Аури (о нем мы писали в предыдущем номере журнала «Словесница Искусств», № 16, 2005), хотя его дочь, Татьяна Михайловна Еюка, все еще живет в Булаве.

Как только на Дальний Восток стали перебираться переселенцы из российских губерний, Украины и Белоруссии, пространство его мифов и легенд стало приобретать славянские черты. В нем появились домовые и банники, водяные и русалки, заговоры и ритуальные песнопения. С распространением Православия, появлением храмов, монастырей, христиан-подвижников стали происходить чудеса, которые легли в основу христианских легенд. Достаточно вспомнить чудотворные образы Божией Матери Албазинской и Порт-Артурской и удивительные события, связанные с ними. А сегодня, в начале XXI века, перед нами новое чудо — мироточивый образ святой мученицы Параскевы Пятницы, написанный магаданской художницей и уже обошедший многие православные храмы на Дальнем Востоке.

Тема этого номера, которую мы сделали главной, — Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды. Осознавая ее глубину, мы лишь прикоснулись к отдельным направлениям и попытались их обозначить.

Елена ГЛЕБОВА

Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: СЛАВЯНЕ

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна. Родилась в г. Владивостоке. Окончила филологический факультет Дальневосточного государственного университета. В 1982 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Фольклористика». Работает в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, возглавляет Центр по исследованию истории культуры Дальнего Востока России. Является автором трех книг, посвященных традиционному фольклору восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов) Приамурья и Приморья.

Эпические сюжеты дальневосточной земли

Лидия ФЕТИСОВА

Владивосток

Закрепление России на дальневосточных рубежах получило неоднозначную оценку в отечественной и зарубежной историографии. Тем интереснее посмотреть на этот процесс глазами первопроходцев.

Тенденцией к расширению государственных границ отмечена вся история нашей страны, что оказало влияние на формирование своеобразной философии, которую известный филолог И.П. Еремин определил как «провиденциальную». Позднее этот тезис получил развитие в трудах Е.К. Ромодановской, посвященных сибирским литературным памятникам XVII в. С провиденциальной точки зрения, движение русских людей на Восток было предопределено «божьей волей» и потому однозначно заслуживало положительной оценки. Вместе с тем исследователь справедливо замечает, что провиденциализм большинства сибирских авторов тесно связан с необходимостью доказывать правоту русского государства на обладание Сибирью. Аналогичные идеи находим в памятниках как письменной, так и устной словесности, созданных при освоении дальневосточных земель.

Этот пласт русского фольклора до сих пор не привлекал должного внимания исследователей. Историки обычно рассматривали его преимущественно с точки зрения соответствия (либо несоответствия) реальным фактам. Обычно «уличить» народных авторов не составляло труда, но сама их субъективность важна хотя бы потому, что дает возможность выявить отношение к тем или иным событиям и государственным деятелям. В данном случае это важно вдвойне, так как мы имеем дело с народной оценкой.

Освоение дальневосточных земель связано, прежде всего, с российским казачеством. Один из первых исследователей фольклора Приамурья М.К. Азадовский справедливо писал, что казачья колонизация являлась существенным фактором распространения эпического творчества на новой территории. В 1914 г. ему удалось записать на Амуре две былины и несколько фрагментов. К этому времени былина уже утратила свою продуктивность. На смену ей пришел новый жанр — историческая песня. Фольклористы достаточно единодушны во мнении, что, начиная с XIII — XIV столетий, историческая песня сопутствовала политической жизни русского народа, откликаясь на важнейшие события своего времени. К сожалению, история восточных ок-

раин России в фольклорных сборниках представлена очень слабо, хотя вряд ли сюжет о ранении генерала Слепцова на Кавказе отражает более важный момент в судьбе государства, нежели отражение нападения англо-французской эскадры в заливе Де-Кастри.

Итак, первые эпические произведения на дальневосточную тему возникли в казачьей среде. Крупнейшим укреплением русских на Амуре стал Албазинский острог (основан в 1652 г.). С 1682 г. и до оставления Приамурья по Нерчинскому договору в 1689 г. крепость являлась административным, экономическим и культурным центром Албазинского воеводства. Героическая оборона крепости в 1685, 1686-1687 гг. навсегда запечатлена на страницах русской истории. Изыскания археологов свидетельствуют о том, что первые остроги Приамурья представляли собой не только военно-административные единицы, но и являлись центрами распространения русской культуры, в том числе религиозной. Известно, что на территории Албазина была возведена церковь Воскресения Христова, с приделами Богородицы Владимирской и Архангела Михаила, а за пределами крепости – часовня Николая Чудотворца. В церквах имелись библиотеки из книг, необходимых для богослужения. В 4 верстах выше по течению Амура иеромонах Гермоген основал Спасский монастырь, где находилась икона Албазинской Божьей Матери — «Слово плоть бысть». После взятия Албазина и разорения монастыря Гермоген, возвращаясь в основанный им ранее Усть-Киренский Троицкий монастырь, оставил икону в Сретенске. Впоследствии этой иконой благословили первый (1854 г.) сплав по Амуру во главе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым. В настоящее время святыня хранится в кафедральном соборе г. Благовещенска.

Находки археологов показывают, что население острогов в повседневном быту сохраняло традиции предков. При раскопках Албазина в 1991 г. А.Р. Артемьев обнаружил «братскую могилу», в которую превратилась небольшая полуземлянка. Тела 57 человек были уложены головами на запад. Среди тел находились три раздавленных упавшей кровлей горшка с кашей. А.Р. Артемьев полагает, что в них была поминальная кутья. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что албазинцы сохраняли основные календарные и семейные обряды, а также фольклорный репертуар, который пополнялся новыми произведениями. Таким был механизм культурной адаптации колонистов в других местах. Вряд ли он имел принципиальные отличия в Приамурье.

Хотя мы не располагаем прямыми источниками по фольклорной культуре Албазина, но убедительные свидетельства наличия живой фольклорной традиции в Приамурье все же имеются. Так, ярким образцом эпического творчества XVII в. служит историческая песня об осаде Комарского (Кумарского) острога — «Во Сибирской во украйне во Даурской стороне». Подлинность песни подтверждается текстом из сборника Кирши Данилова, относящегося к XVIII в.

Комарский острог был основан в 1654 г. Анализируя содержание песни, посвященной его защите, А.Р. Артемьев пишет: «Ее текст содержит настолько подробное описание оборонительных сооружений острога, а также хода осады, что сомневаться в создании песни в казачьей среде непосредственных участников освоения Приамурья во второй половине XVII в. не приходится:

Круг они острогу Комарского Они глубокий ров вели, Высокий вал валилися, Рогатки ставили, Чеснок колотили, Смолье готовили...

Текст состоит из нескольких эпизодов. Начинается песня с информации о занятиях казаков, которые поставили острог, чтобы собирать ясак «царю белому». Далее речь идет о том, что 25 человек, отправившиеся на Амур ловить рыбу, были захвачены воинами «богдойского князька» и преданы мучительной смерти:

Как вешняя вод
По лугам разливалася,
Облелеяла сила поганая
Вокруг острога Комарского.
Отрезали у казаков
Ретивое сердце со печенью...

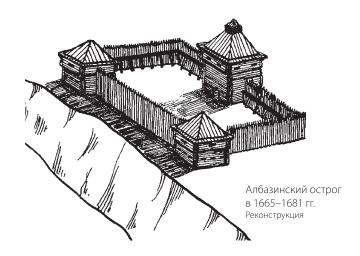
Находившимся в крепости было предложено сдаться, их прельщали «и златом, и серебром, да женами прелестными». Однако казакам удалось отразить нападение с помощью пушек:

Три пушки гунули, И замолчали силушки, Три силы богдойские, Три силы поганые...

Концовка песни типична для произведений героикоэпической направленности:

Побежал богдойский князек Со своими силами Прочь от острогу, А сам заклинается: А не дай же, боже, Напредки бывать На славной и быстрой Амуре-реке...

Б.Н. Путилов, готовивший данный текст к переизданию, обнаружил в исторических документах довольно близкое песенному описание конфликта, датированное мартом 1655 г. Однако, несмотря на обилие конкретных деталей, песня в значительной степени носит обобщенный характер. Ее героический пафос соответствует традиции, сложившейся в эпическом творчестве

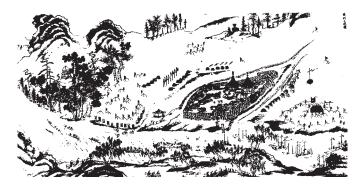
к XVII в. Именно тогда возникли песни о М.В. Скопине-Шуйском — победителе Лжедмитрия II, о Минине и Пожарском, о походе казаков под Азов. Основание и защита Кумарского острога также показаны как событие общенационального значения.

Поставленный в 1654 г., выдержавший длительную осаду в 1655 г., Кумарский острог был оставлен в 1685 г., когда многочисленная маньчжуро-китайская армия разгромила казаков, руководимых О. Степановым. Русские вынуждены были покинуть эти места, но народное творчество зафиксировало воспоминания не о поражениях, а о победе. Два с половиной столетия спустя (1912 г.) текст песни о героической обороне Кумарского острога находим в Записках Иванова по истории Амурского казачьего войска, изданных в Благовещенске.

Земли по левому берегу Амура были возвращены России в середине XIX в., что связано с заключением ряда российско-китайских договоров, прежде всего Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.). Художественное мышление людей было уже иным, нежели в XVII — XVIII вв. Это, безусловно, отразилось и в фольклоре нового времени. Начался отход от прежней эпической традиции, наметилось усиление лирического начала в произведениях с исторической тематикой. Стали преобладать песни с постоянным текстом, в которых ощущалось влияние профессиональной литературы. Этому способствовала и письменная фиксация текстов, поскольку уровень грамотности среди казаков был довольно высоким. Известный этнограф и писатель С.В. Максимов в начале 1860-х гг. видел рукописные песенники в старожильческих селениях Забайкалья.

В середине XIX в. была сложена историческая песня о сплаве по Амуру и защите залива Де-Кастри от англофранцузской эскадры. По Нерчинскому договору русским судам отказывалось в плавании по Амуру, но война России с Западной коалицией заставила вновь поднять вопрос о сплаве по Амуру войск и грузов для защиты наших интересов на Тихом океане. В 1854 г. военный губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев получил соответствующее распоряжение, и 14 мая того же года от Шилкинского завода отправилась флотилия барж и судов во главе с пароходом «Аргунь». 28 мая флотилия достигла китайского города Айгуня. Переговоры с маньчжурским начальником гарнизона прошли успешно, и 15 июня экспедиция прибыла в пост Мариинский, где Н.Н. Муравьев встретился с руководителем Амурской экспедиции Г.И. Невельским. Часть казаков была отправлена в Петропавловск на Камчатке, часть оставлена для защиты Де-Кастри. Так завершился первый сплав по Амуру.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Албазинская острог. Осада крепости маньчжурами. Фрагмент китайского свитка, хранящегося в библиотеке американского конгресса

Весной 1855 г. состоялся второй сплав. Вместе с войсками прибыли крестьяне-переселенцы. В заливе Де-Кастри с тревогой ожидали появления англо-французской эскадры, но к осени успокоились, и часть людей была переведена на зимовку в Мариинск. В Де-Кастри осталась артиллерия и рота казаков под началом есаула Пузино. З октября неожиданно появились английские суда, но их попытки высадить десант были отражены, и 17 октября англичане покинули залив. Эти события и легли в основу исторической песни, созданной участниками обороны Де-Кастри. Произведение состоит из двух частей. Первый сюжет посвящен подготовке экспедиции и сплаву по Амуру:

В пятьдесят пятом году В Забайкальском во краю По бригадам шел приказ — Назначали в Амур нас. Мы услышали походу, Много шли в Амур с охотой. В батальоны формивали, В Молоду нас отправляли, В Молоду мы приходили Однуе ночку пробыли. С Молодой нас отправляли, Нам подвод-то не давали, Нам подвод-то не дали. Нас пехотой повели. Вот походы-хлопоты, Отправляли нас в Баты. Во Батах мы проживались, Все ученьем занимались. Нам ученье ничего, Между прочим — чижело. Вот кончали смотр-ученье, Пошли в Шилку на мученье. Мы во Шилке проживали, Себе баржи исправляли... Вот и баржи нагрузили, Вниз по Шилке отвалили... Сошлась Шилка и Аргунь, Тут пошла река Амур. Мы Амуром проплывали, Много горя попримали... Муравьев отдал приказ, Повели в Декастру нас. Мы в Декастру приходили, На изморье выходили, На изморье выходили, Белы руки опустили:

«Это что за издивленье, Только лес, одне коренья!» Нам и нечего смекать, Мы просеки просекать, А морозы подошли, Мы в казармы перешли...

Сразу обращает на себя внимание насыщенность текста реалистическими деталями, удивительно точная, подробная «география». Несомненно, автор был участником событий. Второй сюжет, посвященный отражению английского десанта, лишен такой детализации:

Мы за кустиком лежим Промеж собой говорим: «Ну, ребятушки, потише, Подождем его поближе, Ну, ребята, не бояться, Англичанам не поддаться». Ружья, пушки загремели, Англичане заревели...

Есаул Пузино представлен как типичный военачальник — «слуга царю, отец солдатам»:

Перед зводом-то отец, Пузинов наш молодец...

В рассказах-воспоминаниях он предстает совершенно иным: «Ну, и сколь раз на мель садились. А тут Пузинов етот. Беды! Почитай день-от цельной с баржой промучисся, покуль выташшишь. А сташшишь — тут бы сдыхнуть, да куда! Сичас команда: «Ломай лозняк!» Ну, наломам сами же, нас же и порют. И уж он пошшады не знат».

В начале XX в. песня неоднократно записывалась известным фольклористом М.К. Азадовским. Ее пели как походную, а казаки старшего возраста исполняли также за работой или на гулянье. Не исключено, что «казачья эпопея» создавалась поэтапно, возможно, даже не одним автором. На такую мысль наводит и «разностильность» отдельных частей, и наличие вариантов, в которых упоминаются события более позднего времени, например заключение Айгунского договора 1858 г. По-видимому, в процессе бытования текст обрастал новыми подробностями. Скорее всего, изначально песня создавалась как отклик на первый сплав, но с позиций казачьего сословия героическая оборона Де-Қастри оказалась событием более значимым, поэтому акцент был перемещен на 1855 год. Важнее всего, однако, тот факт, что перед нами один из поздних образцов русского героико-эпического творчества, дающий представление о творческом потенциале и духовных ценностях первых засельщиков Дальневосточного края.

Литература:

^{1.} Азадовский, М. К. Песнь о переселении на Амур / М. К. Азадовский // Сиб. арх. — Минусинск, 1916. — № 3—4.

^{2.} Азадовский, М. К. Эпическая традиция в Сибири / М. К. Азадовский // Вестн. просвещения. — Чита, 1921. — № 5—7.

^{3.} Артемьев, А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. / А. Р. Артемьев. — Владивосток, 1999.

^{4.} Еремин, И. П. Литература Древней Руси / И. П. Еремин. — М., 1966.

^{5.} Иванов. Краткая история Амурского казачьего войска / Иванов. — Благовешенск, 1912.

^{6.} Народные исторические песни. — М. ; Л., 1962.

^{7.} Ромодановская, Е. К. Сибирь и литература, XVII век : избр. тр. / Е. Қ. Ромодановская. — Новосибирск, 2002.

Лабиринты несказочной прозы

Сергей КРАСНОШТАНОВ, профессор Хабаровск

Жанры русского фольклора, бытующие на Дальнем Востоке, по сути дела, мало чем отличаются от тех, что встречаются в европейской части России, в Украине, Белоруссии. Этот уникальный пласт народного творчества был привезен в далекий край переселенцами с запада вместе с верованиями, обычаями и материальной культурой.

Как известно, в фольклоре различаются **сказочная** и **несказочная** проза. Мы остановимся на несказочной прозе, а точнее, устных рассказах — преданиях, легендах, быличках. Каждый жанр имеет свои отличительные особенности.

В сказке главное — выдумка, фантазия. «Сказка — складка. Не любо — не слушай, врать не мешай». Развлекательность — другая особенность этого жанра. Сказке присуща также устойчивая художественная форма.

Произведения несказочной прозы обычно меньше по объему и не обладают сюжетной завершенностью. Отличительная особенность несказочной прозы — установка на достоверность повествования. Наряду с художественной, произведения несказочной прозы выполняют функцию познавательную, информационную. Они подтверждают реальность события, о котором идет речь. Рассказчик внушает слушателям возможность происходящего, несмотря на его необычность и сверхъестественность.

Один из жанров несказочной порозы — предание. В преданиях рассказывается о далеком прошлом, потому повествование ведется от третьего лица. Предания утверждают или отрицают что-либо без колебаний. Действительность здесь изображается в основном реальная, и рассказывается обычно об отдельном случае. Конкретность преданий усиливается их привязкой к определенной местности. Назначение этих произведений устного народного творчества — сохранить память о значимых событиях и деятелях истории. Основу преданий составляют национальный или социальный конфликты. Предания не обходятся без вымысла, подчас самого фантастического. Иногда реальным бывает лишь имя основного персонажа. Но это не лишает произведение подлинного историзма. Вот пример. В одном из письменных исторических источников рассказывается случай о том, что в 80-е годы XVII века казак Трофим Васильев привез в Тобольск известному сибирскому историку Ремизову ружье, будто бы принадлежавшее Александру Македонскому, который доходил до устья Амура. Предание гласит, что Македонский закопал это ружье и еще колокол. Колокол был большой, и потому казак Трофим Васильев его не повез. Ремизов, в составленной им карте Сибири, дошедшей до нас, отметил место, где пребывал Александр Македонский в устье Амура.

Наряду с историческими существуют топонимические предания. Это рассказы о географических объектах: реках, озерах, горах, определенной местности, населенных пунк-

тах. Из предания в предание могут переходить устойчивые сюжеты. К примеру, об обращении людей в камни, о курганах, связанных с именами народных заступников, или о чудесных кладах. Эти повторяющиеся мотивы при разнообразных местных и временных вариантах и выделяют предания как самостоятельный жанр. Есть, к примеру, предание о так называемой Горе-шапке, расположенной на Среднем Амуре. В нем говорится, что в старину в здешние места пришел какой-то военачальник с большим войском и приказал насыпать эту гору. Его воины носили землю в шапках, и потому гора получила такое название.

Или еще одно топонимическое предание о том, как был открыт целебный источник в районе Кульдура. Когда-то давно к этому источнику одного охотника-эвенка привели следы раненого оленя. Как выяснилось, животное приходило сюда лечиться. А само название Кульдур в переводе с эвенкийского, не что иное, как «горячая вода».

Следующий жанр несказочной прозы — легенда. Легендами называются устные рассказы, основанные на вере, будь то христианские представления или древние верования. Если в преданиях обычно реальная основа, то в легендах основой повествования служит фантастическое явление, чудо, вмешательство божественной силы. Для носителя веры легенда является повествованием о достоверном. Легенды можно подразделить на тематические группы: о сотворении мира, происхождении земли и неба, солнца, луны, звезды, о животных и птицах и др.

Главные персонажи христианских легенд — Иисус Христос, Богородица, святые, которые странствуют по Руси и творят справедливый суд. Существенная особенность христианской легенды – религиозное морализирование. На Дальнем Востоке известна история, связанная с Порт-Артурской иконой Божией Матери, которая сегодня является святыней Владивостокской епархии. Как рассказывает легенда, за два месяца до начала Русско-японской войны в декабре 1903 года матросу, усердно молящемуся в Киево-Печерской лавре о русском флоте в Порт-Артуре, во сне явилась Богородица и велела изготовить Ее образ, который точно бы отображал увиденное. А еще Богородица велела отправить эту икону в Порт-Артурскую церковь. Как говорит легенда, матрос в точности исполнил божественный наказ: обратился к инокам Киево-Печерской лавры, а потом сотворенный образ отвез в Порт-Артур. Столетие назад русские потерпели поражение в Цусимском сражении, святой образ был утерян, но в конце XX века вновь обретен в Иерусалиме и возвращен во Владивосток.

Особую группу составляют социально-утопические легенды. В них отражены народные представления об идеальной жизни, о путях обретения счастья. Социально-утопические легенды подразделяются на три типа: о золотом веке (идеализация старины), о далеких землях (Беловодье), об избавителях (народных заступниках).

К третьему жанру несказочной прозы относится былич-

ка, которая тесным образом связана с низшей мифологией. В быличках идет речь о домовых, леших, водяных, русалках, оборотнях, привидениях, колдунах и т. д.

Демонологические представления народа уходят в глубокую древность, о чем свидетельствует природная основа тех же образов лешего, водяного, русалки. Люди с давних времен стремились установить отношения с «хозяевами» и «духами» дома, бани, поля, леса, объясняя свои «несчастья» нарушением этих отношений. Былички сохраняют представления о происхождении, внешнем виде, вредоносных или же, наоборот, положительных возможностях сверхъестественных существ, о последствиях встречи с ними. Необычное событие, случившееся с человеком, воспринимается как исключительное. На самом деле рассказы, бытующие в разных местах в разное время, отличаются большим сходством, являются вариантом устойчивых сюжетных мотивов. Мистическим содержанием быличек определяется их психологическая настроенность. Эти рассказы не только об удивительном, но и страшном, жутком.

Из числа образов низшей мифологии образ домового наиболее живуч и стабилен. Он воплощение первопредка, и прежде всего является заботливым хозяином дома, который принимает деятельное участие в жизни семьи. Именно тесной связью с семьей объясняется его функция «вещуна», предсказывающего свадьбу, пожар, смерть. Домового, духа-покровителя домашнего очага, обычно именовали дедушкой-домовым, дедушкой-соседушкой, батюшкой-домовым, доможилом, хозяином-батюшкой. Чтобы его умилостивить, крестьяне прибегали к своеобразному жертвоприношению, подносили хлеб-соль, готовили разные кушанья.

Внешне домовой имеет антропоморфный вид. Чаще это старик небольшого роста, с длинными седыми волосами и бровями. Тело, кроме рук и лица, может быть покры-

то шерстью. Одежда домового напоминает костюм старика, характерный для данной местности. Нередко на домовом лохматая шапка. Случается, что он бывает похож на хозянна дома.

Домовой добрее водяного и лешего, и с ним можно подружиться. А вот водяной или леший могут погубить человека. Домовой обычно обнаруживает себя стуком, стоном, плачем (предвещает беду), кряканьем (к добру). Во время сна человек чувствует, как домовой стягивает с него одеяло, налегает на грудь и начинает душить.

Постоянная тема быличек — отношение домового к лошадям и домашнему скоту. Если лошадь ему нравится, заплетает ей гриву, ворует для нее сено у чужой лошади. А вот если лошадь не той масти, домовой каждую ночь привязывает ее хвост к яслям. Не понравится хлев домовому, хозяин будет вынужден не ставить туда скотину.

Традиционно в быличках рассказывается о переезде семьи в другой дом и поведении домового. Если его не возьмут с собой, не позовут, последствия могут быть трагическими — от разорения до гибели.

Ограниченность сюжетов в рассказах о домовом определяется обстановкой, в которой он действует — изба, двор, овин, гумно, а также временем — темное время суток.

Фольклорный рассказ о домовом вне верования невозможен. Поэтому образ домового не вышел за пределы несказочной прозы.

Предлагаемые читателю произведения несказочной прозы записаны студентами Хабаровского государственного гуманитарного университета во время фольклорной практики в Хабаровском крае. Казалось бы, суеверные рассказы должны принадлежать старине, но они и сегодня активно бытуют. Среди материалов встречаются и такие, где славянские легенды, предания, былички тесно переплелись с фольклором аборигенов.

Из уст в уста...

ЛЕГЕНДЫ

Печаль древнего утеса

У нас есть очень красивый утес. Его вершина имеет очертания человеческой головы: отчетливо видны нос, губы, подбородок, высокий лоб. Поэтому самую верхнюю площадку утеса называют «головой». Здесь любят собираться жители, устраивают пикники. Рассказывают легенду, связанную с этим местом.

Давным-давно, когда Амур еще не был заселен казаками, а жили здесь одни лишь гольды, случилась эта история. В то время на Амур частенько приезжали китайские торговцы. Они торговали продуктами, тканью, меняли пушнину на водку — «огненную воду», давали товар в долг, а потом забирали в два раза больше. И вот как-то раз один китаец дал в долг бедной женщине продуктов. У нее не было родственников, муж погиб на охоте, а на руках был маленький сын. Когда пришло время расплачиваться, у женщины не оказалось денег, и торговец забрал ее сына, сказав, что

когда мальчонка вырастет, то отработает долг матери. И уехал.

А дело было зимой, и китаец передвигался на санях. Он укатил в другое село, обогнув утес. Женщина же в слезах побежала за ним, но прямо под утесом сердце ее не выдержало, и она рухнула на снег.

С тех пор во время пурги, если в этот момент находишься под утесом, можно услышать жалобные женские крики и плач.

Людмила ЕЛЬКИНА. Текст записан от А.Е. МУНИ-НОЙ, 1937 г. р. в селе Калиновка Хабаровского края

Рыбий клеск¹

Один крестьянин отправился к светлой заутрене на погост (церковь при кладбище. – Ред.) с вечера субботы. Идти ему надо было мимо озера. Идет он берегом и видит: на другом берегу человек таскает что-то кошелем из воды в лодку. Но как только ударили колокола на погосте,

¹ Рыбья чешуя (Прим. ред.)

человек вдруг пропал. Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском. «Не клад ли?» – подумал мужик, набрал клеску полные карманы и воротился домой. Дома он опорожнил карманы, захватил мешок и опять пошел на озеро к тому место. Но лодки там не оказалось. Тогда мужик пошел к заутрене. Воротился домой из церкви, захотел посмотреть на свою находку, но вместо рыбьего клеска обнаружил серебро. Разбогател мужик. А тот, что сидел в лодке, каждую великую субботу кричит и жалуется на свою пропажу и грозит мужику. А мужик с той поры никогда больше не подходил к озеру.

Нэлли КУРДАКОВА. Текст записан от А.И. КУРДАКОВОЙ, 1937 г. р. На Дальний Восток приехала из Магнитогорска, живет в п. Могилевка Хабаровского края

Огненный, или Медвежий, камень

Это, конечно, легенда, но живучая она, и со дня основания Бикина верят в нее и любят! Камень этот и по сей день лежит на краю деревни – он большой и коричнево-рыжий, напоминает кусок халвы. Кто говорит, это медведь его прикатил, кто – что под ним монеты рассыпаны, кто-то говорит, что под ним родник спит, а я была склонна верить тому, что внутри него огонь, и даже долгое время не касалась камня. Думала, что он горячий. Вот как вера-то крепка!

Алевтина СКРИПКА. Текст записан в г. Хабаровске от М.А. СКРИПКА, 1915 г. р. Родилась в с. Вегеровка Черниговской области

ПРЕДАНИЯ

Происхождение фамилий

Анастасия ПУЧКОВА:

«Фамилия Пучковы произошла от слова. Придумал ее человек, который жил в древней стране. Жил и не думал о своей жизни. Торговал он луком, укропом, петрушкой и всем остальным. Все это он складывал в пучки, продавал на рынке и так зарабатывал себе на жизнь. Это человек был очень трудолюбив: держал разную скотину, носил ей сено большими – пребольшими пучками. Вся деревня его любила. Что бы он ни делал, все это складывал в пучки.

Однажды пошел он за травой, нарвал большой пучок. Идет по дороге, ни о чем не думает, и вдруг ему навстречу дедушка. И говорит: «Почему, сколько я тебя ни вижу, все у тебя в пучках – и сено, и лук, и укроп?» – А мне, дедушка, так удобней». Дедушка ему и говорит: «Ты не обижайся, но я буду звать тебя Пучков».

Так и вся деревня привыкла звать его Пучковым. Вот и дошла моя фамилия и до меня.

Александр МАРЧЕНКО:

«Старый мой предок печатал марки на мешках и коробках, чтобы можно было узнать, откуда везли товар, какого года изготовления или сбора (урожай). Марка – это была бумага, а на ней стояла печать. И поэтому моего

предка называли Марочник. Со временем это прозвище изменилось в Марченко».

Светлана МАЛЬКОВА. Текст записан от учащихся 6-го класса средней школы с. Мичуринского Хабаровского края

БЫЛИЧКИ

Говорящий кот

У мужиков нашей деревни есть любимое занятие – охота. Каждую зиму, раза два-три, они собираются по 7 – 8 человек, набирают зарядов и провизии и едут на охоту. Обустраиваются в зимовье, днем охотятся, вечером пьют чай, разговаривают.

Однажды во время таких ночных посиделок к ним пришел кот. Обычный такой кот, полосатый. Он мерз на пороге, пока его не впустил кто-то сердобольный. Уже изрядно соскучившись по дому, мужики стали тискать кота и играть с ним. Даже прозвище ему дали – Васька.

Особенно один из охотников старался, все мучил кота и приговаривал: «Васька, Васька!» И тут случилось необъяснимое. Кот вдруг разворачивается и, прошипев, говорит: «Васька, Васька, какой я тебе Васька!» Мужики испугались, кто схватил, кто не схватил одежду, ружья, поскорее сели на мотоциклы и уехали. Больше в том зимовье никто не останавливался на ночлег.

Людмила ЕЛЬКИНА. Текст записан от А.Е. МУНИНОЙ, 1937 г. р. в селе Калиновка Хабаровского края

Домовой

Это дело было давно. У одних людей были две дочери и сын. К ним как-то пришел парень, Василием звали, а одну из сестер Дусей. Вот Дуся и Василий поженились и отделились от ее родителей в другой дом. У них родился ребенок. Както сам ушел в картишки играть, а она на печке лежала, а ребенок в зыбке рядом с печкой. Вдруг в двенадцать часов случается стук: стучит и стучит, стучит и стучит.

Она на следующий день говорит мужу: «Ты вечор никуда не ходи»

А ей говорят, что это домовой ей чудится, «стучит», ведь муж-то кузнец. Однажды Дуся опять осталась одна. Видит, кто-то вышел мохнатый – и такой верзила. Зыбку качает с ребенком и хохочет, и хохочет. Вот так покачает зыбку и исчезнет, а ребенок не выпадает из зыбки. Позвала она сестру, но прошло время, и он опять выходит.

Бились они, бились и перекочевали в другой дом. А в этом доме долго-долго никто не мог жить. А потом дом-то сгорел.

Банник

Построили одни баню, и в это время заболела у них дочка. А под подушкой каждое утро мать находила кусочки сахара. Уже и покупать стали сахар-песок, а все равно каждое утро мать находила сахар. А девочка все хуже и хуже себя чувствует.

В это время в их доме остановился старик проезжий. У него-то и спросил отец, почему девочка болеет. А тот наказал сходить в двенадцать часов на кладбище, накрыть стол белой скатертью и поставить на него две рюмки и бутылку водки. Причем рюмки должны быть не граненые, не с рисунком, а простые, светлые. Все так и сделал отец, Стоит и ждет. Вдруг слышит, водка наливается. Он повернулся, а никого не видит. Смотрит, а рюмка уже пустая, и вдруг кто-то говорит: «Баня у тебя не на месте».

Послушался его отец и стал разбирать баню. А девочка помаленьку стала выздоравливать. Видно, правду говорил, что баннику место не понравилось.

Нэлли КУРДАКОВА. Текст записан от А.И. КУРДАКОВОЙ, 1937 г. р. На Дальний Восток приехала из Магнитогорска, живет в п. Могилевка Хабаровского края

Мохнатый наездник

Моя бабушка рассказывала историю, которая случилась с ее соседом Тимофеем.

У Тимофея была лошадь. И вот однажды утром он заметил, что лошадь стоит вся в испарине и очень уставшая. Создавалось впечатление, что на ней всю ночь ездили. Тимофей решил, что это балуется кто-то из соседних ребят – берет ночью лошадь и катается.

На следующую ночь он отвязал с цепи собаку, чтобы она охраняла лошадь. Ночью было тихо, собака не лаяла, но утром Тимофей снова обнаружил лошадь заезженной. Тогда он сам решил покараулить лошадь и ночью спрятался в конюшне, взяв фонарь и вилы. Сначала было тихо, но после полуночи фонарь вдруг погас. Хорошо, что на улице были фонари, и в конюшне не было слишком темно. Тут вдруг Тимофей увидел маленького бородатого человечка с взъерошенными волосами. Человечек полез на лошадь. Лошадь слушалась его и пригнулась, чтобы он сел. Сев, человечек стал гонять лошадь рысью по конюшне. Без сомнения, это был домовой!

Тимофей кинулся к этому домовому с вилами, но вилы не могли ему навредить. Тимофей испугался и стал читать молитву, и домовой тут же исчез. Больше он не появлялся и не катался на лошади.

Еще бабушка говорила, что похожая история случилась и в селе Коломна в XIX веке. У одной женщины была корова, и однажды кто-то повадился эту корову доить по утрам. Хозяйка приходит в сарай, чтобы подоить корову, а у той уже нет молока! Хозяйка не могла понять причину и пригласила шамана. Тот сказал: «Похоже, что домовой». Женщина решила проверить: ночью пошла в сарай, но не заметила как уснула, а наутро у коровы снова не было молока.

На следующую ночь женщина взяла с собой мужа. И вот ближе к рассвету они увидели маленького, как кукла, человечка. Он был весь в шерсти, как животное. Корова легла на пол, он лег рядом и принялся сосать молоко.

Женщина не знала, как избавиться от домового, и снова обратилась к шаману. Шаман прочел какое-то заклинание, и домовой больше не приходил.

Елена НЕЛИПА. Текст записан от В.Е. НЕЛИПА, 1937 г.р. Место рождения с. Уликан

То ли красноармеец, то ли виденье...

Случилось это на мысе Лазарево в 1935-м. Семья моей бабки жила в то время там. С ее слов я пишу этот случай.

«Мы тогда на мысе Лазареве жили. Вот вечером отправилась на посиделки. Когда я пришла, там уже полно народа были - парни, девки. Я в то время махонькая была - восемь лет всего. Мы с девчонками на печку залезем, чтобы никому не мешать, и смотрим, как старшие веселятся. Ну вот, пришла я, а там холодина. Ну, мне и говорят: «Верка, ты одетая, сходи принеси дров». Пошла я. Дрова были за избой в сарае. Зашла я в сарай, присела, дрова набираю. Вдруг слышу, что-то скрипит. Подняла я голову, гляжу, в там человек стоит – красноармеец. В буденовке, в длинной серой шинели и сапогах. Стоит и смотрит гру-у-у-стным таким взглядом и губами шевелит. Как будто говорит что-то. А я ничего не слышу. Вдруг он мне руку протянул и головой мотнул куда-то в сторону. Пойдем, мол, со мной. Тут я как заору, дрова бросила и прочь из сарая побежала. Прибегаю обратно в избу, а на мне лица нет, белая как стена. Тут все ко мне подступились: что, мол, случилось? Почему испугалась, дров не принесла? Я им все рассказала, а они надо мной только посмеялись. Трусиха, мол, побоялась по темноте в сарай идти, а теперь заливаешь. Пошла я домой. Иду и думаю: откуда он взялся? В деревне ни у кого одежды такой нет, в армии кто служит, я всех знаю, а это незнакомый какой-то, темный, страшный. Пришла я домой, маме все рассказала. Она на меня посмотрела, по голове погладила и сказала: «Не на месте сарай стоит, не надо было его там строить». Когда я ее спросила, почему, она мне ничего не ответила.

Через три года хозяин этой избы решил сарай снести и освободившуюся землю припахать к огороду. Когда копали колею вдоль огорода, чтобы вода стекала, нашли череп, кости, тряпки какие-то и буденовку рваную со звездой. Вот и весь сказ».

Владимир ЕГОРОВ. Текст записан от В.А. КОВАЛЕВОЙ 1927 г. р. Живет в с. Софийск Ульчского района Хабаровского края

Беду накликал домовой

«Это мне рассказывала мать. Было начало войны, и ее муж ушел на фронт, а она осталась с нами. Была уже поздняя ночь. Мы спали, а маме не спалось. Вдруг она услышала, что кто-то подошел к ее кровати, постоял, а потом начал давить ей на шею. Она поняла, что это домовой, и вспомнила, что старые люди говорили, что у домового надо спросить: «К худу али к добру?» Ну, она у него и спросила. А он перестал давить и таким глухим голосом и говорит: «Мамка, ху-у-у!» А потом ушел на кухню. Сильно она тогда испугалась. А через несколько дней пришло извещение, что батя наш погиб».

Лотта ХАЛИЛОВА.
Текст записан от К.М. ГАРНАГА 1941 г. р.
Живет в с. Воскресенском Ульчского района
Хабаровского края

«Чур меня!»,

или Образы и символы декора традиционного русского сельского жилища Приамурья конца XIX – первой половины XX веков

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ,

кандидат исторических наук, доцент Тихоокеанского государственного технического университета

«Чур меня!» – такое присловие входило в состав словесно-обрядового обращения нашего далекого славянского предка для оберега. Обращаясь к могучим древним силам, русский язычник стремился оградить себя, свое хозяйство от вторжения злого начала. Существовала целая система знаков/символов, ограждающих культурное пространство крестьянского дома, одного из важнейших элементов крестьянского бытия.

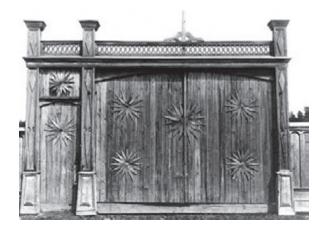

Фото 6

Домовой декор Амурско-Зейской равнины

Дом — это способ жизнеустройства, это и модель мироздания, национальный Космос в миниатюре. Здесь крыша – небо, стены – страны света, окна — ока в мир, пол — земля... По Дому можно изучать воззрение народа на мир - как он его понимает. Наиболее семантичной частью русского крестьянского дома является декор карнизов, наличников, крыльца... Резной орнамент — это своеобразный набор — ритм наиболее устойчивых символов данной культуры, это так называемый «овеществленный» миф. Известный исследователь славянской культуры Б.А. Рыбаков в своих книгах «Язычество древних славян», «Язычество древней Руси» уделил большое внимание орнаментике дома, предметов быта и одежды, рассматривая ее как вариант космологической системы, уходящей своими корнями в глубь тысячелетий.

Необходимо отметить — эти символы, размещенные на всех обрамляющих проемы деталях дома, в прошлом несли и магико-заклинательную охранительную функцию. Б.А. Рыбаков их еще назвал «овеществленными заговорами», возникшими в недрах славянского язычества и перенесенных через века.

И все же эти символы трансформировались под влиянием нового «культурного текста». Что из «вечного мифа» сохранилось, а что изменилось в этих посредниках культурной памяти на дальневосточной периферии России?

При изучении особенностей дальневосточного ареала российской традиционной культуры необходимо учитывать историю его формирования. Переселение на Дальний Восток, как правило, означало отрыв от родной почвы, питающей традиции. Характерной чертой механизма формирования российского населения юга Дальнего Востока было взаимодействие разнородных групп восточнославянских этносов.

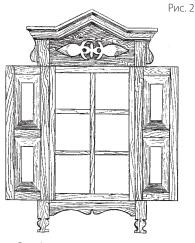

Фото 8

Резные орнаменты крестьянских домов Приуссурья конца XIX – начала XX веков

Рис. 1

ис. 3

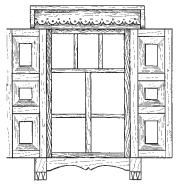

Рис. 5

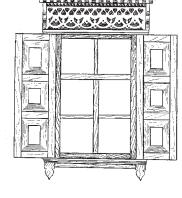

Рис. 8

Рис. 7

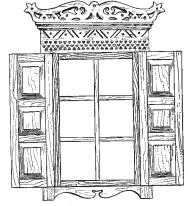

Рис. 4

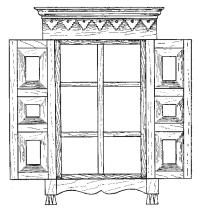
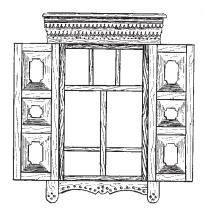

Рис. 6

Спецификой этого доминирующего русско-украинско-белорусского культурного пограничья является взаимодействие с ним собственно дальневосточных культурных компонентов: тунгусо-маньчжурского, монгольского, корейского, китайского.

Как показали наши исследования в 70-80-х годах XX века, наименее изменившимися по сравнению с исходными материалами, можно рассматривать в Приамурье культурные традиции белорусских крестьян — поселенцев долины реки Кии, правого притока Уссури.

Традиционные навыки деревообработки пригодились бывшим могилевским крестьянам при обживании лесистой местности Приуссурья. Здесь в домостроительстве при украшении деревянных конструкций домов, как и по всей России, в конце XIX — начале XX веков стала доминировать пропильная резьба, выполнявшаяся выкружной пилой, лобзиком. Декор народного жилья лаконичен, в этом можно отметить традицию декоративного оформления построек восточных районов Белоруссии, хотя сочетание геометрических, растительных и зооморфных мотивов и здесь создает определенное богатство орнамента.

Пропильной резьбой в селах Георгиевке, Петровичах, Полетном, Марусино украшались наличники, значительно реже - карнизы и причелины. Простые геометрические мотивы – повторяющиеся ряды треугольников, полукружий - вот основа орнамента подзоров карнизов, причелин с кистями, обрамляющих «своды» — фронтоны двускатных крыш домов. Это древнейшие славянские символы дождя, небесной влаги, от которой зависело плодородие, а следовательно, и жизнь древнего земледельца. С небесной сферой связаны и представления о солнце, подающем тепло и свет. Знаками солнца являются солярные розетки на нижних концах причелин, обозначающие восходящее и заходящее солнце, передающие дневной путь светила.

Особенно важен образный мир наличников окон. Сами окна в представлении о доме как мироздании являются пограничной зоной между миром внутри жилища и иным, природным, окружавшим жилище со всех сторон. Трехчленная структура окна с резными верхней и нижней досками наличников соотносится с вертикальной трехчленной структурой космоса. Верхняя доска — очелье — маркировала небесный мир, на верхней доске или по ее краю изображались символы небесного мира: солнечные розетки, птицы, антропоморфные (женские) изображения, животные, растения (рис. 1, 2).

Композиция узоров в очельях традиционно трехчастная — центральный символ и в соотношении с ним в зеркальной симметрии — символы по сторонам. С помощью зеркальной симметрии обозначается мифическая картина мира, которая характеризуется замкнуто — циклическим пониманием времени. Трехчастная композиция орнамента наличника заключает в себе идею нели-

нейно-временного, упорядоченного центральной осью (смыслопорождающий и созидающий универсальный символ) Космоса.

Так, «сводчатый» карниз наличника в селе Петровичи обрамляет лобань (подкарнизная доска очелья) с двумя зеркально-симметричными друг другу антропоморфными фигурами. Воздетые вверх и навстречу в магическом заклинании руки упираются в центральную ось. Уж не две ли это хозяйки мира, связанные с культом плодородия у славян-земледельцев (рис. 3)?

Наличники встречаются здесь двух типов: двускатные с «коньковым» и прямолинейным карнизами. Горизонтальный тип карнизов связан со стремлением обозначить «приземленную» модель мира в отличие от карнизов с «небосводом». Орнаменты ряда наличников с горизонтальными карнизами связаны непосредственно с земледельческой культовой семантикой. В одной надкарнизной композиции парные змеи с растительными завитками тяготеют к центральной антропоморфной фигуре. Змеиный сюжет в верхнем ярусе домового декора объясняется их мифологической функцией медиаторов, способных перемещаться между тремя мирами (верхним, средним и нижним), а также древнейшими представлениями о змее как космическом существе (рис. 4).

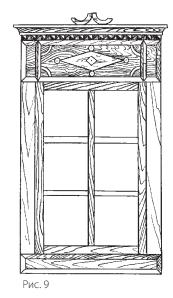
Образ антропоморфной фигуры в центре и птиц, змей по сторонам от центральной фигуры рассматривались как хозяйка и ее стражи - покровители людей, проживающих в доме. Композиция прочитывается и как древний славянский календарь: у славян известны два змеиных праздника в году, делящие год на две почти равные части: один из них связан с уходом змей под землю (14 сентября), а другой — с весенним появлением их на земле (25 марта).

Значительная часть наличников в домах белорусских поселенцев имеет под горизонтальными карнизами на лобани довольно простой геометрический орнамент из нескольких рядов зубцов или полукружий с зубцами - с уже известными нам символами небесной влаги, связанной с началом новой жизни, образом плодородия (рис. 5, 6, 7, 8).

В нижнеамурском культурном ареале можно выделить два района — Приамгунье и собственно Нижний Амур, обживаемый с середины XIX века т.н. крестьянами - старожилами, выходцами из сибирских и ряда центральных губерний России.

Декор большинства крестьянских домов конца XIX — начала XX веков в долине реки Амгуни и в самом низовье Амура скромный, резьба почти отсутствует. Это объясняется неподходящей для резьбы древесиной болотистых хвойных лесов; на сохранность традиционных крестьянских жилищ повлияли и пожары в этих местах в 20-е годы ХХ века. Причелины, карнизы если и имеются, то чаще без резьбы. Наиболее декорированы пропильной резьбой наличники с горизонтальными и сводчатыми карнизами очелий. Невысокая их лобань имеет по центру одиночные геометрические символы поля, зерна - ромбы, квадраты с точ-

Декор наличников нижнеамурских домов конца XIX - начала XX веков

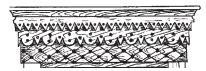

Рис. 10

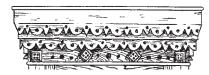
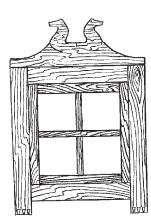

Рис. 11

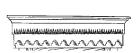

Рис. 13

Фото 1

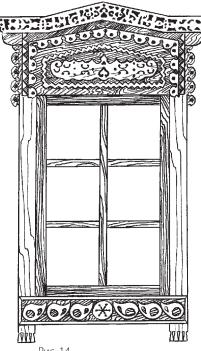
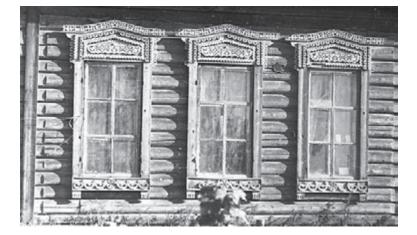
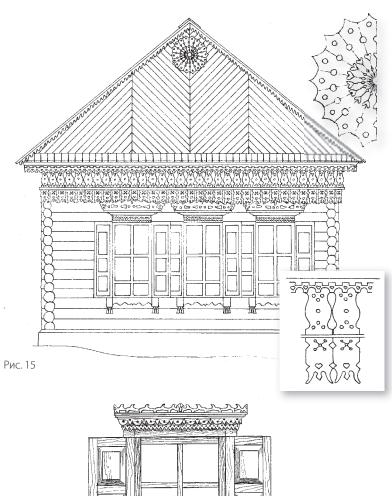

Рис. 14

Резной орнамент дома М. Николаева в селе Богородском

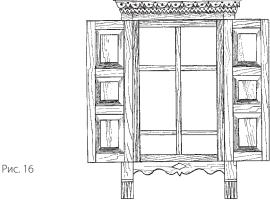

Фото 2

ками. По археологическим материалам, ромботочечный мотив восходит к энеолиту и связывается исследователями с архаическими представлениями о вспаханной и засеянной земле, с началом новой жизни (поселки Удинск, Осипенко, Маго, Денисовка). (Рис. 9, 10, 11, 13)

Иногда горизонтальный карниз наличника, выполненный пропильной накладной резьбой, имеет несколько рядов подзоров с зубцами и полукружьями — все это изобразительные дубликаты небесной воды. И лишь в верхней части наличника одного фронтонного оконца в Маго появляются парные головки коньков — символа славянского светила — солнца (рис. 12).

Чем выше мы поднимаемся по течению Амура, тем сложнее и богаче становится домовой декор. В селе Мариинском на старом школьном здании (принадлежавшем в прошлом местному рыбопромышленнику) необычной знаковой семантикой выделяются наличники. Их сводчатый карниз, представляющий прорезную доску, обрамляет лобань со сложно стилизованной трехчастной композицией, которую еще предстоит интерпретировать. На подоконной доске этого наличника замечательный триптих: в центре - солярная розетка, к которой устремляются с двух сторон по три птицы со знаками плодородия внутри каждой в виде капли – зерна. Данную композицию можно рассматривать как своеобразное изображение древнего славянского солнечного календаря с символами плодородия. Орнаментальный текст читается и как заклинание - пожелание счастья и благополучия семье, дому (рис. 14, фото 1).

В селе Богородском выделяется резными украшениями на фронтоне, карнизе, фризе (пропильной накладной пояс под карнизом), наличниках дом М. Николаева. Дом строили потомки переселенцев из Вятской губернии России, сохранившие генетику носителей среднерусского типа культуры. В резном декоре этого дома прочитывается обилие солнечных знаков. Под двускатной крышей в центре фронтона дома помещена ажурная солярная розетка, состоящая из фигурных сегментов — изображений солнечных лучей (фото 2).

Двухъярусный фриз в верхней части состоит из ритмического ряда стилизованных антропоморфных фигур — «хоровода» женских фигур с поднятыми вверх руками (рис. 15). В нижней части каждая фигура помечена солнечно-огневым знаком косого креста и в основании — семью точками. Косой крест во временном плане соотносится с началом (рождением) нового года, но это еще и заклинание пространства (крест как знак четырехсветности). Семь точек в основании фигур связаны с календарем, но уже отражают христианские семь дней недели. Это можно прочитывать как освящение временного цикла древних земледельцев.

Хоровод напоминает языческий обряд празднования дня зимнего солнцестояния, русальной недели в языческом аграрном календаре — «ру-

салиях», связанных с повторяемостью жизненного ритма всей природы и обеспечения плодородия. Летнее солнцестояние с Ярилиным днем в отличие от начала года обозначалось двойным крестом - солнцем. «Русалии в древней Руси были кульминационной точкой народных языческих празднеств», — пишет А.Б. Рыбаков.

Орнамент очелий наличников создает следующий «пояс» - среднюю сферу, сферу земного мира. Трехчастная надкарнизная композиция очелий представляет волнообразный бег к центру ростков (символов жизненной силы), о которых молили языческие плясуньи - русалки. Горизонтальные карнизы наличника с несколькими рядами резных подзоров с геометрическим ритмом - набором треугольников, знаков, «дающих влагу всему живому», завершает эту символическую магическую систему заклинания благоденствия в будущем году древних славян (рис. 16).

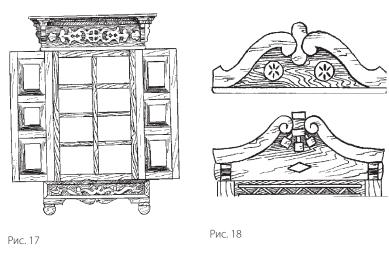
Интересен орнамент наличника и другого дома в селе Богородском. Декорированы здесь не только очелья, но и нижние подоконные доски. Под горизонтальным карнизом на лобани центральным является знак света (крест, вписанный в круг), на который ориентированы в зеркальной симметрии два универсальных символа мирового древа в виде бутонов с ростками (земное и подземное мировые древа?). В подоконной части в той же зеркальной симметрии находятся две змеи - стебли с головками, обращенными к центру, символы созидания - плодородия. Здесь прочитывается соотнесенность таких двоичных оппозиций, как правое - левое, день - ночь, начало - конец и т. д., получившие широкое распространение у многих народов, в том числе и у славян (рис. 17).

В селах Верхне- и Нижнетамбовском появляется новая знаковая символика в орнаментальных композициях наличников (фото 3).

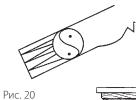
Во-первых, это парные изображения рыб, обращенных к центру - солярной полурозетке, выполненной в технике трехгранно-выемчатой долбленой резьбы (село Нижнетамбовское, дом Зиминых). Изображения рыб довольно натуральны, символически они принадлежат нижней космической зоне. Восход солнца из Мирового океана с двумя рыбами — китами — какой чудесный мифический сюжет, хотя изображения рыб - прием более декоративный, чем связанный с древней семантикой (рис. 19).

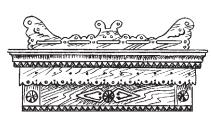
Во-вторых, в домовом декоре Нижнетамбовского отмечены дальневосточные космологические символы «инь-ян», помещенные вместо славянского солярного знака на концах причелин, и изображение летучей мыши на навершии одного из наличников. В искусстве Дальнего Востока древнекитайский знак «инь-ян» - символ гармонии и равновесия, основа художественно-образной системы архитектуры. По традиции этот знак изображается в виде круга (символ бесконечности), разделенного волнистой (что напоминает о динамической природе бытия) линией на две половины с симметрично расположенными

Резной орнамент нижнеамурских домов

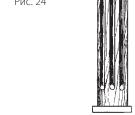

Рис. 23

Рис. 22

Рис. 21

Домовая орнаментика поселений Амурско-Зейской долины

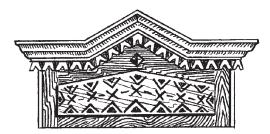

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28

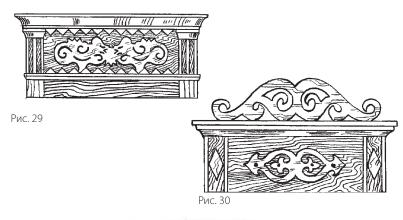

Фото 4

внутри круга двумя точками (рис. 20).

Летучая мышь, по-китайски **«бяньфу»** (ее изображение в китайской народной мифологии означает пожелание счастья), легко вписалась в трехчастную надкарнизную композицию очелья наличника — головка с выпуклыми глазами в центре и крыльями по бокам (авторская версия прочтения иконографического изображения (рис. 21).

Встречаются и облаковидые мотивы орнамента причелин, карнизов, фризов. Это символы небесной сферы, связанные с благодатным дождем, дающим плодородие земле. Облака в китайской культуре изображаются настолько своеобразно, что это позволяет распознавать китайское влияние в искусстве других стран. Отмеченные благопожелательные знаки-символы появились в домовой резьбе Приамурья в начале XX века, когда здесь работали артели китайских плотников-сезонников (рис. 22, 23, 24).

В-третьих, сводчатый карниз наличников ряда приамурских домов образован двумя волютами, появившимися в домовом декоре под влиянием барочного декора городской архитектуры (рис. 18). Это явление отмечено по всей России, в домовой сельской резьбе Сибири конца XIX — начала XX веков. Волютные наличники хорошо вписались в древний трехчастный орнаментальный мотив, связанный с центральной богиней природы — древом и ее спутниками. Волюты многообразны по форме: то они имеют спокойный классический силуэт, то изгиб в средней части, а то и завитки на одном либо двух концах.

Наиболее сложной и богатой является домовая орнаментика на Среднем Амуре. Большинство поселений Амурско-Зейской долины в Амурской области были основаны переселенцами из южных губерний России (Самарской, Пермской), из Сибири (Забайкалья, Томской губернии), а в начале XX века сюда подселились украинцы. В обследованных селах — Тамбовке, Ивановке, Красноярово, Белоярово, Гильчине — карнизы и фризы домов, за редким исключением, исполнялись без резьбы, основное внимание уделялось украшению наличников. Возможно, в этом проявились южнорусские строительные традиции (фото 4).

Древняя восточнославянская знаково-символическая традиция в домовом декоре продолжает жить и здесь. На сводчатых очельях наличников многих домов по-прежнему присутствуют символы зооморфных (змеи с растительными изогнутыми телами, величавые птицы с поднятыми крыльями и пышными хвостами), фитоморфных (стебли, ростки, цветы) верхней, средней и нижней сфер славянского Космоса, центрируемых мировой осью — женщиной-древом (берегиней) и освященных солярными крестами, розетками (знаками солнца и земли (рис. 25—30).

Здесь же появляются новые культурные элементы и приемы их исполнения — наблюдается активное вторжение «городских» стилей национальной архитектуры: барокко, классицизма,

модерна. В селениях, близких к Благовещенску, очелья наличников имеют довольно эклектичный декор, выполненный в смешанной технике плосковыемчатой резьбы, пропиловкой лобзиком, объемной токарной обработки.

Волюты наличников переходят в многоступенчатые ленты, появились «растекающиеся» растительные изображения (рис. 31, 32). Над горизонтальными карнизами появились дополнительные раскрепованные фронтончики со шпилями в центре и по бокам, с выступающими по сторонам объемными кронштейнами (фото 5, рис. 33).

Остановимся на называемых местными жителями «итальянскими» сдвоенных окнах в селе Николаевка. На лобани наличников древние растительные мотивы преобразованы в декоративные пальметки с центром — осью. Нижние подоконные доски украшены текучими стеблями стрелолиста. Здесь трехчастный принцип построения орнамента наличника сохранился, но символы жизненной растительной силы созданы на основе нетрадиционных стилевых элементов (рис. 34).

В домовом декоре Амурской области довольно распространен т. н. «театральный» мотив — разнообразные мотивы занавесей с кистями в трехчастной композиции. Эти новации уже не несут в себе древней знаково-символической магии, а служат прежде всего декорированию сельского жилища (фото 6, рис. 35, 36).

В оформлении ворот и крылец также использовались декоративные приемы. К сожалению, об этом мы можем судить только по сохранившейся фотографии (фото 6). Полотнище ворот и калитка украшены геометрическим орнаментом в технике пропильной накладной резьбы: пять огромных лучистых розеток-«солнц» размещались в квадрате ворот и два «солнышка» одно под другим венчали калитку в деревне Ново-Алексеевке Амурской области. Таким образом въезд и вход в усадьбу защищались от проникновения вредоносных сил солнечной светоносной магией. Интересен пропильной ажурный орнамент в надвратных украшениях - решетках, особенно завершающий всю композицию в центре шпиль со зверями-стражами по сторонам. Подобные ворота встречались в Сибири, Забайкалье, и там они строились зажиточными крестьянами.

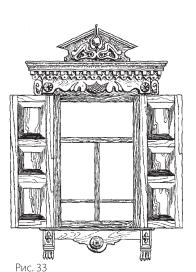
Важной частью архитектуры жилища богатых амурских крестьян были полуоткрытые крыльца с разнообразными навесами, имевшими арочные, треугольные фронтончики с геометрическим и растительным орнаментами в многослойных подзорах (фото 7,8). И здесь прочитывается семантика небесного свода с каплями живительной влаги (треугольники и полукружья с точками), зачастую с солярной розеткой в центре фронтончика.

Архаическим орнаментальным миром мифических образов явился резной декор казачьих прибрежных сел Амурской области. Конструктивной особенностью наличников казачьих домов можно считать сравнительно высокую лобань их очелий. Довольно широко здесь распространены растительные и зооморфные мотивы, встречается

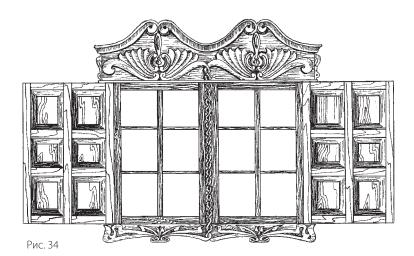
Резной орнамент наличников Среднего Амура

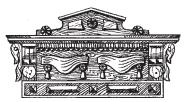

Рис. 36

Рис. 35

мотив тюльпана, характерный для русского декора XVII века, композиции из вазонов в центре и птиц, зверей по бокам (фото 9). В селе Касаткине изображения парных зверей, птиц, змей, выполненные накладной резьбой на лобани, устремляются к центру-вазону (символу мирового древа), антропоморфной женской фигуре с воздетыми вверх с мольбой о плодородии руками... (рис. 38, фото 9).

В другом случае волюты-рога обрамляют «небосвод» наличника. Такое изображение волют, возможно, объясняется влиянием культурных традиций Забайкалья, ведь предки амурских казаков-гуранов — коренные жители (тунгусы и монголы) Забайкалья (рис. 39).

Под одним из карнизов наличника старого дома в селе Диме, образованного парными волютами-змеями со «вздыбленными» завитками, помещено стилизованное фронтальное изображение головы дракона, который по-китайски называется **«лун»** (авторская версия прочтения изображения) (рис. 40).

Подобное изображение отмечалось автором и в резном декоре старого дома в Хабаровске. Образ дракона связан в китайской культурной традиции с созданием мира, китайцы считают его патроном местности, дома. Встречаются в домовом орнаменте амурского пограничья и облаковидные знаки священного Неба.

Итак, в традиционнославянской знаковоизобразительной сфере культурного пограничья Приамурья отмечаются культурные включения (инновации) знаков и стилизованных изображений традиционной восточносибирской и дальневосточной (китайской) культур. Их объединяет общая магико-заклинательная функция, выполняющая охранительную и благопожелательную роль на границах внутреннего и внешнего пространства традиционного жилища российского колониста конца XIX — начала XX веков.

Языческие истоки художественных образов просматриваются и в более поздних формах декора: «крестьянского» барокко, классицизма, модерна. Новации в виде активно вторгающихся стилевых элементов городской российской национальной культуры иногда довольно удачно формально вписываются в традиционный текст резного орнамента, но уже не несут в себе магико-заклинательного культового смысла символов восточнославянского мифа. Мифа, в котором миру зла, окружавшего и вторгавшегося в мир человека, противопоставлялась защитительная славянская солярная магия. Она превращала дом крестьянина в сложную систему архаичных символов, сохранявшихся в домовом декоре до конца существования традиционной культуры. Эта символика обозначала пространство славянской культуры на Дальнем Востоке в эпоху освоения его поколениями российских поселенцев. Ведь дикое «чужое» пространство громадных гор и бурных рек было враждебно колонистам, и дом был им защитой, созданным «своим» пространством.

Сегодня, рассматривая резные орнаменты, еще кое-где сохранившиеся на городских домах

Орнамент наличников казачьих домов Амурской области

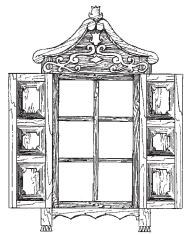

Рис. 37

Рис. 39

Рис. 40

Фото 9

и сельских постройках Приамурья, мы вспоминаем ушедший безвозвратно в прошлое домашний микромир с его мифами и сказками, заговорами и праздниками. Иногда, обживая новое пространство дома, мы вспоминаем древнее поверье о домашнем покровителе — домовом, используем близких помощников этого маленького запечного божества — кошек.

А ведь было и женское божество, да мы уже о нем забыли, о древнейшем женском духе дома. В символике декора традиционного жилища женское магическое начало, связанное со светом, солнцем, оберегало жизнь его обитателей. Обращение к пращуру «Чур меня!» появилось позже и дошло до наших дней.

Примечания

Автором использованы следующие исследования: Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981; Он же. Язычество древней Руси. — М., 1988; Русакова, Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. — Новосибирск, 1989; Традиционное искусство Востока: терминол. слов. — М., 1997; Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири XIX и XX вв. как исторический источник. — М.; Л., 1963; Соболевская, Н. А. Усадьба и жилище российского крестьянинаколониста Приамурья в конце XIX — начале XX веков. — Хабаровск, 1997.

Соприкосновение с Мифом

Миф – это драма души.

К.Г. Юнг

Иван ШЕВНИН, историк

Фото автора

В статье речь пойдет о «мифологии в образовании», как выразился Пол Хиллери (Paul Hillery), один из участников международной научной конференции по лингвистике и межкультурной коммуникации из Нью-Йорка (США), проходившей в Хабаровске в сентябре 2003 года. Миф и школьное образование не менее любопытная тема, чем сам Миф.

В свое время согласно учебному плану мне пришлось вести семинары у студентов младших курсов Хабаровского государственного педагогического университета по курсу «Мифология». По прошествии некоторого времени мне захотелось перенести свой вновь приобретенный опыт преподавания мифологии в условия средней школы. Но не для младшего возраста с его естественной «сказочностью», а для старших школьников с их пытливостью и вопрошениями о смысле бытия. Благодаря содействию завучей хабаровской средней школы № 44 Татьяны Евгеньевны Зебаревой и Ольги Петровны Перминовой был составлен и в течение года проведен факультатив «Мифология» в 9-м классе, а затем и утвержден в рамках школьного компонента учебный предмет в 10-11-м гуманитарном классе с занесением результатов обучения в школьный аттестат о среднем полном (общем) образовании в 1995 году. И, наконец, на выпускном вечере каждому подарили книжку под названием придуманном школьниками «Оракул-3» с текстами мифов, созданных самими подростками, с черно-белыми рисунками и их размышлениями и наблюдениями. В роли авторов выступили А. Варвенко, Т. Воробьева, Т. Геринг, Е. Ефимов, В. Жариков, Н. Жужгова, Ю. Ильченко, А. Козел, И. Костенко, М. Конюков, Е. Мандрыкина, Е. Матушкина, Г. Мелентьева, А. Муравьев, О. Насулич, О. Незаментимова, Н. Ненашева, М. Омельчук, Е. Пак, О. Раевская, Е. Ри, Ю. Романова, О. Савченко, Т. Саяпина, В. Соколова, Н. Тушина, М. Тузова, Н. Фомина, Т. Шибкова. Книжка была издана на деньги родителей и школы № 44 г. Хабаровска. Часть текстов приводится здесь. Такое издание возникло благодаря творческим усилиям А.И. Бибченко.

В школе мне хотелось не столько рассказывать, знакомить с мифами народов мира, сколько через их знание подвигнуть подростков, проживающих в типичном микрорайоне большего города в тихоокеанской России, к созданию их собственного текста мифа, как лично, так и в учебной группе.

Как возник мир

Сначала не было ничего, но среди этого ничего появился шарообразный сгусток, который собирал в себя ничего и рос. Вскоре поверхность сгустка лопнула, и появился сверкающий шар. То, что осталось от поверхности сгустка, стало землей, а то, что блестело, стало водой. Остатки поверхности, разбитые на мелкие кусочки, разнесло в разные стороны – так появились планеты и звезды. Так появился мир.

Первоначально факультатив исходил из представления, что подростки - это по природе естественные философы. Они ищут объяснения своим, новым для них, впечатлениям, чувствам, переживаниям, мыслям. Только одно рациональное объяснение больше тормозит их интеллектуальное развитие стремящихся целостно, масштабно своим взором охватить мир, его связи и отношения. Скорее рациональное входит составляющей в более широкий взгляд на мир, который можно определить как мифологический или мифический. Этот взгляд проявляет ту часть личности, которая отвечает за миф. Подростки познают мир через познание идей Любви, Радости, Добра, Красоты, Правды, Справедливости, Света, заключенных в мифах человечества и, в частности, русского народа. Задача факультатива ставилась в выявлении и развитии сущностных сил подростка, побуждении его к саморазвитию, понимаемому как духовное, к тому, чтобы он сам стал творцом себя и своих лучших обстоятельств. Предполагалось, что информация по курсу «Мифология» будет иметь для школьников субъективную ценность, будет воспитывать, то есть станет знанием. Понималось, что, организуя влияние на часть личности, отвечающую за миф, на основе высоких этических, эстетических истин, идей, можно содействовать индивидуализации, духовному развитию личности подростка. После завершения факультатива я как педагог осознал, что мифология позволит почувствовать подростку некую мифическую реальность, созданную человечеством на протяжении своей истории и доистории. Учитель своим словом формирует на уроках видимость этой реальности на том или ином фактическом образном материале и тем самым создает представление о ней у подростка, вводит его в общечеловеческую мифическую картину мира. Живая реальность подростка (реальность желания) соприкасается с не менее живой реальностью человечества (реальность мифа). Можно предполагать, что психическая реальность подростка наполняется содержанием высокой культуры.

Важной целью факультатива виделась такая, как показать иной взгляд на жизнь, мир — взгляд, уходящий в прошлое, но не лишенный современности. А еще научиться анализировать, выделять миф, познакомиться с мифологическими системами, традициями различных народов. На уроках школьники узнавали мифы о мироздании, Вселенной, о человеке, природе, мировой женственности. Девушки и юноши высказывали свое мнение о мифическом взгляде на жизнь, мир. Сама эта идея была принята и отчасти осмыслена ими. Словом, идея развития мифического взгляда и предполагалась как одна из целей курса по мифологии на следующих ступенях обучения в школе.

Солнце

Возник мир. Были боги и люди, и люди поклонялись богам. Но не было света и дня, была только ночь, и все казалось темным. Злые силы и духи портили людям всю жизнь.

И возроптали люди к богам. И сказали: «Пусть хоть наполовину будет светло, чтобы мы могли делать свои дела и не бояться сил зла».

Задумались боги. Не могли они создать солнце без помощи сил зла. И решили они, что один из них должен пойти к силам зла и попросить их оказать помощь.

И вызвался идти бог Термотр – самый сильный. Пришел к силам зла и попросил помощи. И сказали силы зла: «Мы поможем, если ты победишь самого сильного из нас». И вышел бог Сера – бог зла и войны. И состоялась битва. Бились они семь дней, и победил бог Термотр, сняв с плеч голову бога Сера.

И помогли боги зла добрым богам, вместе создали они солнце, и поэтому одна половина дня светлая, а другая – темная.

Мифический взгляд - это взгляд на мир как на жизненно ощутимую и творимую вещественную реальность, телесную действительность, насыщенную эмоциями, реальными жизненными переживаниями. Взгляд чрезвычайно практичный, наивный и непосредственный. Взгляд на жизнь как на чувственное бытие, чудо, когда личность выражает себя во всех проявлениях (по А.Ф. Лосеву). Это осознание некоей второй реальности, над нами существующей, в которую человек входит частью своего существа и в которой таятся корни его становления (по Д. Андрееву). Это осмысление мира, эмоциональное вживание в его явления, как реально данной и сейчас длящейся действительности, принятое многими поколениями людей до нас (по И.М. Дьяконову). Стремление постигать тайны жизни, всего мироустройства через культурные мифы разных народов, через внутреннее духовное напряжение, постижение собственной уникальности души.

Поляна судьбы

Сначала был мрак и ничего кроме него. Потом появились Земля и Небо. И породила мать-Земля три дочери. Первая – Соптрена, вторая – Инэя и третья – Динес.

Предрек отец-Небо, что по достижении ими восемнадцатилетнего возраста должны они пойти на Поляну судьбы и вытянуть свой жребий. Каждая из них должна была найти свой цветок и вдохнуть его аромат.

Подошло время, и стали дочери Земли красивыми девушками. Но на Поляну судьбы они боялись идти и решили спросить совета у своей матери.

Рассказала им Земля, что каждая из них должна свое кольцо бросить в середине Поляны, куда кольцо укатится, там и цветок искать нужно. Пришли сестры на поляну, приветствовали Повелителя цветов той Поляны. Предупредил их тот, что любой цветок, не предназначенный для них, станет им Цветком смерти. Но они в точности помнили, о чем им рассказала мать. Благополучно нашли они свои иветы.

Но отец-Небо, узнав, что Земля рассказала все своим дочерям, сильно разгневался на нее и покарал. Соптрена превратилась в солнце, Инэя – в луну, а Динес – в яркую звезду. И Земля была навеки разлучена со своими дочерями.

Но днем солнце согревает ее своим теплом, а ночью луна бросает одинокий печальный свет, и звезда дарит ей свой яркий блеск в ночи.

Согласно представлениям К.Г. Юнга, любой миф содержит в себе важную психологическую истину. Представлялось, что текст мифа также несет нечто психологически истинное. Для подростков текст мифа я предлагал через свое слово, или через самостоятельное прочтение в письменном источнике. Текст мифа мог быть как оригинальный, так и адаптированный. Под психологической истиной понималось то, что имеет психологическую ценность для живой, изменяющейся души юноши, девушки в данный период жизни, то, что их волнует, интересует, увлекает, то, над чем они задумываются, какие вопросы ставят перед собой и как пытаются на них ответить. Или же они могут предполагать, что это будет их волновать, интересовать где-то в будущем и, предвидя это, уже сейчас размышляют, фантазируют. Допускалось, что, изучая культурные мифы, подростки 10-11-х классов будут исследовать собственную душу в различных ее проявлениях, как в поступках, так и в словах и мыслях.

Считалось, что содержание курса по мифологии будет не безразлично для подростков. Учебные занятия предусматривали творческие переносы воспринятого, усвоенного на их собственную душу, персоны. При этом они могли вольно и свободно интерпретировать воспринятое, исходя из своих желаний, способностей, сил, настроения, опыта. Предполагалось, что при изучении курса по мифологии подростки имеют опору на собственные внутренние силы: духовность и автономность.

Духовность понималась следующим образом. В мифах Древнего мира воплощен духовный опыт человечества. У подростков могут порождаться индивидуальные состояния, проявления их внутреннего мира. Это может раскрываться на содержательном материале отдельных мифов, в мифотворчестве. В дальнейшем изучение, постижение мифов может способствовать осознанию глубинных потребностей, раскрытию духовного начала. Это помогает происходящему процессу выделения себя из мира людей, обычаев, предметов.

По ходу изучения отдельных мифов древних мифологий подростки могут пытаться осмыслить идею Бога, имеющую тысячелетнюю историю в культурных традициях народов мира, и тем самым одухотворить собственное отдельное существование, выйдя за пределы индивидуальной реальности и обратиться к духовной культурной традиции.

Автономность можно понимать следующим образом. Курс по мифологии был построен именно на том материале, который я предлагал в отсутствие учебников и пособий. И это допускало необходимое обращение учащихся к своим ресурсам духовной культуры (например, что читали, знают, слышали, помнят). Организуя поток мифологической информации, предоставлял возможность подростку избрать из этого потока то, что его затронуло и воспроизвести это в письменной форме — свободно, без учебных образцов, своими словами, по желанию, способностям, силе, настроению, опыту. Осмысливая мифологический поток, подросток утверждал себя на духовном материале, накопленном человечеством.

Добро и зло

Жили на свете Бог и Дьявол. Бог был воплощением Добра, и жил он в месте прекраснее рая. А Дьявол был воплощением Зла и жил в темном, пустынном месте.

Они постоянно спорили о том, что сильнее – Зло или Добро. И Бог сказал: «Давай это проверим».

Он создал человека и сказал: «Его сердце будет орудием (местом) нашей борьбы. Что в его сердце победит – Добро или Зло – то и сильнее».

Так в людях до сих пор борются Бог и Дьявол. Дьявол порождает в сердце человека ненависть, жадность, зависть, жажду власти, а Бог – добро, любовь, честность – все то, что люди называют совестью.

Эти чувства постоянно борются в человеке. Иногда перевешивает плохое, иногда хорошее. Иногда человек знает, что так поступать нельзя, но делает плохие поступки, потому что Дьявол толкает его к этому.

Человек, сам того не подозревая, с самого своего появления является средством борьбы Бога и Дьявола.

Культурные мифы древних мифологий предлагают возможность показать явления современной жизни типичными для человека, вне зависимости от эпохи, в которую он живет, уже случившимися ранее, т. е. в разнообразии, вариативности, а не в единообразии и однолинейности. Такая точка зрения могла развивать способность делать разумный, приемлемый для себя выбор в конкретной для подростка ситуации.

Представлялось, что во время изучения мифологии в учебном году и на отдельном занятии своеобразным мерилом состояний подростков являлось чувство радости. С помощью него могли бы оцениваться переживания изменений в своем внутреннем мире, на пути духовного саморазвития.

Допускалась возможность, что подростки более взвешенно будут оценивать свои познания, которые усвоены в школе, увидят, что многие известные им современные явления, темы, вещи имеют основу в духовной традиции человечества, и в частности в мифах.

Подросток может расширить, дополнить свои представления о современной жизни и мире, интуитивно постигая, осмысляя, прочувствовав учебный материал, закрепленный в текстах мифов, легенд, поэзии, текстах художественной литературы, произведениях изобразительного искусства, архитектуре, музыке, мифических представлениях о жизни и мире, мифической картине мира древних людей, а также изучая некоторые категории мифов и мифических героев.

На занятиях я стремился к созданию атмосферы доверительности, эмоциональной открытости и обогащения социальных связей.

Допускалось, что мифотворчество как феномен культуры важно для внутреннего жизнеустроения подростка. Индивидуальное мифотворчество рассматривалось как фактор социализации.

Проживая в конкретном микрорайоне, подросток через семью, сетку социальных связей, отношений может считать микрорайон одной из важных сфер своей жизнедеятельности. Это — часть мира подростка. Возможно, что у жителей микрорайона имеется своя мифология. Для подрастающего поколения характерны свои мифы. Они имеют собственные механизмы становления, развития, функционирования, умирания. Для подростков одним из центров мифотворчества как явления социального является, возможно, городская общеобразовательная школа.

Слезы-звезды

Давным-давно это было. С тех пор прошло много лет. Несколько поколений людей сменили друг друга. Земля была молодой и чистой. Ярко светило солнце, смеялись дети. Все жили дружно и весело.

Жила в далекой стране девушка. Была она невиданной красоты: голубые глаза, черные брови. Бог создал ее на зависть людям, желая проверить, так ли чисты их души и так ли они добры, чтобы не завидовать красоте девушки.

А люди действительно не завидовали Лулу, лишь любовь жила в их сердцах. Только один ангел, который посмел перечить Богу, не смог смириться с тем, чтобы девушка с таким прекрасным обликом могла существовать с чистой, непорочной душой.

Он спустился на землю в облике прекрасного юноши. Лулу полюбила его, думая, что он тоже любит ее. Они вместе гуляли, купались в реке и были счастливы.

Воспользовавшись ее чистотой и непорочностью, он осквернил ее, обесчестив до брака, опозорил перед соседями и друзьями. Совершив свое грязное дело, ангел поднялся к Богу и с удовольствием рассказал о том, как он вогнал бедную девушку в тяжелый грех.

Бог призвал Лулу к себе. Он увидел ее раскаяние и решил забрать ее к себе, чтобы она не мучилась на Земле, стыдясь своего греха.

Лулу пролила с неба много слез. Эти слезы были похожи на жемчужные капли. Господь собрал ее слезы и рассыпал по ночному небу. Слезы эти он назвал звездами и дал им различные названия. С тех пор, когда люди гуляют по ночному городу и смотрят на небо, то вспоминают эту историю девушки с непорочной душой.

Создавая возможность для сознательного мифотворчества на материале культурных мифов в учебном коллективе класса, можно учить более адекватным социальным взаимодействиям среди сверстников и в мире людей.

При изучении мифологии в течение учебного года предусматривалась групповая форма учебной деятельности — учебная работа в группе экспертов. Группа собиралась по интересу к отдельной теме. Заранее для изучения предлагалась литература по мифологии, где изложены древние мифы либо первоисточники. Самостоятельно прочитав ее, подростки со мной обсуждали форму предъявления учебного материала по теме всему учебному коллективу. Для итогового занятия группа по желанию получала учебное задание сотворить текст мифа и представить его в какой-либо форме непосредственно на зачетном занятии. В группе по желанию предоставлялась возможность накапливать опыт совместной творческой деятельности в сообществе сверстников при изучении мифологий древнего мира.

Происхождение огня

На берегу прекрасной реки Муррей в своей норе жила водяная крыса. Крыса была старой и жадной. В своем жилище она хранила огонь, на котором жарила ракушки. Крыса никому не показывала и не давала огонь. Но однажды, когда жадная крыса пошла в очередной раз собирать ракушки в реке, искра огня, подхваченная ветром, взлетела в воздух. Ее подхватил маленький сокол Киридка. Он поджег сухое топливо и сжег хижину крысы-жадины и часть леса. Так люди впервые узнали огонь и его назначение.

Чтобы обучение в наибольшей степени служило оптимальному развитию подростков, в частности развитию мифопоэтического видения жизни и мира, четыре принципа служили базисом для всего курса по мифологии. Принцип параллелей, принцип «Вначале было слово», принцип «Не знаю, но чувствую» и принцип выбора. Эти принципы родились в 1992—1993 годах и получили оформление в процессе работы со старшеклассниками в 1993—1995-м.

В заключение могу утверждать, что мифология в средней школе создает возможности для творческого роста подростков.

Живое слово Дальнеречья

Легенды и предания, представленные в этой публикации, были собраны в Приморье Екатериной Николаевной Сыстеровой в 30—60-х годах XX века. Вместе со своей матерью Ефросинией Ананьевной Ляховой они учительствовали в Дальнереченском районе и всю жизнь были неутомимыми собирателями фольклора. Ученые знают, что подобные материалы не имеют цены, поскольку взяты они из самой гущи народной жизни и потому отражают реальную картину. И если учесть, что в тот период в изучении славянского фольклора на Дальнем Востоке был существенный пробел, то вклад Е.А. Ляховой и Е.Н. Сыстеровой в формирование исторического и культурного пространства славянских народов в Приморском крае на самом деле уникален.

В 1986 году в издательстве Дальневосточного университета (Владивосток) вышел сборник «Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой». В нем лишь часть богатейшего материала, но даже это, по словам составителя Л.М. Свиридовой, помогает увидеть картину формирования дальневосточного фольклорного пласта. Причем опубликованные в сборнике сказки, легенды, предания, пословицы, поговорки, песни и т. д. позволяют представить картину бытования фольклора не только в одном Дальнереченском районе, но и во всем Приморье, так как репертуар Дальнеречья типичен для Дальнего Востока.

Часть фольклорных материалов Е.Н. Сыстеровой в настоящее время хранится в Государственного архиве Хабаровского края.

Очарованные песней Легенда

Как-то раз весенним теплым вечером, когда расцвела у речки черемуха и желтым порошком покрылись сережки вербы, сидели на бревнах мужики, курили и между собой разговаривали. А по улицам прохаживались девушки с ветками черемухи в руках и пели песни. Прислушался один старик да и говорит:

- Сколько ни поют песен, а все равно в каждой из них про любовь говорится.
- Ну нет, возразил другой, есть песни и без слов про любовь.

Заспорили.

И в это время подошел к ним дряхлый старец с бородой до колен, с сивой бородой и огромным лбом. Поклонился он мужикам и молвит:

– Слышал я ваш спор, добрые люди, вот что скажу вам: если вы, ваши женщины и девушки, малые ребята и старые старики споете двадцать песен, в которых не будет ни слова о любви, из моря поднимется огромный клад и дастся вам в руки. Приходите завтра к морю!

Поклонился и пропал.

Всю ночь думали, гадали, ломали голову все в селе, ходили совещаться в соседние села и на хутора, а утром чуть свет уж собрались на крутом обрыве у берега моря. Внизу пенились и бушевали волны, на горизонте из-за тумана пробивались первые лучи солнца. Стали подходить к берегу и петь одну за другой песни девушки, женщины, дети и мужики. Припомнили все солдатские, все разбойничьи песни, заранее проверенные стариками.

И вот в пучине морской что-то забурлило, волна вздулась и опала, и показался из воды огромный сундук. Весь залеплен он был тиной морской, усеян ракушками и оброс водорослями. Но и сквозь тину зеленую видно было, что вылит он из серебра и окован золотом. С каждой новой песней он все выше поднимался из воды. Но вот медленнее стало его движение: перепели все песни женщины и девуш-

ки, старики и дети, где нет ни слова о любви. А где наберешь их столько?

Но все же вспоминали старики, выходили на берег и дрожащими глухими голосами пели о тяжелой крепостной жизни, о забитых, замученных солдатах, о разбойничках, бежавших в леса от жестоких господ.

Уж девятнадцать песен было спето. И больше никак не могли вспомнить люди ни одной, где не упоминалось бы о светлом чувстве – любви. И вышла тогда на берег молоденькая девушка с голубыми сережками в ушах и запела:

Что ты не пришел, как месяц взошел, Как я тебя ждала! Чи коня не мав, чи стежки не знав, Чи мать не пускала?

Такого голоса, такой волнующей нежности, такого светлого взгляда не слыхали и не видали еще люди. Заслушались, потупившись, мужики и бабы, замерли, обнявшись и положив друг на друга головы, девушки, притихли резвые ребятишки, а парни не спускали с нее глаз. А один из них, молодой, неискушенный, в простоте душевной и от избытка чувств даже подошел поближе, весь побледнел. А когда она закончила, швырнул шапку себе под ноги. В это время налетел ветер, донес до слуха людей тяжелый всплеск воды. Оглянулись люди: сундук медленно уходил в глубину. Покрыла его сначала зыбкая пена, а потом зеленая вода — и скрылся он в пучине. И тут опять невесть откуда появился перед народом седой старец.

Указал он посохом на море и сказал с укором:

– Эх, люди, люди! Не будь этой самой любви, какое было бы богатство, радость, счастье!

Но тут выступил из толпы молодой парень, тот самый, очарованный песней, и ответил:

– Эх, дед, дед! Не знаешь ты, где и в чем богатство, радость и счастье!

Комментарий

Эту легенду рассказал мне мой дед, брат маминого отца, Иван Петрович Моисеевцев (по-уличному Петрушкин). Он был очень стар, маленький, как гном, совершенно седой, худой, с лицом, как на старинных иконах Николай Чудотворец изображался. (Это было в 1960 году.)

Приехал он к нам в Иман погостить, повидаться с родней, с друзьями проститься, если вдруг не придется больше увидеться. Лето, жара печет, а дед Иван в черной сатиновой рубахе, в кирзовых сапогах. Говорит, отпустили с работы на недельку.

- А где же вы работаете, Иван Петрович?
- Сторожем и истопником в горкоме партии в Новопокровке.
- Да что же вас заставляет работать? Ведь ваш внук — секретарь райкома.
- Никто не заставляет, сам хочу. Там мне интересно, и работа отвлекает от мыслей о смерти.

Угостила я деда, села шить ему легкую летнюю рубаху, а он уселся рядом и стал рассказывать о себе, о своей жизни. Если бы записать, хватило бы на целый роман. Дед был, как живая книга по истории — что ни спроси, он все видел, слышал, знает не из летописи, а из жиз-

ни. Рассказал он и эту легенду, говорил глухим голосом, не спеша, глядя куда-то вдаль своими стариковскими мудрыми глазами. Я не перебивала его, и он, рассказав, долго молчал.

- Где вы, деда, слыхали это?
- А это еще в юности слыхал я от отца, он любил рассказывать, на каждый случай жизни знал свои истории.
- А что, деда, верили вы в клады, в нечистую силу, в Бога?
- Клады были, сам находил, когда разбирали старинный дом еще до революции в Могилевской губернии. А нечистой силой пугали слабонервных. Сам не верил.
 - А в Бога?
- Смолоду верил, а потом... Бога упоминал только в пословицах да как не повезет.

Одинокий голос любви Легенда

У бедняка китайца Ли Фу была жена-красавица. Звали ее Ту Теби, что по-русски означает «маленькая лягушечка». Увидел однажды богатый помещик красавицу, и разгорелись у него глаза. Стал он думать, как бы отобрать ему красавицу. Вспомнил, что дед бедняка Ли Фу был должен его отцу и предложил немедленно уплатить долг. Ушел на неделю бедняк в тайгу в надежде найти корень и откупиться. Голодал, мерз под дождем и ветром, но не нашел корня. Вернулся он домой и просит продлить срок расплаты. И тогда богач вынес решение: если до

темноты долг не будет погашен, красавица Ту Теби будет принадлежать ему. Заплакал китаец-бедняк и снова ушел в тайгу.

А Ту Теби подождала до обеда, не вытерпела и тоже побежала в тайгу. Только вступила она в лес, как сразу нашла корень! Долго кричала, звала мужа, да все напрасно, уж и солнце зашло... И тогда обратилась Ту Теби в птицу и полетела искать мужа. Так до сих летает и зовет, кличет, ищет Ли Фу.

Это очень осторожная птица. Непросто ее увидеть, потому что днем она молчит, а по вечерам и ночью кричит тоскующим голосом. Если прислушаться, то отчетливо слышно: «Ли Фу! Пан-цуй! Ли Фу! Пан-цуй!»

– Это она мужа пропавшего зовет, показать хочет, где корень растет, – говорят корневщики и идут на голос, надеясь на богатую добычу.

Птица эта питается ягодами женьшеня, вьет свое гнездо поблизости от этого растения, которое растет семьями, поэтому и корневщики часто не напрасно прислушиваются к голосу певуньи.

Комментарий

Записано со слов корневщика-любителя Ивана Харламова в селе Ариадном в 1956 году. Он слышал ее от других стариков-корневщиков, с которыми искал еще в 1920 году женьшень.

Счастье не измерить богатством Предание

В селе Лобановка жил бедный парень Григорий Мельников. Взяли его в армию, и воевал он в Германскую войну в Литве. Понравилась ему литовская девушка из богатой семьи. Она тоже его полюбила, но ехать с ним в такую даль отказалась. Тогда он решил действовать через ее отца. Расписал ему, что он богач и есть у него три лавки. Согласились родители девушки и отдали дочь за красивого удалого солдата. Привез тот невесту в родную Лобановку, собрал гостей. Сидят они все в его низкой и темной хате с земляным полом.

- А где же твои лавки? спрашивает молодица.
- A вот на одной ты сидишь, на второй кум с кумой да соседи, а на третьей чугуны да лохань стоят, ответил муженек.

Засмеялась и заплакала молодая жена, да и осталась жить в Лобановке. Была она большая мастерица лечить людей травами, шить и вышивать, все завидовали Григорию и говорили:

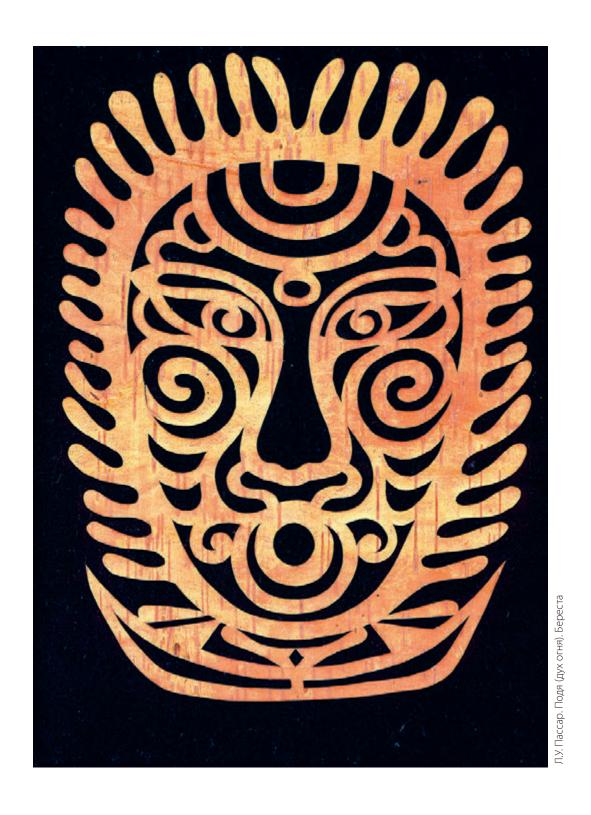
– Хоть и обманом, а добрую жену взял в Литве Гришка, и живут они хорошо.

Комментарий

Этот случай действительно произошел в селе Лобановка Калининского района в 1916 году, теперь же о нем рассказывают как о сказке.

Записано со слов внука Мельникова Николая Васильевича в 1956 году в городе Имане.

Записала Екатерина СЫСТЕРОВА. Декоративные росписи Виктора ПИЧУЕВА

Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич, родился в 1959 году. Старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук, заведующий сектором этнографии Восточной Азии.

Сфера интересов: духовная культура коренных народов Дальнего Востока, антропология смеха.

Автор двух индивидуальных монографий, трех учебных пособий, соавтор трех коллективных работ.

Провел 15 полевых сезонов по сбору этнографических материалов (в том числе в Китае и Японии).

Космос мифа

Сергей БЕРЕЗНИЦКИЙ

Владивосток

Представления коренных народов амуро-сахалинского региона о Вселенной, человеке и сверхъестественных существах

Коренные народы амуро-сахалинского региона обладают древними представлениями о возникновении Вселенной и человека, строении мира и населяющих его существах. Эти взгляды сходны с воззрениями других народов мира, находившихся в разное время на подобной стадии культурного развития. В представлениях народов региона многослойная Вселенная состояла, в целом, из небесной, земной и подземной сфер, каждая из которых имеет несколько уровней. Местом обитания человека является земная сфера. Лишь после смерти человека его душа путешествует в подземных и небесных мирах, что недоступно при жизни. Путешествовать во всех сферах может лишь обладающий сверхъестественными способностями шаман. Или, как верят сахалинские эвенки, из одного мира в другой могут переходить мифические великаны, чтобы воевать со своими противниками-чудовищами. Нивхи называют небесную землю *ты миф*, средний мир $m y \, m u \, \phi$ и подземный, нижний мир — $m \, n \, b \, x \, b \, c$. Все три мира населены людьми и духами.

Найхинские нанайцы, по словам Р.А. Бельды, делят Вселенную на пять миров. Первый настоящий мир *илэу*; второй мир мертвых *буни*; третий мир *доркин* — место жительства духов — хозяев стихий. Четвертый мир, *гэкэн*, это временный мир, в который попадают души по пути в загробный мир и обратно. В пятом мире обитает владыка неба *нянгня сансин*.

Связующим звеном основных миров Вселенной служит мировое древо, образ которого присутствует во всех формах верований и ритуалов народов Амура: в ритуалах жизненного цикла (души младенцев на ветвях дерева), в свадебных ритуалах и атрибутах, в культе животных и шаманстве. Универсальный образ мирового дерева характерен для космологических представлений многих народов.

Поразительное сходство представлений о крае земли наблюдается в воззрениях сахалинских нивхов и тумнинских орочей. В нивхских преданиях говорится о том, что в месте соединения земли и неба живет старуха, которая питается птицами, придавленными периодически смыкающимися краями неба и земли. Согласно взглядам орочей перед отверстием в большой небесной сфере нангна

амани находятся движущиеся скалы. Эти представления являются древними и сходны со взглядами древних греков о сходящихся и расходящихся скалах Симплегадах.

Современные сахалинские нивхи сохранили несколько вариантов верований о происхождении своем и других этносов. Эти представления также отличаются древностью, связаны с культом деревьев и священных животных. Катанглийские нивхи считают, что они произошли из смолы лиственницы, поэтому их кожа желтоватого оттенка. Ульта произошли из смолы ели, поэтому кожа у них белая. Нивхинка Л.Ф. Пагюн из Некрасовки рассказала в 1998 г. предание «Как произошли нивхи от мифических горных людей *палынгу*».

«На мысе Лазарева есть скала с пещерой. Там очень давно жили женщина и мужчина. Они назывались палынгу. Кто они такие, откуда пришли – никто не знает. У них было много детей, но не людей, а медведей. Они их кормили из корыта. Жили они, жили, а потом мужчина сломал руку, и они из этого места ушли. А все, что у них было, все окаменело – и нары, и стол, и корыто, из которого они своих детей-медведей кормили. Все окаменело. Долго их не было. А потом они снова вернулись в эту пещеру. Но там все равно все каменное было. И вот иногда было слышно далеко вокруг, как женщина и мужчина кормили своих детей-медведей. Они стучали каменным ковшиком по каменному корыту, и звук получался такой: «кот, кот, кот». Медведи все сразу из всей тайги сбегались и кушали еду из корыта. А потом эти мужчина и женщина опять куда-то исчезли. А медведи стали родственниками нивхов. Вернее, от этих медведей родились нивхи».

Нередко сотворение окружающего мира и самого человека люди приписывали воле и действиям животных со сверхъестественными качествами. По представлениям верхнеамурских эвенков-орочонов творцами среднего мира, земли, были мифические лягушка, змея и мамонт. Образ мамонта символизировался с лосем, и охотники изготавливали деревянную фигурку мамонта в виде стилизованного лося. Один из мифов эвенов Камчатки, Колы-

мы, Индигирки и Магаданской области повествует о том, что земля произошла из частей тела восьминогого оленя. По сходным верованиям тунгусских шаманов считалось, что их мифическая мать-прародительница имела звериную природу: медведицы, лосихи или косули с восемью ногами. Возможно, что подобные взгляды проникли и в воззрения тумнинских орочей, либо это результат генетической близости в прошлом. Один из орочских шаманов — С.М. Хутунка — нарисовал карту окружающего мира, согласно которой тумнинские орочи представляли Евразию в виде восьминогого лося **бэйидини сагды на**. Спинной хребет лося являлся горной цепью с девятью вершинами, шерсть — тайгой, вши — зверями, комары — птицами. Когда лось переступал с ноги на ногу, происходило землетрясение. На лосе-земле орочи поместили себя, соседние с ними народы, русских и китайцев. Западнее лося находится Америка в виде дракона **мудур** с жалом, усами, рогами и восемью конечностями.

Выявляются некоторые параллели тунгусской и самодийской мифологии. Например, у нганасанов, так же, как у тунгусов и орочей, земля представлена в виде лосихи или оленихи, шерстью которых был лес. Нганасанская мифическая лосиха смотрит в сторону запада. Западный ориентир в пространстве занимает важное место и в мифологии тунгусов, так как там расположен загробный мир. По мифологии эвенков на западе начинается шаманская река, которая может выступать эквивалентом мирового древа. Тунгусский олень и орочский лось имеют сходные названия, внешний образ и функции. Загробный мир этой группы орочей также представлен в виде восьминогого лося.

Общетунгусские компоненты можно обнаружить в космологических воззрениях амгуньских и амурских негидальцев. Многие группы эвенков для обозначения вселенной использовали термины «*сэвэки*», «буга». Понятие бига включает в себя Вселенную, небо, землю, подземный мир. Верхний мир угу буга, или дуннэ, находился выше звезд. Попасть в него можно было через особое отверстие — Полярную звезду. В нижнем мире x эргу буга, или ∂y ннэ, тоже жили люди. По представлению амурских негидальцев вся Вселенная состоит из трех частей. Верхний мир называется термином «**Уу бола**» — «там, где пух». По данным амгуньских негидальцев, верхний мир называется термином «нямму». Там всегда светло, есть реки с рыбой и леса со зверями. Верхние люди хорошо живут: охотятся и ловят рыбу. Средний мир амурские негидальцы обозначили термином « ∂ олин бола» или «туй бола»; амгуньские негидальцы — «дунна туй». Это мир, в котором живут земные люди. В нижнем мире хайгу бола, или буни, живут души людей после смерти. Души умерших людей уводит в нижний мир по особым тропам сильный шаман.

Сахалинские нивхи представляли землю живым началом — огромной кетой. Рыба шевелится, и происходят землетрясения. Полуостров Шмидта является головой этой рыбы. По мнению некрасовских нивхов, поселок Ныврово так и переводится — «голова рыбы». Мысы Марии и Елизаветы — это хвост. Раньше нивхи всегда угощали остров Сахалин, имея в виду, что это живая рыба, и просили себе удачи на промысле и в жизни. По данным Ч.М. Таксами, нивхи Сахалина представляли свой остров человекоподобным существом, лежащим на правом боку, лицом к материку. Старики-нивхи помнили, как остров повернулся с левого бока на правый. Нивхи различали голову человека-острова — полуостров Шмидта, шею — узкое место севернее г. Охи, сер-

дце, из которого течет кровь — нефть — окрестности г. Охи, позвоночник — Восточно-Сахалинский хребет и ноги — мысы Анива и Крильон. В.К. Арсеньеву удалось собрать у орочей и удэгейцев подобные верования о том, что земля — это живое существо муцеля, живой человек. Голова этого человека-земли находится на северовостоке, ноги расположены на юге, а руки - на востоке и западе. У сахалинских нивхов бытовало еще одно представление - о возникновении их острова из морских волн. Огромные валы морской воды вдруг застыли и стали горными хребтами на Сахалине. Эти взгляды сходны с взглядами древних японцев на процесс образования своих островов. Первые синтоистские боги Идзанаки и Идзанами погружали копья в первозданный океан, стекающие с копий капли соли и образовали острова. Возможно, что сходство верований нивхов и японцев можно объяснить типологическими причинами, но можно предположить, что это результат этнокультурных взаимодействий в бассейне Японского моря. Широко известны мифологические сюжеты древних египтян о рождении богов из глаза других богов. В китайской мифологии имеется сходный миф о Паньгу. Когда Паньгу умер, его левый глаз стал солнцем, а правый - луной, туловище с руками и ногами стало четырьмя сторонами света и горами, плоть стала почвой, кровь стала реками, паразиты стали людьми. В скандинавской мифологии земля происходит из тела Имира, в китайской мифологии — из тела Паньгу, в вавилонской мифологии — из тела Тиамат, в ацтекской мифологии — из тела богини земли. С этими воззрениями сходно общетунгусское представление о возникновении земли из тела оленя. В фольклоре сахалинских негидальцев и ульта есть сходный сюжет о лисе. В предании говорится о том, как лису за то, что она ела бельчат, филин отнес на остров, где не было никакой еды. «Лиса плачет: «Кушать нечего, сейчас я умру, мои глаза и зубы будут морскими камнями, шерсть — травой, ребра плавником». А.Н. Соловьева из с. Вал рассказала в 1998 г. предание «Про хитрую лису и глупых нерп».

«Бабушка мне эту сказку рассказывала. Она тогда еще сказала, что сказки – это по-русски. У эвенков раньше были сказители. Так вот они не рассказывали, а пели сказания нимнанкан. Жила одна семья орлов. Свили они себе на дереве гнездо и вывели птенцов. Вот орел полетел кудато по своим орлиным делам. В гнезде только одна орлица осталась. Подбежала к этому дереву лиса, задрала кверху морду, постучала хвостом по дереву и говорит: «Орлица! А ну давай мне одного орленка, а то сейчас хвостом дерево срублю и всех птенцов съем». Что делать? Орлица думала, думала и столкнула одного орленка вниз. Лиса схватила его и убежала в лес. Через некоторое время лиса снова прибежала к этому дереву. Опять хвостом по дереву постучала, задрала морду, и говорит: «Орлица! Отдавай орленка, а то сейчас хвостом дерево срублю и всех птенцов съем». Что делать? Пришлось ей еще одного орленка отдать лисе. Лиса схватила его и убежала в лес. Через некоторое время вернулся орел к гнезду. Орлица ему со слезами все рассказала про лису и про птенцов. Орел сильно рассердился. А тут как раз лиса прибежала к дереву. Она не знала, что орел уже вернулся. Только постучала хвостом по дереву и открыла рот, чтобы пугать орлицу, как орел схватил ее когтями за шкуру и понес по воздуху. Летел, летел и сбросил лису на остров в море. Лиса побегала по берегу, смотрит: самой до берега ей никак не добраться. Далеко. Она испугалась и заплакала. Тут ее плач услышала нерпа и вынырнула.

Спрашивает у лисы: «Лиса, ты почему плачешь»? А лиса-то хитрая. Она вытерла слезы лапками и говорит нерпе: «Да вот, я хотела посчитать – сколько вас, нерп, в этом море. Пришла к вам в гости, а посчитать вас не могу, потому что вы все в воде сидите». Нерпа говорит: «Ну, лиса, нас, нерп, здесь очень много. Ты все равно всех не пересчитаешь». Лиса отвечает: «Вот если бы вы головы высунули из воды, то тогда бы я смогла вас пересчитать. Иди позови своих подружек». Нерпа послушалась лису и позвала всех своих подружек. Много нерп вынырнуло. Лиса прыгнула на голову первой нерпы и говорит: «Раз». Прыгнула на вторую нерпу и говорит: «Два». Так и добежала до самого берега».

Эти сюжеты об образовании природных объектов из частей тела и об освобождении с острова имеют также параллели в культуре японцев. Из глаз и носа бога Идзанаки рождаются другие боги, заяц спасается с острова, используя в качестве живого моста крокодилов. По мнению Е.М. Пинус, этот сюжет с зайцем попал в Японию из Китая или Кореи. Однако, по мнению японского профессора С. Сасаки (2005 г.), подобный мифологический сюжет мог возникнуть в культуре японцев с использованием образа акулы, в качестве «глупого» животного. В космологических представлениях негидальцев имеется несколько вариантов преданий о происхождении среднего мира, земли. Возможно, что в их основе лежат этнокультурные контакты негидальцев с представителями разных этносов. Так, негидальцы поселка Им связывали происхождение земли с деятельностью гагары, доставшей со дна моря песчинку — первооснову земли. В.И. Цинциус собрала у негидальцев сведения о том, что землю и все живое спасает мифический стрелок, убивающий лишние смертоносные светила. Л.Я. Штернберг зафиксировал у негидальцев представления о первотворце и культурном герое $Xa\partial ay$, которые связаны этнокультурными взаимовлияниями (возможно, через одну из групп негидальцев) с орочами и нанайцами. Представление о птицах, достающих из воды основу земли, характерно для многих народов и является общесибирским вариантом. Характерен этот вариант и для дохристианских представлений основной части эвенков.

В.К. Арсеньев записал у удэгейцев фольклорные сюжеты, отличающиеся от других тунгусо-маньчжурских, об открытии людьми загробного мира. Самым главным удэгейцы считали мир небесный - боли амба силени **боани**, что дословно означает «дух родить небесный небо боа». Следующий мир земной — ни силени на («человек родить земля») и подземный. Подземный мир называется термином «докеня наани» «мир под земля». Название происходит от особого имени выдры *докеня буйни* - «зверь подземного мира». После смерти ее душа уходит в подземный мир *докеня наани*, отчего животное и получило у удэгейцев такое название. Души умерших людей, которые причиняли другим большие несчастья, попадают в самое худшее место загробного мира - бунига наонгинь. В этой части подземного мира протекает красная река, есть черное болото и черные скалы. В предании «Гамбау буинь» показана схема представлений удэгейцев о том, как этот мифический зверь проглатывал людей, что приравнивалось к их смерти. Лишь после того, как два героя убили этого зверя и освободили проглоченных людей, они выкопали отверстие в земле, которое и стало входом в загробный мир.

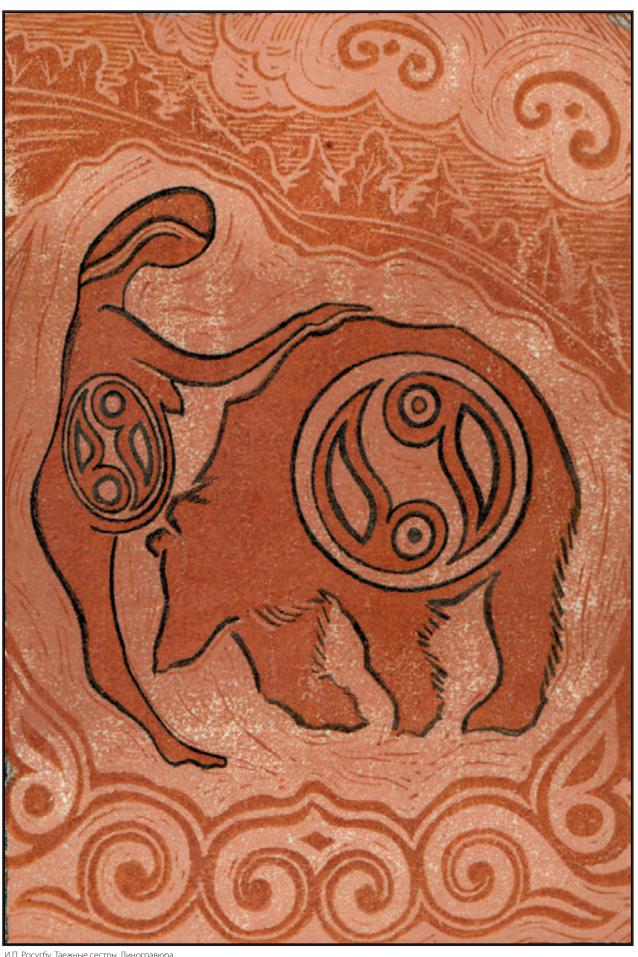
Вариант сходного предания «О том, как удэгейцы открыли *буни*» записан в 1997 г. у бикинской удэгейки Е.И. Кялундзига.

«Жили два брата-кабарги. Пищу добывают охотой. Спят валетом. Старший брат всегда обижал младшего брата. То мяса или рыбы ему недодаст, то побьет. А когда возвращался домой, то всегда бил младшего брата палкой по голове. Потом захотел совсем его в загробный мир буни отправить. Стал копать яму. Копал, копал, но не докопал. Надоело ему. Однажды младший брат сказал: «У меня понос. Поэтому я сегодня с краю лягу, чтобы успеть на улицу выбежать». А сам перед этим докопал яму в буни до конца. Ночью он говорит старшему брату: «Подвинься. Я на улицу пойду». Старший брат подвинулся. Младший еще несколько раз так попросил и в конце концов сбросил старшего брата в дырку в загробный мир и сверху закрыл шкурами. Старший брат долго летел в дырке и, наконец впереди увидел свет. Вернее, это не свет, а глаза совы светятся. Тут сова говорит старшему брату: «Ну что? Доиздевался. Теперь здесь будешь жить. А твой младший брат будет наверху жить». Старший брат отвечает: «Ну ладно. Пусть будет так. Пусть он наверху живет. Я ему мстить не стану. Но за то, что он меня столкнул в загробный мир, люди будут всегда у него струю забирать!» И с тех пор старший браткабарга остался жить в загробном мире. А у младшего брата-кабарги люди всегда струю забирают. Все».

Сходные верования орочей о том, как они раньше не умирали, пока шаман не выкопал в горах дорогу в загробный мир *буни*, записал В.П. Маргаритов.

По верованиям народов Амура, каждым из трех миров управляет свой сверхъестественный хозяин (дух, божество). Л.Я. Штернберг писал о том, что образ верховного божества, главного доброго духа, создателя мира $\partial H \partial u p u$, попал в культуру ряда амурских народов через нанайцев от китайцев и маньчжуров. Образ же первопредка и культурного героя орочей $Xa\partial ay$, по предположению ученого, они сближают по созвучию с образом христианского Адама, о котором могли узнать у восточнославянских переселенцев. В культуре маньчжуров образ *Эндури (Эньдури)* занимает важное место — это общее название 34 календарных духов, которые следят за порядком, управляют людьми и силами природы. В воззрениях нанайцев персонаж Хосиа Эндурни ассоциировался с созвездием хойхол хосикта. В его владения входила девятая, последняя небесная сфера, и ему подчинялись еще 33 божества. Главное божество Вселенной Курн, по мнению нивхов, похоже на обычного человека. Все остальные духи: Π ал ызн — хозяин тайги, Tол ызн — хозяин моря, Tур bi3h - дух - хозяин огня, подчиняются**Курну**. Его авторитет настолько велик, что в последние годы ему стали поклоняться нанайцы — переселенцы с Амура.

Нанайцы считают хозяйкой поверхности внешнего обвода верхнего мира старуху омсон мама, которая «вдувает» душу, дает жизненную силу детям и детенышам зверей. Однако зрительного образа этой хозяйки у нанайцев нет. Старухи с подобными функциями есть в представлениях тумнинских орочей: на Лунной Земле живут супруги хозяев медведя и тигра — ∂y эн*тэ мамачани* и *дусэ мамачани*. Они выкармливают душу покойного человека древесным углем и сбрасывают на землю в беременную женщину. Представления о верховном духе *Эндули* сохраняются у удэгейцев до настоящего времени. Удэгеец А.И. Каза считает, что $\partial H \partial y \Lambda u -$ это безликий дух, он не похож ни на что и ни на кого. По верованиям некоторых групп удэгейцев, земной мир создал мифический старик **Чинихе**. Сначала он создал теплую южную сторону, а затем холодную се-

И.П. Росугбу. Таежные сестры. Линогравюра

верную. Между небом и землей осталась щель *буа кэн-кини*, через которую и дует ветер. *Чинихе* создал горы, реки, леса, зверей и в месте проживания своей старухи *Тагу Мама*. В результате их брака старуха стала посылать людям души детей — *оме*, *омэ*. Если ребенок на земле заболеет, чаще всего от испуга, то его душа уходит обратно в верхний мир к этой старухе. Вернуть душу обратно на землю может только шаман.

Смену дня и ночи удэгейцы объясняли тем, что луну $\mathbf{6}\mathbf{9}$ и солнце $\mathbf{c}\mathbf{y}$ периодически хватает зубами мифическая небесная собака. Чтобы восстановить природный ход времени, удэгейцы во время лунных и солнечных затмений старались шумом испугать эту собаку. Это древнее верование характерно для многих народов мира. Универсальными также являются представления удэгейцев и нанайцев о находящейся на Луне девушке. Орочи представляли небо в виде твердого вещества, в которое воткнуты колышки-звезды, в том числе и солнце. По верованиям удэгейцев, звезды — это светлые небесные камни. Созвездие Большой Медведицы удэгейцы называли терминами «дзали банхани», «дзали бангяли». Сочетание семи видимых невооруженным взглядом звезд созвездия Большой Медведицы удэгейцы и орочи объясняли как сцену охоты на медведя. Четыре звезды — это амбар на сваях, к которому подкрадывается медведь, за ним охотится $E r \partial a$ с братом, составляющие ручку ковша. Самая маленькая звезда, видимая только в хорошую погоду, считается собакой.

Некоторые небесные явления, например, падение метеорита, удэгейцы приписывали верховному творящему существу **Бо Эндули**. При этом они отличали бесшумное падение «звезд» от падения метеорита голо, производящего определенный звук. Падающий метеорит удэгейцы считали посланником верховного духа, особым человеком, освещающим землю.

Иманская удэгейка Н.С. Шаталова из Дальнего Кута рассказала в 1999 г. предание «Железная птица солонко чинда» о возникновении Млечного Пути.

«Жили-были брат с сестрой. Брат ходил на охоту, а сестра целыми днями волосы себе расчесывала. До обеда одну половину головы расчешет, а после обеда другую половину. А на небе жила железная птица солонко чинда. Но это не просто птица была, это был такой особенный небесный человек, который мог превращаться в железную птицу солонко чинда. И вот эта девушка сильно понравилась этому человеку-птице. Он прилетел домой к ним. Когда сестра только первую половину головы расчесала, он и украл девушку на небо. Брат вернулся с охоты, смотрит – сестры его нет. Он бросился в погоню. Так быстро бежал на лыжах, что даже снежная пыль сзади завихрилась. Завихрилась, поднялась на небо, да так там и осталась. Теперь этот след называется Млечный Путь. На небе брат нашел свою сестру у этого человека и узнал, что этот человек может превращаться в железную птицу солонко чинда. А сестра с этим человеком так хорошо жили, что и брат там остался у них жить».

Сюжет о том, что Млечный Путь — это лыжня культурного героя или богатыря, характерен не только для коренных народов амуро-сахалинского региона, он имеет тунгусский и общесибирский характер. Удэгейцы называли Млечный Путь термином «эгда дуктэмохони», орочи — «мангэ тулунхони». У орочей мифический охотник Манги, у удэгейцв — Егда. По мнению Г.М. Василевич, термин «манги», как синоним слов «медведь»

и «предок» известен в шаманстве почти всех тунгусоманьчжуров. У удэгейцев известен еще один вариант образования Млечного Пути — след лыж старика **Канды** и молодого охотника **Егды**. Раньше небо было ниже, поэтому **Канда** и **Егда** смогли взобраться на него. С тех пор небо постоянно удаляется от земли. В.В. Шумилова сравнивает космологические сюжеты якутского эпоса с элементами космологии китайской, индийской, греческой, персидской и тунгусо-маньчжурской культур.

В духовной культуре коренных народов амуро-сахалинского региона сохранились элементы аниматических и антропоморфных представлений, по которым весь окружающий человека мир представлялся живым, подобным человеку. Удэгейцы, нанайцы и орочи разговаривали с солнцем, огнем, деревьями и считали их просто живыми существами, подобными человеку. Все в природе живое и все человекоподобное. То есть здесь еще не идет речь о сверхъестественных существах, не говорится о душах и духах. В 1940-е годы исследователи фиксировали у сахалинских нивхов остатки аниматических верований. Считая всю окружающую природу живой, охотники верили, что треснувшая под ногой ветка сделала это специально, чтобы вспугнуть зверя, к которому подкрадывался человек. Поэтому охотник наказывал эту ветку и бил ее. Сахалинские эвенки и в наши дни при разделке дикого оленя соблюдают ритуалы, в основе которых лежат древние представления, не связанные со знанием души. Перед разделкой туши они вынимают у оленя глаза и заворачивают их в древесные стружки, чтобы олень не видел, кто его убил, и не смог рассказать другим оленям. Иначе олени будут прятаться от охотников. Соблюдается в наше время и ряд запретов: язык и селезенку оленя нельзя есть в сыром виде, иначе человек станет болтливым и бестолковым, так как селезенка имеет пористое строение, и, съев ее, охотник станет таким же «пустым».

По мнению современных иманских удэгейцев, в традиционном обществе было много запретов — coondo, большая часть которых уже утрачена. Запрещалось говорить за столом о медведе, иначе он нападет в тайге. Запрещалось обсуждать какого-либо живого или умершего человека. В объяснении запретов не используется категория сверхъестественной души. Эти запреты имеют универсальный характер и распространены у многих этносов мир. Запрет говорить о медведе за столом, скорее всего, объясняется тем, что нельзя упоминать священного зверя - медведя - походя, без необходимости, занимаясь рутинными делами. Подобные аниматические верования бытуют среди бикинских удэгейцев, некоторые элементы социальной организации людей переносятся на птиц. В результате длительных наблюдений удэгейцы заметили некоторые отличительные особенности ворон: их смекалку, хитрость, проживание в стаях рядом с поселками людей и т. п. Бикинский удэгеец П.Г. Каленчуга рассказал в 1999 г. о «вороньем суде».

«У ворон тоже бывает свой суд. Для такого дела собирается много ворон. Причем все они разные. Есть судьи, цари, рабы. Обвиняемая ворона сидит на земле в центре круга из ворон-рабов. Вороны рангом повыше сидят на ветвях в средней части деревьев. На верхушках деревьев сидят вороны цари. Вот цари-вороны кричат: «Кар-кар». Средние вороны повторяют этот крик. Рабы-вороны набрасываются на виновную ворону и забивают ее клювами насмерть. После окончания суда все вороны улетают из этого места».

Таким образом, в настоящее время коренные народы региона сохраняют в своей памяти крупицы аниматических представлений, которые, кроме того, нередко включают и элементы анимизма. Анимистические представления, по которым сам человек и все окружающие объекты природы обладают бессмертной жизненной субстанцией - душой, занимают гораздо большее место в верованиях народов региона. Представление о бессмертной душе человека и животных является универсальным представлением. Анализ терминологии и некоторых аспектов верований и ритуалов, связанных с душой, позволяет выделить и некоторые этнические особенности тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов.

Материалы о земле-человеке показывают древние антропоморфные представления коренных народов региона. При этом в верованиях орочей и удэгейцев заметно влияние тунгусского пласта культуры в результате возможного этнокультурного взаимодействия. Подтверждение таких связей можно найти в материалах Б.А. Куфтина и С.М. Бытового, которые отмечали, что в бассейне р. Тумнин в одних поселениях с орочами проживали оленеводы-тунгусы. В результате таких тесных этнических контактов происходило взаимопроникновение элементов духовной культуры. Этнокультурные контакты тунгусо-маньчжурских народов и нивхов просматриваются в параллельных сюжетах о строении Вселенной, загробного мира, наказании за путешествия простых людей в потусторонний мир. Современные верования народов амуро-сахалинского региона наполнены определенным количеством универсальных мировоззренческих категорий. Вполне возможно, что некоторые из них дошли до настоящего времени из далеких глубин культуры. Отдельные представления о душе показывают влияние тунгусской культуры. У народов амуро-сахалинского региона имеются одинаковые термины для обозначения души, однокоренные и совершенно различные. Это может свидетельствовать о включении иноэтнических элементов в традиционную культуру.

Музейные материалы:

КМКМ — Қомсомольскийна Амуре муниципальный краеведческий музей.

Архивные материалы:

- 1. Арсеньев, В. К. Путевой дневник 1, 1907 г. // Арх. ПЦРГО-ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1. д. 5, л. 70.
- 2. Арсеньев, В. Қ. Путевой дневник 1, 1908—1909 гг. // Арх. ПЦРГО— ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 10, л. 207.
- 3. Арсеньев, В. К. Путевой дневник 2. Юбилейная экспедиция 1908-1909 в память присоединения Приамурского края к России в 1860 г. // Арх. ПЦР-ГО-ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 11, л. 20-21.
- 4. Арсеньев, В. К. Путевой дневник 1, 1914—1925 гг. // Арх. ПЦРГО—ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 27, л. 216—217, 229—234, 252—256, 270 - 271.
- 5. Березницкий, С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1998 г. // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 416. — 711 л.
- 6. Березницкий, С. В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае. Этнографические исследования 1999 г. // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 434. — 116 л.
- 7. Березницкий, С. В. Материалы по культуре народов Восточной и Северо-Восточной Азии. Этнографические исследования 2000—2001 гг. // Арх. ИИАЭ
- ДВО РАН. Ф.1, оп. 2, д. 450. 311 л. 8. Куфтин, Б. А. Тунгусы I // Арх. МАЭ РАН. Ф. 12, оп. 1, д. 38. 38 л.
- 9. Этнографические очерки, справки и другие материалы о народности нивхов на острове Сахалине за 1948-1949 гг. // ГАСО. Ф. 53, оп.1, д. 377. 177 л.

- 1. Аврорин, В. А. Представления орочей о Вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» / В. А. Аврорин, И. И. Козьминский // Сборник музея антропологии и этнографии / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 1949. — Т. 11. — С. 324—331.
- 2. Березницкий, С. В. Верования и обряды ульта (по материалам международной этнолингвистической экспедиции на о. Сахалин в июлеавгусте 1990 г.) С. В. Березницкий // Ethnic Minorities in Sakhalin. — Yokohama, 1993. — Р. 129 - 157
- 3. Березницкий, С. В. Система верований, обрядов и культов негидальцев / С. В. Березницкий // Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока : сб. ст. науч. конф. «Дальневосточная историческая наука на пороге XXI века: новые имена», Владивосток, 25-27 марта 1997 г. – Владивосток, 1997. – С. 30 - 42.
- 4. Березницкий, С. В. Мифология и верования орочей /
- С. В. Березницкий. СПБ., 1999. 208 с.
 5. Березницкий, С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуросахалинского региона / С.В.Березницкий. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – 486 с.
- 6. Бытовой, С. М. На счастливой реке / С. М. Бытовой. Л., 1954. 358 с.
- 7. Бытовой, С. М. Лесная школа / С. М. Бытовой. Л., 1957. 246 с.
- 8. Бытовой, С. М. Река твоих отцов / С. М. Бытовой. Л., 1965. 202 с
- 9. Василевич, Г. М. Эвенки : ист.этногр. очерки (XVIII нач. XX вв.) / Г. М. Василевич. Л. : Наука, 1969. 304 с.
- 10. Василевич, Г. М. Этнонимы в фольклоре / Г. М. Василевич // Фольклор и этнография. - Л., 1970. - С. 25-36.
- 11. Василевич, Г. М. Дошаманские и шаманские верования эвенков / Г. М. Василевич // Совет. этнография, 1971. - № 5. - С. 53-61.
- 12. Евзлин, M. C. Космогония и ритуал / M. C. Евзлин. M.: Hayka, 1993. — 344 с.
- 13. Захаров, И. Полный маньчжурскорусский словарь / И. Захаров. СПб. : Тип. Акад. наук, 1875. — 1132 с.
- 14. Қодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. с яп. Е. М. Пинус. — СПб. : Кристалл, 2000. — 608 с. — (Библиотека мировой литературы) (Восточная серия).

- 15. Крейнович, Е. А. Очерк космогонических представлений гиляк ова Сахалина / Е. А. Крейнович // Этнография. Кн. VII. 1929. № 1. С. 78—102.
- 16. Ксенофонтов, Г. В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов : (материалы к мифологии уралоалтайских племен в Северной Азии) / Г. В. Ксенофонтов // Отд. оттиск из сб. «Очерки по изучению Якутского края». Вып. 2. Ч. 1. / Якут. секция ВСОРГО. — Иркутск, 1928. — С. 1–77.
- 17. Лебедева, Ж. К. Мифология самодийских народностей Крайнего Севера / Ж. К. Лебедева // Язык миф культура народов Сибири : сб. науч. тр. / Якут. гос. ун-т. – Якутск, 1988. – С. 102–112
- 18. Мазин, А. И. Традиционные верования и обряды эвенковорочонов (конец XIX начало XX вв.) / А. И. Мазин. Новосибирск : Наука, 1984. 200 с.
- 19. Маргаритов, В. П. Об орочах Императорской Гавани /
- В. П. Маргаритов. СПб. : Изд. ОИАК, 1888. 56 с. 20. Пинус, Е. М. Древние мифы японского народа; Словарь имен богов и топонимов; Древнеяпонская мифология: исследование и краткий мифологический
- словарь / Е. М. Пинус // Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1. СПб., 2000. С. 7—32; 362—515; 516—558. (Библиотека мировой литературы) (Восточная серия).
- 21. Подмаскин, В. В. Космография тунгусоманьчжуров и нивхов / В. В. Подмаскин // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 2004. № 1. С. 94—105.
- 22. Подмаскин, В. В. Народные знания тунгусоманьчжуров и нивхов. Проблемы этногенеза и этнической истории / В. В. Подмаскин. Владивосток : Дальнука, 2006. - 540 с.
- 23. Роббек, В. А. Миф о происхождении земли и человека в эвенском фольклоре / В. А. Роббек, Х. И. Дуткин // Эпическое творчество народов Сибири Дальнего Востока : (материалы всесоюз. конф. фольклористов). – Якутск, 1978.
- 24. Сем, Т. Ю. Традиционные представления негидальцев о мире и человеке / Т. Ю. Сем // Религиоведческие исследования в этнографических музеях : сб. науч. тр. / отв. ред. Б. В. Иванов. – Л., 1990. – С. 90–114.
- 25. Сем, Ю. А. Космогонические представления нанайцев. «Верхний мир» / Ю. А. Сем // Религиоведческие исследования в этнографических музеях : сб. науч. тр. / отв. ред. Б. В. Иванов. — Л., 1990. — С. 114—128.
- 26. Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк. М.: Наука, 1991. 279 с.
- 27. Старцев, А. Ф. Боги и хозяева трех миров в мировоззрении удэгейцев (по материалам В. К. Арсеньева) / А. Ф. Старцев // Съезд сведущих людей Дальнего Востока : науч.практ. конф., посвящ. 100летию Хабар. краевед. музея, 17—18 мая 1994 г. / отв. ред. Н. И. Рубан. — Хабаровск, 1994. — С. 76—78.
- 28. Стратанович, Г. Г. Народные верования населения Индокитая / Г. Г. Стратанович. - М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1978. - 256 с.
- 29. Таксами, Ч. М. Представления о природе и человеке у нивхов / Ч. М. Таксами // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. И. С. Вдовин. — 1976. - C. 203217
- 30. Цинциус, В. И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом / Цинциус В. И. // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. Л. П. Потапов. — Л., 1971. — С. 170201. — (Сб. му-
- зея антропологии и этнографии ; т. 27).
 31. Шишло, Б.П. Тунгусский миф о творении и его культурное пространство / Б. П. Шишло // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Хршановский. — Л., 1991. — С. 192—204.
- 32. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны : ст. и материалы / Л. Я. Штернберг под. ред. Я. П. Алькор (Кошкина). — Хабаровск : Дальгиз, 1933. — 740 с.
- 33. Шумилова, В. В. Религиозные представления о мире в эвенских мифах / В. В. Шумилова // Музыкальная этнография тунгусоманьчжурских народов : тез. докл. и сообщ. междунар. конф., Якутск 17—23 авг. 2000 г. — Якутск, 2000. - C.90 - 92.
 - 34. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Юань Кэ. М.: Hayka, 1965. 496 с.

«Кя, Подя, не забывай нас, не обижай!»

Огонь в культуре коренных народов Приамурья

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,

кандидат исторических наук, главный хранитель Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова

Фото автора

Огонь – это жизнь. Без освоения этой грозной стихии человек так бы и остался видом слабых животных, специализирующихся на собирательстве, ареалом распространения которого стали бы тропики и субтропики. Огонь до сих пор вызывает у человека ужас и восхищение, чувство опасности и благодарность. «Чего может бояться все живое на земле?» – спросила подружек Гэюне – героиня одноименной нанайской легенды. Не могли они отгадать. Тогда она ответила: «Огня!»

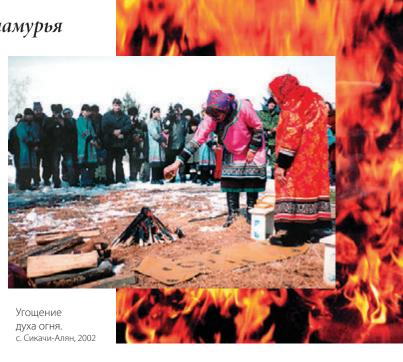
Культ огня, представления о духе-хозяине огня — наиболее древние у всех народов мира. Нанайцы представляли огонь живым, могущественным, добрым и жадным одновременно. Амурские нанайцы назвали духа-хозяина огня Подя (произносится «Подзиа» с ударением на последнем слоге), уссурийские — Фадзя.

Духа-хозяина огня всегда угощали: как в жилом помещении через огонь очага, так и на промысле через огонь костра. «Очень часто, почти ежедневно, приносится огню жертва дома во время еды; обыкновенно старший в семье перед тем, как приняться за еду, отделяет от каждого кушанья крошечные порции и кидает в огонь; льют в огонь и напитки, особенно водку», — писал И.А. Лопатин. Во время таежного промысла охотник приступал к еде после угощения духа-хозяина огня в «ничтожных количествах» теми блюдами, которые приготовил для себя.

По свидетельству горинского нанайца В.М. Самара, охотник на месте промысла всегда делал угощение духу-хозяину огня (богу огня, по выражению информанта) Подя. Он варил рисовую кашу, заливал растительным маслом, комбижиром или рыбьим жиром. С собой охотник приносил водку. Сначала брызгал ее пальцем в огонь, потом бросал в него несколько кусочков каши, затем табак дамахи. Во время угощения охотник произносил свою просьбу духу с импровизированным текстом. Суть обращения сводилась к следующему: «Мы пришли к тебе, помоги нам». Охотники села Кондон до сих пор придерживаются этого обычая. Жертвоприношение, угощение духу-хозяину огня делает на месте охоты самый старший из охотников.

Подя можно было «угощать» едой, приготовленной из продуктов, добытых здесь же, на промысле, например рыбой: «Кя, Подя! Не обижайся, угощаю тебя чем могу, твоим же сомом».

Горинские нанайцы, выезжая на Амур для заготовки осенней кеты, после первого улова также совершали обряд

угощения духа-хозяина огня Подя. Старики нагревали водку, разливали ее по маленьким рюмочкам итанги, «похожим на наперстки». После чего произносили произвольный текст примерно следующего содержания: «Қя, Подя! Не жалей нам своего добра, поделись с нами. Мы будем честны, как всегда, обманывать твоих слуг, живность твою не собираемся. Наживаться на обмане грех. Мы молимся за себя и особенно за наших неопытных добытчиков. Обманывать не станем. Кя, Подя!» Затем молившиеся обмакивали указательные пальцы в водку, брызгали на четыре стороны света со словами: «Кя, Подя, не забывай нас, не обижай!», и выпивали содержимое *итанги*. Во второй половине XX века ритуал общения с духом-хозяином упростился. Сначала Подя надо было водку поставить – с чайную ложку, можно 100 граммов. Затем ставили закуску: «Юколу, хлеб, кашу, лучок, черемши немного кладут в тарелочку рядом с кружкой». После этих приготовлений обращались к Подя, говорили так: «Кя, Подя! Дай мне соболя!» или: «Подя, ты мне в этом году дай много соболей, и я не пожалею. Всегда, когда буду пить, тебе налью». М.З. Бельды говорил на рыбалке: «Кя, Подя, дай рыбу мне, много не надо. Мне хватит полмешка карасей и четыре сазана». Он макал в стакан с водкой указательный палец правой руки и брызгал 2-3 раза в разные стороны, потом ел сам. Постоявшую минут 15 водку можно было выпить самому или с напарником поделить. Если костер вспыхивал при попадании в него капель водки, кусочков еды, это означало, что Подя «принял угощение». Как уточнил сикачи-алянский нанаец В.В. Бельды, «много лить в костер водки нельзя, пьяным будет Подя». На каждой стоянке, ночевке, где разжигали костер, делали угощение Подя $- cyz\partial u$. Ульчи не говорили вслух свою просьбу к хозяину огня, мысленно просили удачу, хорошей погоды.

По свидетельству нанайки Т.А. Бельды, говорить о Подя вслух было нельзя — *соромбори*, обсуждать нельзя. Дух огня не только способствовал успеху на охоте и рыбалке.

Т.А. Бельды рассказала как типичный один случай, произошедший с ее дедом и бабкой. Они ездили на Эморон ловить рыбу. Дед ловил, бабка обрабатывала, заготавливала. Они уже собрались ехать домой, когда установилась безветренная погода. Дед обратился к Подя, «водки побрызгал, на коленях попросил ветра домой доехать. Пока поели, собрали вещи, заготовленную рыбу, подул легкий ветер. Они поставили парус, поехали. Добрались до дома, и ветер прекратился».

По представлениям коренных народов Приамурья дух-хозяин огня мог находиться в гнилом дереве. Прежде чем срубить такое дерево, к нему обращались с объяснением необходимости его рубки и просьбой к духу-хозяину огня покинуть это дерево.

Нанайцы считали Подя хозяином муравьев. За осквернение муравейника Подя якобы наказывал человека нагноением глаз и нарывами на теле и лице.

Как выглядел Подя в представлениях нанайцев? В ответ на этот вопрос М.З. Бельды рассказал следующую легенду. В старину люди поехали на охоту, обнаружили много следов соболей, поставили ловушки, а добычи нет. Легли спать. Старший из охотников увидел сон. В месте костра в аонга ходили маленькие люди — сантиметров 7-12 — и ворчали: «Ничего поесть нет, ничего не кинули». Охотник проснулся, поняв, что это были Подя. Он запретил своим товарищам идти на охоту и предложил совершить моление. После совершения моления старший охотник опять увидел сон. В нем около костра бегали маленькие (около 7 см) и очень маленькие (примерно 1,5 см) человечки, много человечков (человек 15), радовались, танцевали даже. С тех пор Подя кормить стали. Другие охотники не видели подобный сон. О величине Подя говорит и такая характеристика, данная М.З. Бельды: подя — «такой маленький народ, им много не надо: с одной капли захмелеют».

Многие нанайцы представляли Подя древним стариком с многочисленной семьей. Неосторожные или провокационные действия человека могли убить детей Подя.

В одной из легенд, записанной в селе Джуен от Киле Тунки, Подя был женского рода — эктэ подя. Она жила под землей и вышла замуж за человека. Однако жили они врозь (жена — в земле, муж — в лесу), их брак был бездетным, но богатым — «всего было в достатке».

Особый интерес имеют сведения И.А. Лопатина о представлениях нанайцев, касающихся внешнего вида и одежды духа огня: «Этого духа огненной стихии гольды представляют в образе дряхлой, сгорбленной старухи в красном халате». По мнению И.А. Лопатина, словом Фадзя нанайцы называли собственно огонь, а его духа считали женского пола и именовали Фадзя-Мама. По информации исследователя, так же представляли духа огня нивхи.

На современном этапе среди нанайцев бытует также мнение, что в прошлом нанайцы Подя в конкретном виде не представляли, это абстрактный образ.

Мифологический образ духа-хозяина огня распространен у всех тунгусо-маньчжуров. В одних мифах это пожилая женщина, в других — пожилой мужчина. По мнению кандидата филологических наук Н.Б. Киле, более древним является женский образ хозяйки огня, живущей под землей на сухих и высоких местах и избегающей болот, марей, кочкарника. С переходом от материнского рода к отцовскому образ Подя изменился, приобрел вид пожилого мужчины, хозяйка же огня стала считаться женой или вовсе была вытеснена.

В нанайской мифологии не существует универсального духа-хозяина огня. В образе Подя обобщены представления нанайцев о множестве духов огня, «живших» в границах той или иной территории. Конкретный дух Подя якобы «не выходил» за пределы своих владений, границами которых были речки и мари, непреодолимые для него препятствия. По легендам, этим пользовались иногда некоторые нанайцы, обоз-

лившиеся на духа огня за неудачи на промысле. Они варили кашу, «приглашали» Подя с семьей угоститься, переворачивали котел с горячим содержимым в огонь, котел раскалывали. После этого сразу же покидали это место, бежали за марь, за речку, чтобы Подя «не догнал». Дух огня будет искать обидчика, врага, пока не накажет, но может и не найти. Однако, в целом, нанайцы верили в справедливость Подя.

Неудачи на промысле нанайцы объясняли наказанием Подя за нарушение закона тайги и охоты. Они верили, что сильный духом человек (редкий среди людей) мог бороться с Подя, победить его и сделать послушным себе, как собаку.

В обращении с огнем у нанайцев имеются разные запреты. Согласно одному из них нельзя втыкать в землю острые предметы, чтобы не поранить Подя. Традиция запрещала «резать» пламя костра ножом, втыкать нож в костер. Такое поведение считалось проявлением неуважения к хозяину огня, за что он наказывал. «Заболеешь», - сказала А.А. Самар. В сборнике «Нанайский фольклор» границы данного запрета расширены: нельзя втыкать в землю любой заостренный предмет. Прежде чем рубить корень в тайге или кочку, охотники вслух предупреждали: «Пудя, пудя, убери ноги, как бы тебя не поранить». Нельзя было плевать в огонь: оскорбишь духа огня — заболеешь — «все губы опухнут». Нельзя было вылить из котелка кипяток, не предупредив: «Пудя, пудя, убери ноги, как бы не ошпарить». Более того, запрещалось тушить костер водой: «Грех, $\partial y \ni h$ *тэ энуни* — таежная болезнь, опухнешь», только землей. Детям нельзя было играть с огнем, разжигать его, тушить. Запрещалось после поедания мяса медведя дуть на огонь. Поэтому вечером после такой трапезы огонь в лампе не задували, как обычно, а подворачивали фитиль.

В костер, домашний очаг нельзя было бросать огрызки. Это обидит духа-хозяина огня. Традицией запрещалось бросать в огонь мусор. По свидетельству информанта С.Н. Оненко: «Какая грязь в старом нанайском доме?! Пол глиняный. Его водой затирали. Нанайская грязь — это береста, стружки, солома – их можно в костер». Но нельзя было кидать в костер стружки из колыбели, стружки от роженицы, стружки, использованные женщинами как прокладки (так же считали и ульчи). Их выносили на улицу, выбрасывая с особыми словами. Стружки-прокладки зарывали в землю. Запрещалось перешагивать через огонь, костровище — *соромбори*, заболеешь — «что угодно заболит». Нельзя было бросать в огонь кости, где бы то ни было. Нанайцы считали, что за подобное «угощение» Подя обидится и не даст добычи. Когда рубили сухие сучья, чтобы подбросить в огонь, нанайцы говорили примерно следующее: «Подя, Подя, убери ноги, а то я тебя пораню». Они предупреждали Подя, когда выливали из котелка оставшийся невыпитым кипяток. Запрещалось перешагивать через головешку или кострище и даже наступать на старое пепелище, особенно детям. По свидетельству К.М. Бельды, Подя наказывает человека, наступившего «на огонь чужого человека». Информант был уверен, что хромает именно потому, что, идя на охоту, он наступил на костровище. Нельзя было перешагивать и дрова, брошенные в костер, — нога заболит.

Нельзя было рубить топором большие, длинные поленья, уже лежавшие в костре, разделывать на них мясо. Запрещалось играть головешками или шевелить угли острой палкой. Нарушение запретов приводило к заболеванию человека-нарушителя. У него могла опухнуть голова, на глазах и теле появлялись нарывы, человек якобы мог даже умереть. Таково было наказание духа-хозяина огня. Вместе с тем среди охотников бытовали и рациональные объяснения поведенческих запретов в отношении костра и огня вообще. Так, ороч Г.Е. Акунка, информант С.В. Березницкого, запрет трогать костер, шевелить поленья, головешки объяснил следующим образом: «Если при ночевке в тайге будешь трогать костер,

то искры из него прожгут палатку, одежду и вообще можно сгореть». Орочи назвали духа-хозяина огня Пузя, Пудя или Тава эзэни. Чаще всего они представляли его в виде старика или четы стариков Пуза и Пуза мамачан'и. Как рассказывали орочи пос. Снежный и Датта, Пузя (они уточняли, что она душа огня, x a h s огня) — это «худая старуха, живущая в любом огне - очаге, костре, зажженной спичке и т. д. Она постоянно мерзнет и хочет есть, поэтому в костер необходимо подкладывать дрова, кидать кусочки мяса и брызгать водку. Муж этой старухи (дух-хозяин муравьев) **Икта** адзани живет в гнилушках и муравейниках. У него в подчинении находится дикий кабан. Если охотники потревожат муравейник или, проходя мимо него, плохо скажут о диких кабанах и свиньях, то кабан узнает об этом и расскажет духу-хозяину огня, а тот накажет провинившихся: сперва у них воспалятся глаза, а потом по всему тему появятся незаживающие язвы.

Хорские удэгейцы называли духа-хозяина огня **Тоо пузани**. Они считали, что владыка огня находится в очаге, костре или там, где раньше горел огонь. Удэгейцы верили, что **Тоо пузани** всегда возле человека, «ведь человек на огне готовит себе поесть».

Иманские удэгейцы называли духов-хозяев огня **Пуза мама** и **Пуза одо** — старуха и старик, бабушка и дедушка, верили, что у них есть дети. Духов-хозяев огня угощали. Из

Константин Мактович Бельды проводит обряд поклонения духу огня. Окрестности села Троицкого. 2003

первой рюмки спиртного указательным пальцем левой руки обязательно брызгали трижды в разные стороны по капле водки и говорили: «Это тебе, Пуза-бабушка. Это тебе Пузадедушка, чтобы мне жить хорошо было». Чтобы угостить духов растительным маслом, набирали его в рот и брызгали в огонь.

У удэгейцев также были запреты, связанные с огнем, например, через костер нельзя прыгать, мочиться нельзя в костер и рядом с ним. Нельзя втыкать острые предметы в костер. «Ондо — грех, нельзя. Поранишь Подя. Заболит то место, где поранил Подя», — пояснила смысл данного запрета В.Т. Кялундзюга. Муж В.Т. Кялундзюга заливал угли костер водой из чайника. По словам Валентины Тунсяновны, так делали уже в наше время, а раньше убирали недогоревшие ветки от углей. Пока собирались, угли прогорали. Землей костер никогда не забрасывали.

Нивхи считали, что грех трогать огонь ножом или топором: он якобы мог рассердиться и послать болезнь, например заболят глаза, появятся чирьи, золотуха или нога вспухнет.

Крупный российский исследователь культуры эвенков Г.М. Василевич писала об отношении эвенков к огню: «Значение огня проходит красной нитью через всю жизнь тунгуса. Огонь охраняет тунгуса от злых духов, и тунгус один в лесу никогда не ляжет спать без костра... Не только на промысле, но и дома, каждый охотник считает своей обязанностью, перед тем как начать есть мясо, накормить огонь с обращением... Огонь, вернее хозяин огня, все слышит и чувствует. Зря бросать или втыкать в землю около огневища нож или острый предмет нельзя — на промысле огонь не будет гореть. Кровь или воду с кровью нельзя выливать около огня — хозяин обидится и в следующий раз не пошлет зверя или птицу. Потрескивание огня во время каких-либо разговоров или споров говорит о том, что надо предпринять обратное. Автор была свидетельницей, когда охотник собравшийся на промысел, услышав такое потрескивание, разделся и в этот день на охоту не пошел. Бульканье огня ... (разговор огня) по утрам предвещает хорошее, по вечерам - плохое. Шипение огня означает хорошее предзнаменование для охотника, говорят: «... бабушка шикнула, много зверя добудем». Последнее замечание эвенкийского охотника свидетельствует, что эвенки представляли духа огня женщиной.

Эвенки верили, что нельзя перешагивать пепелище. По словам Т.В. Даминовой, она всегда обходит пепелище до сих пор. Нельзя топтать огонь, нельзя плевать в огонь. $O\partial\ddot{e}$ - κum , грех.

Старики эвенки слушали костер. Они специально заготавливали хорошие дрова, протапливали и слушали звуки огня после ужина. «Чук-чук-чук» — пикнет в костре три раза, надо стадо идти проведывать, волки оленей разогнали. Пиканье костра могло предвещать чью-либо болезнь или перелом ноги. «Или заболеет, или ногу сломает. Пиканье — поверье», — говорил нам П.Н. Сабрский.

По традициям эвенов в костер никогда нельзя плевать. Когда костер гасишь, в центре должен остаться сухой участок (информант показала кольцо из пальцев). Костер разжигают в местах, где нет сквозняка.

По утверждению негидалки А.Е. Трубы, во рту болячки появятся, если будешь плевать в огонь, женские болезни разовьются, если через костер перешагнешь. Топтать нельзя костер, как выразилась информант, тоже что-то плохое будет, заболеешь. В огонь самое лучшее бросали: «Если пьем, обязательно нальем, если едим, обязательно бросим кусочек еды в костер». Л.А. Сайгушева говорила: «Перед тем как кушать, надо поделиться с костром. Он тебя кормит, обогревает. «Тоого ду!», т. е. «Дай костру!». «Тоо» — огонь. Кусочек хлебушка отломить, ложку еды бросить, немного водки капнуть».

«Нельзя топтать огонь, нельзя ругаться на огонь. Зачем? Он нас кормит, греет. Как на него будешь ругаться?

Острые предметы в огонь тыкать нельзя. Нельзя перешагивать через костер, между ногами нарывы появятся», — говорила М.К. Охлопкова.

О.П. Гульчаева рассказывала, что ей всегда говорили старшие: «Не плюй в огонь — на языке болячка выступит. Не наступай на огонь, ты его оскорбляешь, тоже болячка выступит. Не бросай острые предметы в огонь, ему будет больно. При нем (огне) нельзя было маты гнуть, говорить нехорошие вещи. Сикать на огонь нельзя, между ног выскочит болячка. Вообще огонь обижать нельзя, обидится».

От негидалки А.П. Надеиной услышали мы легенду, связанную с обычаем кормить огонь. «Два человека пошли в лес. Один говорит: «Надо дать огню, попросить удачи, хорошо чтобы было в лесу». Другой ответил, мол, зачем это делать, не надо. И не дал огню. Легли они спать у костра. Утром просыпается охотник, который дал огню, видит, выпал снег, товарища рядом нигде нет. Пошел по следам. Шел-шел, дошел до ущелья. Видит, ноги торчат. Второго охотника задавило, только ноги торчат. Одяви. Когда находишься в лесу, всегда надо дать огню — тоого ду».

Огонь и дух-хозяин огня почитаются коренными народами Приамурья до настоящего времени, правда, нередко можно ощутить некую фамильярность в обращении с ним. Некоторые наши информанты использовали в своих рассказах о духе-хозя-ине огня уменьшительно-ласкательное «Подяшка».

Информанты:

- 1. Афанасьева Ульяна Васильевна, эвенка, 1936 г. р., с. Вятское.
- 2. Бельды Владимир Владимирович, нанаец, с. Сикачи-Алян.
- 3. Бельды Константин Мактович, нанаец, 1935 г. р., с. Троицкое.
- 4. Бельды Михаил Зоросович, нанаец, 1930 г. р., с. Джари.
- 5. Бельды Раиса Алексеевна, нанайка, 1946 г. р., с. Найхин.
- 6. Гульчаева Ольга Петровна, негидалка, 1954 2003,
 - с. Владимировка.
- 7. Даминова Таисия Викторовна, эвенкийка, 1946 г. р., пос. им. П. Осипенко.
- 8. Дигор Ксения Ивановна, нанайка, 1915 2002, с. Кондон.
- 9. Дункай Иван Иванович, удэгеец, 1952 г. р., с. Красный Яр.
- 10. Дявгада Николай Николаевич, с. Богородское.
- 11. Киле Антонина Сергеевна, нанайка, 1929 г. р., г. Хабаровск.
- 12. Кимонко Дмитрий Викторович, удэгеец, 1960 г. р., с. Гвасюги.
- Кялундзюга Валентина Тунсяновна, удэгейка, 1936 г. р., с. Гвасюги.
- 14. Куту Таисия Родионовна, ульчанка, 1955 г. р.
- 15. Малюга Татьяна Николаевна, эвенкийка,

пос. им. П. Осипенко.

- 16. Надеина Анна Порфирьевна, негидалка, 1916 г. р.,
 - с. Владимировка.
- 17. Оненко Светлана Николаевна, нанайка, 1955 г. р.,
 - с. Сикачи-Алян.

пос. П. Осипенко.

- 18. Охлопкова Мария Кузьминична, эвенкийка, 1926 г. р., с. Владимировка.
- 19. Сабрский Павел Николаевич, эвенк, 1941 г. р., с. Тополево 20. Сайгушева Людмила Антоновна, негидалка, 1940 г. р.,
- 21. Самар Анна Александровна, нанайка, 1918 г. р., г. Комсомольск-на-Амуре.
- 22. Самар Вениамин Михайлович, нанаец, 1945 г. р., с. Кондон.
- 23. Самар Любовь Федоровна, нанайка, 1954 г. р, с. Гвасюги.
- 24. Самар Юлия Дмитриевна, нанайка, 1938 г. р,
 - г. Комсомольск-на-Амуре.
- 25. Серова Зоя Ивановна, нанайка, 1939 г. р., с. Нижние Халбы.
- 26. Труба Александра Егоровна, негидалка, 1947 г. р.,
 - с. Владимировка.

Литература

- 1. Бельды, М. Две матери одного сына : нанайс. сказка / М. Бельды // Красное знамя. 1991.-29 окт.
- 2. Березницкий, С. В. Мифология и верования орочей /
- С. В. Березницкий. СПб. : Петерб. востоковедение, 1999. 208 с.
- 3. Березницкий, С. В. Религиозные и рациональные аспекты в верованиях и обрядах коренных народов Дальнего Востока / С. В. Березницкий // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток—Запад. Владивосток, 1997. Вып. 3-4. С. 61—64.
- 4. Березницкий, С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро Сахалинского региона / С. В. Березницкий. — Владивосток : Дальнаука, 2003. — 486 с.
- Василевич, Г. М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов / Г.М. Василевич // Этнография. 1930. № 3. С. 57–67.
- 6. Гейкер, В. И. Акашины берега : повесть, легенды, сказка / В. И. Гейкер ; пер. с нанайс. Хабаровск : Кн. издво, 1990. 144 с.
- 7. Кондо, К. Наши гиляцкие суеверия / К. Кондо // Тайга и тундра. 1930. № 2. С. 149—157.
- 8. Кялундзюга, В. Т. Кялундзюги Симонова словарь удэгейского языка / В. Т. Кялундзюга, М. Д. Симонов. — Стеншев, 1998. — Т. 2. — С. 426—938.
- 9. Лопатин, А. И. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские / А. И. Лопатин. Владивосток, 1922.-370 с.
- 10. Нанайский фольклор : нингман, сиохор, тэлунгу. Новосибирск, 1996. 478 с.
- 11. Ходжер, Г. Г. Амур широкий : роман. Кн. 1: Конец большого дома / Г. Г. Ходжер. М. : Совет. Россия, 1975. 320 с. 12. Ходжер, Г. Г. Вещун : роман / Г. Г. Ходжер // Дал. Восток. 1989. —
- № 9. C. 3-42. 13. Ходжер, Г. Г. Непроглядные сумерки : роман / Г. Г. Ходжер. Хабаровск :
- 13. Ходжер, Г. Г. Непроглядные сумерки : роман / Г. Г. Ходжер. Хабаровск Кн. изд., 1991.-512 с.
- 14. Чадаева, А. Я. Кондонский дневник / А. Я. Чадаева // Дал. Восток. 1979. № 3. С. 138—145.
- 15. Чадаева, А. Я. Сказки Дачи Удинкан / А. Я. Чадаева // Дал. Восток. — 1989. — № 9. — С. 141—149.
- 16. Шаньшина, Е. В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России : (опыт мифологической реконструкции и общего анализа) / Е. В. Шаньшина. Владивосток, 2002. 156 с.

Дух предка в образе Куты мафа

Анатолий СТАРЦЕВ, этнограф, доктор наук Владивосток

Все малочисленные народы Приамурья и Приморья почитают тигра, которого удэгейцы называют Куты мафа. Они верят, что дух предка в образе тигра постоянно сопровождает охотника и оказывает ему помощь на охоте. В тайге Куты мафа является охотникам в облике зверя, а во сне он обычно приходит либо в образе пожилого человека (удэгейцы, орочи), либо в виде седого старика в богатой одежде (нанайцы).

Удэгейская фигурка шамана-предка верхом на духе-помощнике. Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева, Владивосток

Аборигены Приамурья и Приморья считают, что тигр может поступать не только как добрый, но и как злой дух, известный под именем Амба. В последнем случае он может причинить вред. Обычно Амба предстает перед человеком в образе птицы (амба гахани), человека (амба нии) или животного (амба буани).

Удэгейцы сохранили миф о происхождении тигра, содержание которого позволяет предполагать, что в этногенезе народности принимали участие какие-то племена, обитавшие на юге Азии, где никогда не бывает зимы и где водятся зеленые попугаи.

В духовной культуре удэгейцев, орочей, нанайцев и других тигр занимает одно из ведущих мест. Его рисуют на онгонах и шаманских атрибутах, делают из дерева и соломы, вырезают на берестяных коробках, вышивают на одежде цветными нитками. Рисунки на шаманской одежде наносятся контурной линией, при этом художник часто нарушает пропорциональную зависимость деталей туловища (большая голова и малое тело), не соблюдает перспективу и не стремится к детальной прорисовке изображения. Важной деталью рисунка являются поперечные полосы, изображающие шкуру зверя, по которым узнают тигра среди других животных из семейства кошачьих.

Такой подход к рисунку, на наш взгляд, известен жителям Приамурья с неолита. Об этом убедительно свидетельствуют наскальные изображения Сикачи-Аляна. На одном из базальтовых валунов, расположенных у берегов Амура, имеется рисунок тигра, напоминающий удэгейские и нанайские изображения. Изображения выполнены хотя и на разных материалах, но в одном стиле: тот же контурный рисунок туловища, те же поперечные полосы на шкуре животного.

Связь древнего искусства народов Нижнего Амура с современным (с середины XIX века до наших дней) прослеживается и на другом примере. Так, на удэгейском и нанайском халатах и нанайской берестяной коробке среди сложных переплетений растительного орнамента выделяются узоры в виде стилизованных головок животных кошачьей породы. По характерным завиткам и поперечным полосам можно узнать тигра. Похожие узоры имеются и среди петроглифов реки

Кия в Хабаровском крае. Древние и современные изображения выполнены в стиле линейного рисунка. Первый (на р. Кия) состоит из комбинации кругов и кривых линий, второй (на халатах и берестяных коробках) — из симметричных спиралей, кривых линий и скобок. Кроме этого, на лбу животного имеется специальный знак, подобно тому, какой есть у живого тигра. На петроглифе он изображен в виде ромба с четырьмя точками, на берестяной коробке — в виде треугольного лепестка, на удэгейском халате это маленький ромбик и два лепестка. Данная деталь указывает на могущество зверя и выделяет его в особую категорию великих животных.

Поперечные полосы как главный опознавательный знак играют важную роль не только в рисунках, но и в деревянной скульптуре удэгейцев и особенно — нанайцев. Нанайские скульптурные изображения без раскраски больше напоминают выдру, удэгейские — крысу. Но за счет поперечных полос, проведенных краской на хвосте, туловище и голове, в деревянной фигурке угадывается тигр. В отличие от нанайских деревянных скульптурок удэгейские более тонкой работы и ближе к реальному воспроизведению зверя.

В прошлом удэгейцы, орочи, нанайцы и другие народы Приамурья и Приморья часто делали из металла, дерева или сухой травы амулеты с изображением тигра, которые носили на шее или держали у изголовья, чтобы обезопасить себя от козней злых духов. Можно предположить, что петроглифы на реках Кия и Амур, где имеются рисунки тигров, расположены в местах отправления древних обрядов, включающих жертвоприношения.

Главной причиной, заставившей предков удэгейцев и других тунгусо-маньчжуров изображать тигра, являются тотемистические представления. Исследователи неоднократно указывали, что удэгейцы, нанайцы, орочи, ульчи, маньчжуры, узбеки и многие другие народы Азии считали тигра или своим древним предком, или почетным сородичем, или просто приписывали ему свойство влиять на деторождение.

Взгляд на тигра как на близкого родича сохранился в памяти удэгейцев, орочей, нанайцев и других народов в виде мифов и преданий, которые чаще всего рассказывают о сожительстве тигра с женщиной или тигрицы с мужчиной. Один из удэгейских мифов о браке тигрицы с человеком приводится В.К. Арсеньевым. В нем говорится, что мальчик и девочки попали на зверовую тропу. Девочку подобрал медведь, а мальчика — тигрица. Впоследствии от брака девочки с медведем произошли все удэгейцы, а брак мальчика с тигрицей остался бездетным. С тех пор удэгейцы стали считать медведя своим родоначальником, а тигра — почетным сородичем. Вместе с тем удэгейцы относились к тигру не только как к отдаленному сородичу, но и как к божеству.

У орочей первоначально тигр был тотемом только рода Еминка, у нанайцев — Актенка. (Об удэгейцах нет такой конкретной информации.) Позднее этот тотем распространился и на другие роды нанайцев, орочей, удэгейцев, но это не мешало им признавать приоритет родов Еминка и Актенка.

Сюжет нанайского мифа о связи тигра с женщиной очень близок представлениям народов, живущих в Средней Азии и Тибете. В этом легко убедиться, если сравнить мифы нанайцев, узбеков и небольшой тибетской народности таман.

В нанайском мифе повествуется, как тигр пришел к дому женщины и лег у порога. Нанайка попросила его уйти, но зверь остался на своем месте. Тогда женщина перешагнула через него и пошла по своим делам. Вернувшись, она снова перешагнула через зверя. Вечером тигр поднялся и ушел. Через два месяца женщина почувствовала, что беременна, и в срок родила двух мальчиков. С детьми она ушла в тайгу и там превратилась в тигрицу. Когда ее разыскал брат, женщина-тигрица отдала ему детей и велела никогда не убивать без причины тигров. От мальчиков впоследствии появились все нанайцы рода Актенка, что в переводе означает рожденный от тигра. Близкий сюжет встречается у узбеков Хорезма. «По рассказам, передаваемым из поколения в поколение, - писал один из специалистов по народным верованиям узбеков Γ . П. Снесарев, — в старину стоило только охотнику, убившему в тугаях тигра, появиться в селении, как со всех сторон собирались женщины, не имевшие детей... Такие женщины, надеясь забеременеть, перешагивали через развернутую шкуру».

У тибетской народности таман бытует рассказ о том, как один человек разыскивал свою жену с ребенком и спрашивал, не видел ли кто его семью. Когда ему отвечали, что видели только тигрицу с тигренком, он восклицал: «Да ведь это они и есть!» — и спешно шел в ту сторону, где видели тигрицу.

Вера в родство с тигром и возможность общения с ним встречается и у других народов Азии. Коренные жители Приамурья и Приморья верили в магическую силу зверя и считали, что встреча с ним в тайге была предупреждением об опасности или неудаче во время промысла. Удэгейцы и орочи, приметив след зверя, тут же сворачивали в сторону. При случайной встрече с тигром охотник бросал свое ружье, низко кланялся и произносил «молитву», содержание которой сводилось к просьбе оказать помощь в охоте и не оставлять семью без кормильца и продовольствия.

Если тигра встречал нанаец из рода Актенка, он становился лицом к зверю, чтобы тот мог узнать своего «потомка». Аналогично поступали и орочи из рода Еминка. Считалось, что в трудную минуту зверь оказывал помощь своим потомкам. Так, в удэгейском фольклоре есть сюжет о том, что тигр снял со скалы двух приморских охотников, которые, добывая птенцов орла, взобрались так высоко, что спуститься не смогли.

В нанайском фольклоре также распространены сюжеты о том, как тигр приходит на помощь человеку. Например, есть рассказ о том, как охотники остались в тайге без оружия и еды. Они бродили, пока не упали, обессилев от голода. «Собрались, бедные, было уже умирать, но вздумали помолиться тигру. Встали они на колени и громко сказали: «Отец! Неужели ты не видишь, что мы умираем от голода? Пошли нам что-нибудь съедобное!» Сейчас же затрещали кусты, и показался тигр, а в зубах его была косуля. Он бросил ее к ногам гольдов и убежал в лес. Не хотели гольды есть

мясо косули, задавленной тигром, но он из лесу прокричал им человеческим голосом: «Ешьте скорее, не то умрете». Когда возвратились они домой, то хотели было принести искупительную жертву, но старейшему из рода Актенка во сне явился старик и сказал, что греха никакого не было и что он вовсе не сердится».

По представлениям орочей и нанайцев тигр не только помогает людям, но нередко и сам нуждается в помощи. В фольклоре нанайцев и орочей говорится, что однажды к жилищу человека пришел тигр с большой занозой в лапе. Люди вытащили занозу и отпустили его. Ночью орочам явился во сне тигр, велел сделать из занозы его изображение и обещал помочь в трудные минуты, а нанайцам (тоже во сне) тигр разрешил доедать остатки своей добычи и убивать раненного им зверя. Последний случай связывается с нанайским поверьем, что нельзя стрелять в зверя, преследуемого тигром, или брать тушу животного, задавленного тигром. «Если же будет обнаружено, что за бежавшим зверем, которого охотник убьет, гнался тигр, то гольд ни за что не возьмет ни мяса, ни шкуры, даже не прикоснется к нему, — писал об этом И.А. Лопатин. — В этом случае охотник должен был замолить свой грех и принести ту жертву, какую укажет родовой совет рода Актенка».

Брать добычу тигра не разрешалось ни одному охотнику. Нарушение этого запрета расценивалось всеми народами Приамурья как воровство. Исключение делалось только для орочей рода Еминка и нанайцев рода Актенка, поскольку, как уже говорилось, представители этих родов считали тигра своим отцом, а взять что-нибудь в пользование у отца не считалось зазорным.

Если охотник нарушал запрет и брал добычу тигра, то его на промысле ожидала неудача. У хорских удэгейцев нам удалось записать такой рассказ: один из удэгейцев зимой 1934 года отправился с женой на охоту. Эта женщина как-то нашла в тайге задавленного тигром кабана, погрузила его на нарты и увезла в свое зимовье. Не найдя своей добычи, тигр отправился по следу женщины и сильно напугал ее. На следующий день он снова шел по ее следу. Пришлось мужу отвезти жену домой. Только после этого тигр перестал посещать территорию, где жили охотники.

Вероятно, представление о мести тигра за «украденную» добычу опирается на практический опыт. Обычно тигр приближается к жилью, когда он стар или болен, голод заставляет его нападать на собак, скот и даже на человека. Именно такого тигра считали «сумасшедшим». Здоровый и сытый зверь на человека не нападает, но в целях самосохранения из любопытства изучает его на расстоянии. Абориген, заметивший слежку, полагал, что зверь преследует его за какието грехи, допущенные по отношению к лесным обитателям.

Восприятие удэгейцами, нанайцами, орочами и другими народами тигра не как зверя, а как человека своего или чужого рода наглядно прослеживается в местах, связанных с убиением тигра человеком или человека тигром. Место, где был убит человек, считалось запретным для его соплеменников. Здесь не охотились, не собирали ягоду, а, заметив условные знаки, указывающие на табу местности, обходили его стороной. Точно так же аборигены остерегались и места, где был найден тигр, убитый человеком или просто мертвый.

Отношение к тигру как к человеку особенно ярко проявлялось во время погребения зверя. Иногда он попадал под самострел или бывал убит из ружья по оплошности охотника. В том и другом случае удэгейцы хоронили тигра в специальном срубе (сактама), установленном на четырех вертикальных стойках. Внутри сруба делали подстилку из мягких стружек (куаптэля), которыми затирали кровь зверя. На них же укладывали мертвого тигра. Сруб сверху закрывали берестой или жердями. Шкуру с тигра не снимали. В виде штрафа (байта) в углу сруба, где была голова зверя, вешалась белая чистая ткань и длинные стружки, означающие, что здесь лежит мертвый сородич. По сторонам сруба на деревьях делались затесы, которые для удэгейцев служили

Чехол удэгейского шаманского бубна с изображением духов-помощников

Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева, Владивосток

ориентиром, что эта местность является запретной.

Орочи хоронили тигра в одежде. На него надевали штаны, халат, на задние лапы обувь, на передние — рукавицы, на голову — шапку. Зимой тигра одевали в летнюю одежду, летом — в зимнюю. Затем тигра клали на правый бок в амбарчик, который сверху закрывали бревнами.

У нанайцев бытовали рассказы о том, что после похорон тигра «убийца» во сне видел седого старика, который обращался к нему со словами: «Зачем ты убил моего сына? Ты не должен был смотреть на него, а завидев вдали, должен был поклониться ему до земли». Увидевший такой сон охотник шел в стойбище, где жили Актенка. Там он рассказывал старейшему из рода о случившейся беде и просил помочь. Представители рода Актенка определяли величину штрафа. В назначенный день виновный привозил в стойбище 30-40 килограммов мяса, немного юколы, чумизы и обязательно одно - три ведра водки. «Старейший делает из дерева маленькую модель лодки и кладет в нее половину бутылки (или менее того) водки, немного мяса, юколы и чумизы. После этого вся компания вместе с кающимся отправляется в лес к родовому дереву Актенка. Там все кланяются, а старейший произносит следующую молитву: «Старик, не сердись! Он убил твоего сына нечаянно. В следующий раз он будет более осторожен. Вот тебе от него угощение. Пей и ешь с нами и забудь старое». Съев угощение, выпив водку, охотники расходились в уверенности, что между людьми и родом тигров наступил мир. Иногда встреча охотника с тигром заканчивалась трагически. Зверь нападал на человека и убивал его. Такого зверя аборигены считали «сумасшедшим», вышедшим из-под влияния бога лесов Онку или ставшим злым духом Амба. В этом случае тигру объявлялась кровная месть.

Закон кровной мести существовал у аборигенов Приамурья вплоть до 1930-х годов. Он распространялся не только на чужеродцев, но и на тотемных животных — тигров и медведей. Этот факт убедительно свидетельствует о том, что в далеком прошлом люди не делали различий между человеком и тотемным зверем, который также должен был сполна получить наказание за свое преступление.

У удэгейцев после погребения погибшего человека его родственники разыскивали сильного шамана (*Сагди сама*-

ни) и приглашали к себе. Ему рассказывали о случившемся. Шаман после малого камлания в доме погибшего приказывал родственникам приготовиться к большому камланию. Недалеко от дома с западной стороны расчищали место. Там устанавливали специальный настил из жердей ($c \ni \partial o$) и делали длинную лестницу (*увангню*), которая верхней частью привязывалась к дереву так, чтобы нижние концы достигали земли. Сэдо касался края лестницы. По сторонам сэдо ставились две лиственницы. Кроме этого, делалось изображение тигра из травы (фуданку). Оно ставилось под лестницей, головой к настилу. В назначенный час, задолго до захода солнца, люди собирались на камлание. Шаман надевал свой костюм, обвязывал голову, локти и колени стружками, прикреплял к поясу три-четыре комплекта сэвэнов, изображающих орлов. Женщины заранее готовили их из прутьев тальника, цветных лоскутьев, птичьих перьев. Эти атрибуты должны были придать шаману легкость в движениях и позволить подняться в небо.

Камлание начиналось в жилище погибшего, а затем шаман, не прекращая ритмичных ударов в бубен, двигался к лесу на небольшую поляну, где камлание продолжалось почти всю ночь. Шамана сопровождали родственники и знакомые погибшего. Мужчины несли копья и пешни. Шаман, не прекращая камлания, становился на сэдо лицом к лестнице и обращался к фуданку: «Хозяин подземного мира, я пришел спросить тебя, почему случилось это убийство?» Хозяин тигров (Куты адзани), живущий на самой высокой сопке, пояснял, убил ли тигр человека нечаянно или за «грехи». Эти слова шаман передавал людям. Затем он предлагал собравшимся нанести роду тигров взаимное мщение, чтобы больше не было недоразумений. По знаку шамана удэгейцы бросались на изображение тигра и кололи его копьями.

Если несчастье случилось зимой, и была надежда догнать зверя по следу, люди клялись отомстить зверю. Удэгейцы надевали одежду наизнанку, это означало, что они идут мстить за сородича. Большой группой тигра настигали и убивали. Но на этом месть не завершалась. С мертвого зверя снимали шкуру, причем руками ее держать никому не разрешалось. Молодые люди шкуру держали крючками, а старый человек снимал ножом. Тушу и шкуру закапывали в землю, чтобы душа этого зверя не попала к небесной старухе (*Тагу мама*) и через несколько поколений тигр, возродившись, снова не убил человека.

Иногда, чтобы выразить презрение к душе, которая витала рядом с телом мертвого зверя, удэгейцы отрезали лапы вместе со шкурой, обрубали топором когти и обухом выбивали зубы, разрезали тушу на куски и разбрасывали по тайге. После этого считалось, что душа убитого сородича полностью удовлетворена и не будет беспокоить живых, а тигр Амба больше никогда не возродится. На этом кровная месть заканчивалась. Удэгейцы шли в тайгу, где имелось специальное дерево (Сангия мафа) с треугольной зарубкой у основания, и, помолившись Онку, сообщали, что виновный наказан, кровная месть прекращается, и люди желают в дальнейшем жить в мире с родом тигров.

После этого возвращались к жилищу погибшего. Шаман исполнял роль судьи *Манга*, помирившего людей и тигров. Он ступал ногой в один котел, поставленный перед входом в дом, потом в другой, поставленный за порогом и входил в жилище. Обходил помещение с пляской и ударами в бубен. Затем снимал с себя шаманские атрибуты и садился на циновку к столику с едой. Вместе с шаманом садились все остальные, поминая убитого. Родные дарили шаману пару унтов и пару наколенников. В ответ шаман также одаривал родных усопшего парой унтов, приготовленных заранее.

Многое из рассмотренных представлений в рудиментарной форме сохранилось в сознании аборигенов Дальнего Востока до наших дней, хотя и ушло из широкой обрядовой практики. Вместе с тем отдельные охотничьи ритуалы, до сих пор совершаемые в тайге, свидетельствуют об устойчивости древних верований.

Две половины одного целого

Эпонина БОГАТЫРЕВА

Хабаровск

Рисунок автора

Паняка (от ульчского слова душа) сидела на корме лодки, две чумашки стояли на берегу. Она собиралась набрать воды, но залюбовалась плавающими в глубине мальками, которые то дружно подплывали к лодке, то так же дружно отплывали, когда она приближалась к воде, словно дразня ее: «Поймай нас!»

Паняка улыбнулась, зачерпнула воды, поставила чумашки на землю и присела на край лодки. Лодка стояла носом в корму, готовая отчалить. Она была настоящей труженицей, хорошо поработавшей за свою долгую жизнь, кормилицей. Паняка тоже состарилась. Жизнь промелькнула как мгновенье. Она была младшей женой мужа, который давно умер от старости и болезни, старшие жены тоже умерли. Первая из них была сначала женой старшего брата мужа и досталась ему после того, как тот погиб на охоте. Среднюю жену взяли из соседнего стойбища, чтобы как-то наладить отношения между враждующими родами, и вместе с ней отдали несколько упряжек собак. На этом и был установлен мир. Вчера еще враждующие соседи стали навещать друг друга, устраивали праздники по случаю удачного завершения зимней рыбалки или медвежьего ритуала.

Паняка жила в семье очень бедно, ее отдали соседу третьей женой. Это произошло в самый голодный месяц. Паняка трудилась не покладая рук, терпела унижения от старших жен и их сыновей. Но она была молода, хороша собой, и муж жалел ее. Он был другом ее отца. Время шло, постепенно старшие жены старели, и Паняка стала равноправной хозяйкой в фанзе. В делах ей помогали дочери старших жен, молодые девушки, которые относились к ней как к подруге. Когда ос-

тавалось свободное время, они садились на нары, доставали нитки, иглы и углублялись в работу. Это были лучшие минуты в жизни Паняки. Она искусней всех в стойбище вышивала узоры, и слава о ее мастерстве разнеслась по другим стойбищам. К ней приезжали за советом, за новым узором, и она всем помогала, никому не отказывала.

Самым интересным в долгие зимние вечера были минуты, когда кто-нибудь из старших начинал рассказывать сказки или легенды. Чаще всего — бабушка или охотники, заходившие к мужу поделиться впечатлениями об удачной рыбалке или охоте. Легенды плелись как сети или как узор, который женщины вышивали на холстах.

А еще у каждого рода, да и у каждой семьи, в лесу имелся свой зимник — домик, где можно было отдохнуть после охоты. Когда охотники покидали его, то обязательно оставляли после себя дрова, запас воды, еду. Зимник был покрыт древесной корой с небольшим оконцем, затянутым рыбьей кожей, или вовсе без окна, освещенный лишь зажженным сальником. Так вот, каждый из охотников был замечательным рассказчиком, и по ночам при свете сальника в зимниках звучали замечательные истории. Эти легенды передавались из поколения в поколение, хранились в людской памяти.

Жизнь Паняки, если вспомнить подробности, тоже походила на легенду. Когда она думала о своих первенцах-близнецах, грусть и тоска надвигались на нее. Где они сейчас? Увидит ли их когда-нибудь?..

У ульчей рождение близнецов случалось очень редко и связывалось со сверхъестественными силами. С появлением близнецов жизнь семьи, рода, да и всего стойбища, коренным образом менялась, это считалось крупным событием, в честь которого надо было всем родом обязательно «ловить медведя», молить о счастье близнецам. Считалось, что если близнецы будут хорошо жить, беды не

случится, поэтому их берегли, охраняли всем стойбищем. В свою очередь близнецы должны были соблюдать при жизни все религиозные предписания и ульчские обычаи, иначе пострадает весь род близнецов. Поэтому они до некоторой степени считались священными людьми. Действительно, предполагалось, что один из близнецов — таежный человек, другой — водяной. Культ близнецов обеспечивал и удачную охоту, и богатый промысел.

Сыновья Паняки — Хуран (от ульчского слова хура — сопка) и Талан (по-ульчски — сырая рыба, обычно сазан). Хуран любил лес, охоту, зверей. Однажды он один добыл медвежонка и ухаживал за ним, растил — готовил к медвежьему празднику. Талан, едва научился ходить, сразу нырнул в Мангму, и Паняка едва успела его подхватить. Но страсть к воде у него не прошла. Позже он сам себе сделал удочку и поймал свою первую касатку.

Братья росли, вместе играли, бывало, ссорились. Другие дети их сторонились, так как старики считали, что близнецов нужно беречь от всяких невзгод и обид, и однажды, когда те стали свидетелями драки деревенских мальчишек, драчунов заставили встать перед близнецами на колени и попросить прощения.

Близнецы были сильными, выносливыми, они по-прежнему любили охотиться, рыбачить, но постоянно чувствовали к себе особое отношение, с их мнением считались даже старейшины. А мать Паняка была душой стойбища, ее уважали за веселый нрав, за отзывчивость, а с появлением близнецов считали святой. Ей приносили подарки, продукты, так как ульчи верили в «таежных» и «водяных» людей.

Считалось, что лес населен таежными людьми — дуэнтэни. Дуэнтэни живут в деревьях, как простые люди — хэсэгдэни, но имеют большую силу, являются хозяевами тайги, зверей и требуют жертвоприношений. Очень часто они принимают форму медведя, который не что иное, как лесной человек в шубе. У ульчского народа есть предание «Дорога таежного человека», где рассказывается о женщине, повинующейся властному призыву уходящего в берлогу медведя и рождающей двух близнецов-медвежат. Их культ и лег в основу медвежьего праздника.

На культ близнецов обратил внимание А.Л. Штернберг, открывший его у гиляков: «Мать близнецов, как удостоившаяся любви духа, по поверьям гиляков, становилась после смерти покровительницей своих сородичей. Культ каждого близнеца, как всякого обоготворенного человека, продолжается только в течение трех поколений».

Штернберг чрезвычайно заинтересовался этим культом и собрал материалы по культу близнецов у ряда первобытных народов, у древних культурных народов Средиземноморья, Индии и Китая. На основании этих исследований он создал блестящую теорию происхождения культа близнецов, которую связал со своей теорией избранничества.

«Культ близнецов» в той или иной форме, положительной или отрицательной, то есть в форме ли поклонения или страха, на ранних стадиях культуры можно считать почти универсальным. Хотя на этот вид культа исследователи обращали мало внимания, он констатирован у самых разных народов.

Штенберг считает, что близнецов обожествляли потому, что видели в женщине, матери близнецов, избранницу духа, а в одном из близнецов сына духа. Под этим верованием, которое Штернберг считает первичным, скрывается на самом деле более древний слой. В самом деле, гипотеза Штернберга не объясняет, во-первых, почему, если только один из близнецов считается сыном духа, культ распространяется на обоих близнецов. Поэтому Штернберг пишет: «Психология группового брака, идея магического контагиоза, равно как, быть может, отсутствие полной уверенности в точности признаков определения происхождения близнецов привели

к тому, что оба близнеца обоготворяются и оба одинаково почитаются — и как дети божества, и как дети земного их отца» (A.M. Золотарев «Родовой строй и религия культа»).

Важным моментом, характерным для культа близнецов, отмечает Золотарев, является постоянная борьба и соревнование между ними, отраженные в культе и мифологии. Как уже говорилось, у ульчей когда-то существовали две секции, одна из которых называлась «людьми тайги», другая «людьми воды». Такое деление происходило на ранних этапах развития общества. Каждая секция имела свой тотем, птицу. В Австралии, например, это были сокол и ворона, пишет в своей книге «Родовой строй и религия ульчей» А.М. Золотарев, в других местах — белый и черный какаду. Взаимоотношения между секциями носят своеобразный характер: составляя одно племя, они в то же время находятся в состоянии полушуточной вражды и соперничества. Культ близнецов - отражение этого первоначального универсального деления племени на две половины. Близнецы происходят из чрева одной матери, что отражает кровное единство племени. Но в то же время их двое, что соответствует делению племени на две экзогамных половины. Каждый близнец представляет одну из половин, поэтому почитаются оба близнеца. Среди русских распространено поверье, согласно которому один из близнецов — сын духа — лишь позднейшее осмысление культа близнецов, сохранившееся в обществе, где сам культ близнецов, а тем более его реальное осмысление, исчезли — не вызывает сомнения (А.М. Золотарев «Родовой строй и религия ульчей»).

Рассматривая современную обстановку в мире, где происходит противостояние добра и зла, войны, борьба внутри стран, невольно думаешь, не является ли это идущей из первобытного общества дуальной организацией, где шла борьба между родными братьями и племя делилось на два лагеря. В мифах о близнецах серьезную роль играют волки, быки, лебеди, оказывающиеся в близком родстве с ними. Волчица вскормила Ромула и Рема. Вырвидут и Вырвигор, славянские близнецы, вскармливались волчицей и львицей. Близнецы идеальным образом отражают двуединство разделенного на две отдельные половины племени, и поэтому они становятся объектом культа. И, конечно же, главную роль в воспитании близнецов играет мать, которая вскормила их своим молоком. От нее зависит судьба сыновей, народа, страны.

…Паняка сидела на корме лодки, смотрела на воду и вспоминала сына Талана, который одним уловом мог накормить всю семью. Он сильный и красивый, и скоро у него свадьба с девушкой из соседнего стойбища. А когда переводила взгляд на лес, вспоминала второго сына — Хурана. Когда зимой в стойбище заканчивалось продовольствие, он приносил полтуши сохатого, и все устраивали пир. У него тоже скоро свадьба.

Паняка уже начала готовить подарки будущим невесткам. Она решила вышить им по ковру. В их орнаментах и рисунках она захотела изобразить всю свою жизнь, и это ей почти удалось. Осталось лишь придумать середину ковра. Паняка задумалась. На руку села бабочка. Рисунок на ее крыльях был похож друг на друга, совсем как два ее сына-близнеца. Паняка улыбнулась, теперь она знала, что будет изображено в центре ковров. Подхватив чумашки, поспешила домой. Там взяла кусок бересты, сложила его, как крылья бабочки, и на одну половину нанесла рисунок углем, потом перенесла этот узор на другую половину. Осталось перевести рисунки на ткань ковра. Работа закипела. На ковре рождалось изображение медведицы с двумя медвежатами, а рядом - сама Паняка с сыновьями. Два медвежонка - символ медвежьего праздника — главного у ульчей. А она, Паняка, — мать близнецов, Талана — водного человека и Хурана — лесного человека, культ которых помнит ее народ.

Легенды и мифы

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ

Графика Миры ГОРНОВОЙ,

доцента кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ

Когда путешествуешь по Амуру, перед тобой открываются порой неожиданные пейзажи, иногда привлекающие природной гармонией, иногда впечатляющие своим громадным и диким пространством. И тогда начинаешь чувствовать, что культурное пространство, в котором находишься, намного сложнее и необычней прежних представлений о нем, что где-то еще есть места, хранящие свои тайны.

У исследователя культуры, которая стала значительно позже «вписываться» в дальневосточный исторический ландшафт, возникает желание изучить и провести научную реконструкцию этого культурного пространства.

В настоящее время такие древние памятники этносов Приамурья, как святилища, жертвенники, места, связанные с родовыми и природными культами, шаманизмом, исчезли. Их никто не разрушал — они ушли из памяти последующих поколений, поскольку перестали входить в сферу религиозной практики, утратили мифологическую связь с этносами — ульчами, нанайцами, удэгейцами. Лишь некоторые из них рассматриваются как археологические и этнографические памятники, памятники первобытного искусства.

Культ природы, культ предков у амурских народов выражался в почитании своеобразных, наиболее выразительных природных объектов: вершин гор, отдельных камней, живописных элементов ландшафта. Культовые памятники, отмечая важные «узлы» культурного пространства, являлись точками пересечения реального и мифологического времени и пространства. В таких местах воссоздавался как бы снова и снова мифологический сюжет, а скала или камень могли проявлять магическую силу «живущего» в них мифического персонажа. В этом культурном пространстве не было четкой границы между сложным миром живых и мертвых предков, между реальным и ирреальным, связанным с мифо-религиозными представлениями человека традиционной культуры.

Таким образом, наиболее выдающиеся части ландшафта Среднеамурской равнины были воплощением образов мифов живущих здесь коренных этносов. Одни объекты просто были персонажами легенды или мифа, другие — местами обитания «хозяев» — лесных и горных духов. Отдельные места действительно превращались в культовые, сакральные, и являлись в прошлом объектами почитания, жертво-приношений, ритуалов.

Это непонятное и, кажется, во многом враждебное пространство раскрывается нам при обращении к материалам фольклора, мифам, записанным во время экспедиций дальневосточными учеными — этнографами, археологами.

Мало кому известно, что Амурский утес был культовым местом, где нанайцы поклонялись его хозяйке-шаманке, которая с помощью волшебного бубна давала жизнь людям, просимые ими блага. Нанайское название утеса — «Мама хурээни» (в переводе Старухина гора). Легенду об Амурском утесе сообщил известный писатель и знаток этнической культуры А.А. Пассар:

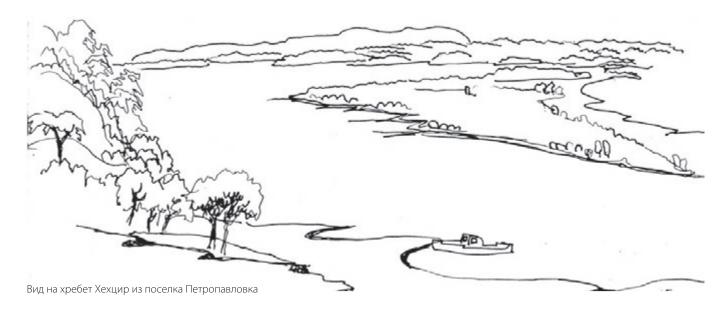
«Раньше на утесе стояла большая фанза шаманки, которая исчезла, когда пришли русские. У нее был волшебный камень, в котором она держала свой бубен. Этот бубен все видел и все слышал. Старик при помощи мехов раскаливал камень так, что он делался красным, как солнце. Старуха колотушкой ударяла по камню – из него выходил бубен. Все мэргэны после походов приходили к этому утесу на свет огня. Старуха вылечивала их своим волшебным бубном. Шаманы воспевали этот утес».

Исследователями записано несколько легенд и преданий о Хехцирском хребте. Обратимся к записям В.К. Арсеньева:

Амурский утес в прошлом – культовый памятник «Мама хурээни»

ГЛАВНАЯ ТЕМА

«Давным-давно в одинокой фанзе жил гольд Хээкчир Фаенгуни. Он был хороший охотник и всегда имел достаточный запас юколы для своих собак. Хээкчир был однажды в Сансине на реке Сунгари и вывез оттуда белого петуха. После этого он начал тяготиться своим одиночеством, потерял сон и стал плохо есть. Как-то раз ночью Хээкчир Фаенгуни вышел на улицу и сел у крыльца своего дома. Вдруг он услышал слова: «Хозяин, закрой окна, перед светом будет гроза». Хээкчир обернулся и увидел, что это петух говорил ему человеческим голосом. Тогда он пошел на берег реки, но тут услышал шепот над своей головой. Это говорили между собой деревья. Старый дуб шелестел листьями и рассказывал молодому ясеню о том, чему был свидетелем за двести с лишним лет. Хээкчир испугался. Он вернулся в свою фанзу, лег на кан, но, как только начал дремать, опять услышал шорох и голоса. Это говорили камни, из которых был сложен очаг. Они собирались треснуть, если их еще раз накалят.

Тогда Хээкчир понял, что призван быть шаманом. Он отправился на реку Нор, и там маньчжурский шаман вселил в него духа Тыэнку. Хээкчир скоро прославился – он исцелял недуги, находил пропажи и отводил души усопших в загробный мир. Слава о нем прошла по всей долине Уссури, Амуру и реке Сунгари. Вскоре около его фанзы появились другие домики. Так образовалась деревня Фурме. Затем деревня Фурме исчезла, а название Хээкчир превратилось в Хехцир... Впоследствии казаки этим именем стали называть не только то место, где раньше была ходзенская (нанайская. – Прим. Н.А. Соболевской) деревня, но и весь горный хребет...»

А.Н.Липский записал сказку, в которой уже действует не человек Хехцир, а хребет Хехцир:

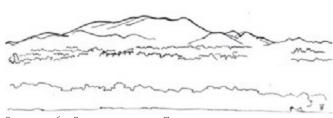
«В гольдском фольклоре различные горы изображены как живые люди. Они сватаются, ссорятся, дерутся и в конце концов каменеют. В одной гольдской (нанайской. – Прим. Н.А.Соболевской) сказке хребет Хихчир на правом берегу Уссури, в окрестностях Хабаровска, долго ссорился с другим хребтом в системе реки Амгунь и, наконец, вступил с ним в бой. Когда Хихчир стал изнемогать, он позвал на помощь свою жену – Вандан (хребет севернее Хабаровска). Вандан была в это время беременна, и время

родов уже приблизилось. Дорогой она родила несколько мелких сопок и когда дошла до места, где сейчас находится, Хихчир был тяжело ранен и ушел домой, не дождавшись жены, а Вандан, обессиленная тяжелыми родами (родила три сопки), легко была убита. Хихчир, возвратясь домой, умер и окаменел, превратился в хребет, Вандан тоже легла хребтом...»

А.А.Пассар рассказал еще одну сказку о богатыремэргэне Хехцире:

«Где-то здесь, на берегу Мангбу-Амура, жила-была пудин (красавица. – Прим. А.А. Пассара) по имени Аню. Говорят, она была умна и красива, но братья однажды решили выдать ее замуж за самого достойного мэргэна (герой сказки или легенды. – Прим. А.А.Пассара). Объявили по всему округу большой праздник – мэлдеку. На праздник-состязание приехали женихи из разных мест и стойбищ. Прибыл с приамурских гор нанайский мэргэн Хехцир. Явился со снежных хребтов Баджала батор Вангдан и удэгейский силач Тормасу с Сихотэ-Алиня.

Говорят, из всех женихов только эти трое стали достойными. Выполнили они все условия, никто никого не победил, равными оказались у них силы. Аню решила выбрать из них самого быстрого и выносливого. На закате солнца Аню вышла на берег реки и сказала, держа в руке деревянные чумашки: «Вы заслужили хвалу и честь. Даю вам последнее испытание. Кто из вас первым принесет мне воду из истока Мангбу-Амура, тот и будет моим женихом». Мэргэны поклонились, взяли чумашки и побежали вверх к истокам Амура. Набрали воды и отправились обратно. По дороге где-то отстал силач Тормасу. Мэргэн Хехцир и батор Вангдан бежали рядом, чтобы успеть к

Вид на хребет Вандан из поселка Петропавловка

восходу дня. Вдруг кто-то им на ухо зашептал: «Отдохните, отдохните». Бегуны почувствовали усталость, сели на землю и заснули крепким сном. Проснулись они только к утру от какого-то страшного шума. Они взглянули на небо и увидели там огромную железную птицу Кори. Птица летела им навстречу, размахивая со свистом длинными крыльями, и хохотала раскатисто, как гром:

- Xa! Xa!. Ха!. Вы проиграли силачу Тормасу! - заговорила птица Кори человеческим голосом. - Не послушали мудрых советов своих матерей, что нельзя приземляться на моей волшебной земле. А теперь вам суждено окаменеть от стыда и позора!

Мэргэны поняли, что это дело рук железного чудовища. Вынули из колчанов огненные стрелы и молнией выпустили в небо. Птица Кори перевернулась в воздухе, и как только она рухнула на землю, мэргэн Хехцир и батор Вангдан тут же окаменели...»

В другом мифе, записанном Л.Я. Штернбергом, сказочная птица Кори, хозяйка амурского пространства, являсь, по-видимому, древним тотемом, дала начало нанайским родам:

«Есть место выше Хабаровска, называемое Хыкцыр. Там был гольд, очень хороший стрелок, далеко стрелял, как пуля. Он стрелял в птицу Кори, большую, как амбар, которая была на Хыкцыре, попал, но не убил. Кори пошла на Горюн и там подохла. Это место называют Бичу (гора и теперь есть). Народ собрался, сварили; один человек был умный и поделил мясо между людьми и потом разные имена дал...»

В этом комплексе мифов и легенд мифологические образы воплощены в наиболее выдающихся точках Среднеамурской равнины (ее северной части) — Хехцире, Вандане, Тормасуне, Хабаровском утесе, горе Бичи. И связываются они прежде всего именно субстанцией культурного пространства этноса, издавна его освоившего — нанайцев. Формальная же, визуальная связь этих точек амурского ландшафта возможна, но не обязательна!

Иногда элементы амурского мезоландшафта (утесы, высокие амурские мысы, заливы) и микроландшафта (береговые скалы, крупные камни и т. д.) в мифологических текстах «прочитываются» как наиболее значимые, наиболее сакральные его части, связанные с созданием самого культурного пространства, деятельностью первопредков.

Сикачи-алянский петроглифический комплекс мы можем отнести к самому значимому культовому месту Приамурья — святилищу. Этот памятник отмечен природной уникальностью (петроглифы расположены на живописных базальтовых валунах вулканического происхождения); служил святилищем длительное время — несколько тысячелетий. В нем прослеживается несколько хронологических стилистических групп: от мезолитических изображений животных до средневековых рисунков всадников. Святилище, вероятно, было культовым центром для общирной округи, предназначалось для культовых коллективных действий.

Анализируя систему расположения сикачи-алянских петроглифов, можно заметить, что эпицентр скопления наиболее аттрактивных изображений (солнечный олень,

антропоморфные изображения — т. н. личины) находится в районе утеса, пункте 2-м, по определению археолога А.П. Окладникова. Видимо, это наиболее сакральное место, где происходило мифо-ритуальное общение рода со своим (-ими) природно-родовым (-ыми) первопредком (-ами). Утес Гасиан, Гася — сакральный центр, отождествляемый с первопред-ком, а многочисленные отколовшиеся от скальной террасы валуны, нагроможденные на площадках, рассматривались древними людьми частями первопредка, его порождениями.

Несколько тысячелетий назад здесь в ритуалах, обрядах, коллективном творчестве воспроизводился миф о временах первотворения, странствиях первопредка, а также присходило общение с предками, ставшими шаманами и проникшими или ушедшими в иной природный мир. Этим можно объяснить многочисленные изображения сикачи-алянских масок-личин, представлявших шамановпредков.

И.А. Лопатин записал этот сикачи-алянский миф:

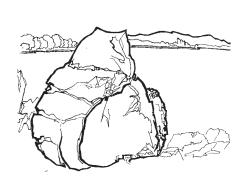
«Вначале на земле жило двое людей: брат Ходай и сестра Мяменди. Откуда они появились – неизвестно. Однажды сестра Мяменди укусила палец. Побежала кровь. Но только капля крови упала на землю, из нее сейчас же образовалось три человека: один мужчина и две женщины. У женщины стали рождаться дети, и таким образом произошли все люди, которые до сих пор живут на земле.

Но солнц было не одно, а три. Было слишком светло и жарко. Говорит сестра Мяменди брату Ходаю: «Что ты не возьмешь лук и не прострелишь лишнее солнце; разве не видишь, что людям трудно жить?» Послушался Ходай своей сестры Мяменди, взял лук со стрелами и поднялся на высокую гору. Натянул он лук и выстрелил в одно солнце. Попала стрела в намеченное солнце, и оно потухло. Выстрелил Ходай в другое, и оно потухло. После этого людям стало жить легче, и они стали плодиться еще больше. Наконец, их стало так много, что жить стало тесно. «Что же ты, старик, не откроешь дверь на тот свет?» – сказала сестра Мяменди. Пошел старый Ходай искать дверь на тот свет. Долго ходил и наконец нашел и отпер...»

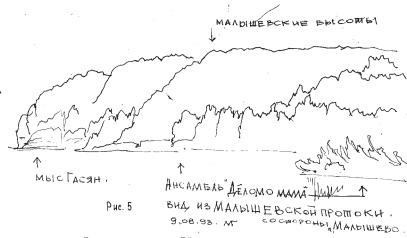
Мифо-ритуальное общение (обряд инициации, моление об обеспечении разнообразными благами) было связано с природными ритмами, повторялось (судя по этнографическим параллелям) весной и осенью, когда снижался уровень воды в Амуре и освобождались ритуальные площадки, а валуны с образами духов-предков появлялись из реки (в данном случае возможно прочтение реки как мифологической дороги мертвых).

Другое культовое место, датируемое более поздним этнографическим временем, было описано двумя известными исследователями, но не было осмыслено как культовый памятник сикачи-алянских нанайцев.

В 1910 году Л.Я. Штернберг записал о своем обследовании берега в районе села Сикачи-Алян: «... то, на что наш переводчик нам указывал... показались мне случайными конфигурациями, образовавшимися на сланцах от выветривания и температурных изменений. Тем не менее наш проводник читал на скалах, как по писаному, указывая бес-престанно целый ряд изображений, вроде бубна, бурханов, гроба, девяти шаманов, жертвенной свиньи (в рукописном тексте у Л.Я. Штернберга указываются

«Дёло мама». Вид сзади и сбоку

Вид на памятник «Дёло мама»

бубен, могила, семь шаманок. — Прим. Н.А. Соболевской), развертывая перед нами популярную гольдскую легенду о первом человеке, о трех солнцах, об истории первого появления смерти и происхождении шаманства». В 1933 году исследователь еще раз кратко изложил содержание сикачи-алянского мифа: «Когда земля была растоплена, бубен, жертвенных свиней и т. д. бросил первый шаман».

А.П. Окладников всю местность, находящуюся выше утеса Гася (в пункте 3-м расположения петроглифов), назвал «старухой». «Именно здесь фольклорная традиция нанайцев помещает окаменевшую мифическую старуху, ее семь спутников, котел и собаку. Все эти мифические персонажи отождествляются с небольшими и низкими вертикальными выступами скалистого берега, стоящими в ряд. Однако сколько-нибудь близкого сходства с людьми в этих камнях не видно, хотя К.Т. Актанко настойчиво утверждал, что именно это и есть сама «старуха», — писал ученый.

В октябре 1991 года жители села Сикачи-Алян Е. и В. Перменко, Е.И. Мурзина показывали мне эту каменную старуху («Дёлома мама». — нан.), рядом с ней, слева, котел — «оня», справа — гроб сына — «пиктени хоурни», позади нее ряд скальных выступов — семь (?) девушек — «надан паталаан». «Мама», «дааня», представилась, по верованиям нанайцев, хозяйкой этой местности, которой приносили пожертвования. Неподалеку от нее находится узкая расщелина, каким-то образом связанная с загробным миром нанайцев — «буни». По-видимому, перед нами находился историко-природный памятник, олицетворяющий одного из персонажей нанайского шаманского пантеона, ассоциируемого с культом природы, культом предков.

У нанайцев, как и у многих других народов Сибири, Дальнего Востока, сохранились представления о женщине — хранительнице души рода, которая одновременно является хозяйкой потустороннего мира.

В легенде, записанной американским этнографом Б. Лауфером в Сикачи-Аляне еще в конце XIX века, жена первопредка Мамелджи выступает как создательница мира мертвых, сотворившая его с благой целью:

«В начале света жили три человека: Шанвай, Шанкоа, Шанка. Однажды три человека послали трех лебедей нырять, чтобы достать для земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были под водой. Вышли, смотрят: земля растет, река Амур течет. Тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину Джулчи. Потом деву по имени Мамилжи. Народ размножился и занял всю

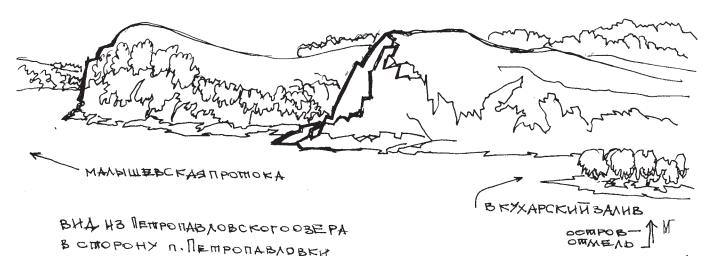
территорию, соседнюю с Амуром. Кадо сказал: «Есть три солнца на небе. Невозможно жить, слишком горячо. Я хочу застрелить солнце!». Его жена сказала ему: «Иди!» Кадо пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье убил. Вернулся домой – не так жарко. Мамилжи сделала рисунки на камнях. Джулчи сказала: «Теперь люди будут видеть, что мой муж убил два солнца». После того, как два солнца были убиты, камни стали твердыми. Потом Мамилжи сказала: «Есть много-много людей. Не будет места для них, если они не будут умирать. Хочу умереть, показать им путь». Когда умирала, Мамилжи сказала: «Бурундук не умирает, зимой он засыпает, весной оживает. Тумна живет, как рыба, летом, а зимой спит. Малая змея и большая змея засыпают зимой, летом они живут. Другие животные родятся и умирают. Человек должен родиться и умереть».

В сохранившихся довольно путаных и противоречивых мифах о сотворении мира и о первопредках, записанных Л.Я. Штернбергом у нанайцев, сын Мамелджи — 3:и:лчи (Джулчи) первый проложил дорогу в «буни». О Мамелджи Штернберг записал следующее: «М,амелд,и — женщина человекоподобная, главный хозяин в буни и дорки (нижний мир)».

Итак, культовое место «Каменная старуха и ее спутники» связано с нанайским мифом о первопредках. Это сакральное место является преобразованной в камни легендой о первопредках, ставших шаманами, — Хадо, Ма-

Культовый памятник «Дёло мама». Фото автора

Культовый памятник – камень-«лось» на Петропавловском озере

мелджи, Джулчи. Предложенная версия моделирует культовый па-мятник «Дёло мама» (каменная старуха), к сожалению, не полностью.

Мы не располагаем точным описанием всего этого комплекса из-за фрагментарности фольклорных табуированных сведений мифологического характера. Предполагается, что скопление базальтовых валунов в пункте 1-м сикачи-алянских петроглифов также является культовым местом. Не являясь жертвенным, это место является обиталищем сверхъестественного существа — злого духа «сайка», который способен нанести вред, как об этом сообщил А.Пассар.

О подобных местах в районе села Малышево в конце XIX века писал П. Шимкевич: «Каждое гольдское селение имеет множество таких суеверных мест, где, по их понятиям, заводятся черти (место называется «гоуня»). Около села Малышевского существует 6 таких мест: 1. Джоанко — место, где раньше были большие деревья и сейчас еще живут; 2. Джека — кряж; 3. Суссу — старинное место; 4. Суйгу — конец кряжа; 5. Боккоа; 6. Чинуак... Во всех этих местах раньше были селения, но оспа, наводнения и другие несчастья опустошили дома, и гольды уже более не рискуют вернуться и поселиться в таком месте. В особенности опасными считаются места, где водою вырыты в земле ямы — это настоящие чертовые места — здесь Бусеу бродит, питаясь человеческим мясом».

Весь комплекс сикачи-алянской «каменной старухи» был зафиксирован в графических рисунках, фотографиях в 1993 году в ходе экспедиции ХГТУ (Н.А. Соболевская, М.И. Горнова и др.), проводившей исследования по программе «Дальний Восток России».

Тогда же проведены поиски и другого культового объекта у правого берега Петропавловского озера — камня«лося». Камень-«лось» связан с культом природы, это древний зооморфный образ из мифов таежных племен Сибири, Дальнего Востока. Этот камень отмечен вниманием многих поколений нанайцев и бывает виден в малую воду. Вот легенда о нем: «Говорят старики, был один сильный человек, охотник, далеко бил из своего лука. На сопочку вышел у Петропавловки, видит — вдалеке черное, большое. Говорит: «Мама, это большущий сохатый, я его стрельну». Стрела девять километров прошла, попала. Охотник смотрит — сохатый не падает. Сел в оморочку,

подъехал: 0-0, это камень! Вынул свою стрелу. Там дыра осталась — девять сантиметров длиною, пять шириною».

История культовых памятников многомерна, они чрезвычайно разнородны по хронологии, этнической принадлежности, полифункциональны; отдельный памятник имеет порой только ему присущую семантику. Современные исследования культовых объектов возможны только на меж-дисциплинарной базе этнокультурного и археологического источниковедения, культурологии.

Культовые памятники Приамурья представляют собой большей частью природные объекты в устьях рек, на озерах, в горах (такие как Хабаровский, Калиновский, Маринский и Тырский утесы, святилища у села Сикачи-Алян, на озере Болонь, культовые места и камни в заливе Эморон, на озере Удыль и ряд других).

Для чего же необходимы нам такие реконструкции дальневосточного культурного пространства? Активное проникновение и доминирование в этом ареале иных культурных форм способствовало утрате, обеднению, «опустошению» этого пространства, мира сложного, поэтического, духовного. Но и сегодня нам всем, живущим на этой древней земле, еще можно услышать эхо ее мифов, увидеть их природные воплощения.

Источники:

Исследования дальневосточных ученых Арсеньева В. К., Штернберга Л. Я., Лопатина И. А., Лауфера Б., Липского А. Н., Шимкевича П., Окладникова А. П., Сема Ю. А.; рассказы писателя Пассара А. А., журналиста Чадаевой А. Я.

Для реконструкции культовых памятников использованы научные работы: Мартынов, А. И. К вопросу о типологии памятников петроглифического искусства / А. И. Мартынов // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М., 1980.

Лукьянов, А. В. Становление философии на Востоке. Древний Китай и Индия / А. В. Лукьянов. — М., 1989.

Петрухин, В. Я. Человек и животные в мифе и ритуале: мир природы в символах мира культуры / В. Я. Петрухин // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. — M., 1986.

1. Результаты исследований впервые были сообщены автором на международной конференции в ноябре 1991 года:

Соболевская, Н. А. Культовые памятники СикачиАляна: проблемы исследования, охраны и использования / Н. А. Соболевская // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: (материалы междунар. науч. конф., 31 окт.—2 нояб. 1991 г., г. ЮжноСахалинск). — ЮжноСахалинск, 1992. — Т. 1. — С.151—154.

В водовороте открытий и тайн

Елена ГЛЕБОВА

Отделом научных изданий Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова выпущена книга «Водоворот. Тайны древнего Амура».

Ее автор, нанайский поэт Константин Бельды, сделал интереснейшее исследование, связанное с топонимикой — происхождением названий древних аборигенных стойбищ. В них, по мнению автора, скрываются многие тайны приамурских земель еще до прихода сюда русских людей, здесь зашифрованы легенды и предания. Многих стойбищ, о которых подробно рассказывает Константин Мактович, на сегодняшней карте Хабаровского края уже давно нет. Постепенно они опустели и практически

стерлись с лица земли. Тем ценнее книга «Водоворот. Тайны древнего Амура», которая, по мнению кандидата исторических наук, главного хранителя гродековского музея Татьяны Мельниковой, может стать хорошей основой для дальнейших исследований ученых.

Как говорит сам автор, его размышления о происхождении названий древних стойбищ, где жил народ

нани, - его и только его точка зрения, и он не претендует на ее стопроцентную истинность. И все же, учитывая, что Константин Бельды является носителем нанайского языка, который, к слову, был для него первым (русский он выучил только в школе), его книга максимально достоверна. Вопросами топонимики он занимается давно, по крупицам собирая воспоминания старожилов, изучая научные труды Арсеньева, Окладникова и др. Да и в памяти — серьезный пласт устной народной культуры. Потому что рос Константин Мактович в семье одного из самых лучших охотников Приамурья — Макто Бельды, надолго уходил с отцом на промысел в тайгу и во время длинных зимних ночей слушал удивительные сказки и легенды, которые рассказывали сородичи. А вот еще интересный факт: в 1926 году Макто Бельды был проводником Владимира Клавдиевича Арсеньева, вел его до устья Анюя. Впрочем, отец был не только хорошим проводником, но и знатоком нанайской культуры. Недаром к нему частенько приезжали питерские ученые-лингвисты М.А. Каплан, А.И. Путинцева, В.А. Аврорин, записывали сказания и легенды, бытовые слова народа нани. Константин Мактович хорошо это помнит.

С приходом на дальневосточные земли русских людей, размышляет автор книги, многое здесь изменилось, в том числе и названия поселений. Так, на месте стойбища Бури в 1858 году была основана Хабаровка, стойбище Подали переименовали в Амурск, негидальское поселение Мио стало со временем Николаевском-на-Амуре. У каждого стойбища свои особенности. К примеру, Када, превратившееся сегодня в крупное село Маяк, славилось отличной рыбалкой, и потому сюда съезжались жители соседних стойбищ. С Муху, которое сегодня исчезло, связана мистическая история о странном поведении реки в этих местах. К слову, в Муху родились знаменитый певец Кола Бельды и нанайский писатель Андрей Пассар.

В названии каждого стойбища, а в книге «Водоворот. Тайны древнего Амура» их 17, отражен образ жизни аборигенов, их духовные традиции и своеобразный «экологический кодекс», который существовал у них по отношению к природе. Это уже не первая книга Константина Бельды. Несколько лет назад в свет вышел сборник его стихов и переводов «Лунный бубен». Поэт пишет на нанайском языке, и переводчиками его стихов на русский стали такие известные дальневосточные поэты, как Людмила Миланич, Валерий Шульжик, Александр Лозиков.

Дада на ладонях природы

Константин БЕЛЬДЫ

с. Богородское Хабаровского края

Во второй половине двадцатого века в селе насчитывалось свыше пятидесяти домов, в которых проживали в основном нанайцы, несколько семей удэгейцев и других народов Приамурья. Однако жили здесь и русские люди. В 1940 – 43 годах жила в селе Да семья Соколовых, с 1943 по 1953 годы – Размахнины. Сам Размахнин был председателем колхоза. Потом приехали Шаповаловы. В годы войны работал в магазине продавцом Кяхрин. Он жил в селе со своей семьей.

Село Да (нанайское название). Среди местных жителей оно сохранило свое прежнее название и по сей день. По данным энциклопедии Хабаровского края и Еврейской автономной области, село, расположенное в 42 километрах от райцентра, в 197 километрах от станции Хабаровск-1, основано в 1888 году. Но эта дата, по моему твердому убеждению, очень сомнительна, так как старожилы рассказывали удивительно интересные вещи про это древнее стойбище нани.

По их рассказам, даже прапрадеды не застали то время, когда через стойбище Да протекала неширокая речушка, берущая начало там, где-то за широкими марями. По этой речке спускались до самого села то японские налетчики, то китайские разбойники-хунхузы. А их встречали здесь жители стойбища с копьями и стрелами. Они устраивали засаду *туву* (укрытие) прямо в чащобе этой речки недалеко от стойбища. Поэтому речка у жителей стойбища Да впоследствии получил название *Туву* — засадная.

Сегодня этой речки нет. Но как бы следом от нее в настоящее время видна небольшая канавка между домами моих братьев Трофима и Леонида Мактовичей.

Старший брат Трофим построил себе дом в 1962 году. С тех пор, копая и обрабатывая огород, они с женой Ольгой Андреевной часто находили в земле, особенно в первые годы, много интересных, разнообразных вещей старинного происхождения. Среди них были копья нескольких размеров и видов. Одни короткие с широкими полями, другие узкие и длинные. Находили немало металлических наконечников от стрел. И они были разнообразны по форме, различны по величине. На одних усики торчали назад, на других - в стороны. Кроме этого, среди находок значились медные монеты с квадратным отверстием в середине, глиняные черепки, бусы, серьги с нефритовыми камнями я янтарными шариками на тоненьком серебряном основании-проволочке. Встречались куски от жбанов и другие металлические предметы домашнего обихода, медные латунные изделия, резные, с чеканкой и так далее. Не менее интересными находками были листообразные металлические или из обожженной глины чешуйки с отверстием, через которые вдеты кожаные ленты так, что лепестки эти прилегали друг к другу довольно плотно, образуя сплошные ряды, которые тоже были прочно связаны такими же прочными лентами. Но в то время брат с женой находили лишь небольшие кусочки-лоскутки.

Однажды Ольга Андреевна показала один такой фрагмент моему отцу. Он оглядел его и сказал, что это было далдако тэтуэ, то есть одежда-панцирь. Значит, такие доспехи надевали, когда шли на смертный бой с неприятелем.

Младший брат Леонид построил себе дом за канавкой от Трофима во второй половине 1980-х годов. Копая подпол под домом для хранения картофеля и других овощей, он на глубине более двух метров обнаружил скелет человека. В связи с этим и учитывая рассказы старожилов села, можно утверждать, что нанайское стойбище Да возникло очень давно и существует с незапамятных времен. Вот тут возникает вопрос: в каком году попал на такую глубину скелет жившего когда-то здесь человека? А нанайцы в древности, так рассказывали старожилы, не хоронили мертвецов в землю. Для этого строили усыпальницы и гроб с телом устанавливали там

Не подтверждают ли все эти факты ту мысль, что возраст стойбища, а затем села Да исчисляется не со времен распада могущественного государства чжурчжэней, а гораздо раньше? Ведь и во времена существования империи Цзинь тунгусо-маньчжурские племена, составлявшие население этого государства, проживали на обширной территории Дальнего Востока, включая нынешние Приморский, Хабаровский края и особенно благоприятные берега Приамурья. А нанайцы как раз относятся к племенам тунгусо-маньчжурских народов, и их самоназвание хэдзени является второй половиной слова чжурчжэни, но никак не гольды, как записали первые мореплаватели, зашедшие в Амур со стороны моря. Затем это же слово подхватил известный путешественник В.К. Арсеньев, закрепив за народом хэдзени (нани) это несуразное название, которое произошло от негидальцев и ульчей.

Так что над возрастом села Да стоит подумать, поразмышлять и поспорить. На мой взгляд, 1888 год как дата основания села является той вехой, когда в этих местах впервые появился русский человек, который год своего появления записал как время основания населенного пункта. Тем более археологическая группа А.П.Окладникова обнаружила возле местечка Елан, что находится между селами Гаси и Дада, целое большое городище, относящееся к IV—II тысячелетиям до новой эры. Возможно, там жили далекие и древние предки нынешних дадинцев, дети и правнуки которых впоследствии поселились на территории нынешней Да в древнейшие времена.

Таким образом, стойбище Да для людей нани было очень удобным и выгодным не только для рыбной ловли, но и для охоты.

Стойбище Да имело много названий.

Я не знаю и не встречал подобных селений, чтобы их территории разбивались на ряд делений и чтобы каждое из них имело свое название, как это имелось в стойбище Да. И оно являлось общим названием данного населенного пункта. Дома как характерная особенность всех стойбищ располагались вдоль берега в одну неровную линию на целых два километра. На самой нижней части его видно холмистое возвышение. Вот с этого-то места я начну свое пояснение названий отдельных составляющих частей стойбища Да, постепенно уходя вверх до самой последней его точки.

НА ДУЭНИ. На русском языке название звучит как «конец земли». Но это всего лишь окрестность села с холмистой возвышенностью. На этом месте, когда в селе существовал колхоз, были сделаны в земле несколько огромных овощехранилищ, в которых сотнями хранились зимой картофель, соленая капуста, огурцы, помидоры и даже свежие арбузы. На этом На дуэни не было жилых домов, и он находился от последних домов в полутора километрах. Как раз напротив этого холмистого места, на противоположной стороне Дадинской протоки, виднеется выход Сириминской протоки. На обширных лугах левобережья, как причудливые узоры на зеленом поле халата, видны с этого холма узкие извилистые русла множества проток, заливчиков, озер, заросшие по берегам лентой тальниковых зарослей. А ниже выхода Сирими отсюда была хорошо видна рыболовецкая тонь-ирга с несколькими большими бараками и жилыми домами. Здесь во время осенней путины колхозные рыбаки ловили кету длинными неводами. Вот таковыми были достопримечательности местечка На дуэни.

ЯОКА — так называется следующая часть, прилегающая к селу Да. Оно расположено выше *На дуэни*, граничит с первыми жилыми домами и нижней стороны населенного пункта. Однако на Яока с самого начала XX века жил один китаец в вырытой в земле землянке. Он сажал разную огородную культуру и, что помнится мне до сих пор, низкорослую ягоду в сумочке, которую мы называли *«никан амта-кани»* — китайская ягода, а это растение было физалисом. На Яока были колхозные поля, где сажали картофель, помидоры, огурцы, арбузы и даже табак-самосад. Это, вероятно, для того, чтобы отоваривать колхозников табаком в годы войны или для отправки на фронт, когда все табачное производство страны было перепрофилировано на нужную для фронта военную продукцию.

Что означает слово *яока*? Если перевести это слово на русский язык, то получится: черта, очерченность. Но где эта черта, которая дала название данному местечку? На границе между На дуэни и Яока всегда протекал небольшой полусухой ручеек, воды которого хотя струились очень слабо, но прокапывали значительную канавку, похожую на какуюто очерченность. Может быть, она явилась поводом для названия? И еще. Напротив Яока на глади Дадинской и Сириминской проток при слиянии двух вод летом образовывалась пенистая линия от завихрения водяных потоков. А осенью, когда застывала речка, по линии пенистой борозды всегда образовывались ледяные торосы, похожие на какой-то очерченный вал. Может быть, и это явление дало название местечку Яока. Но, во всяком случае, я конкретного определенного ответа на этот вопрос для себя не нашел.

ЧИСОНКО. Это уже жилая часть села. От первых домов она тянется до дома Леонида Мактовича. Какой смысл скрыт в этом слове? В переводе на русский язык слово означает то место, откуда выезжают люди на лодках к месту для замета невода или сплавной сети. А все рыболовные тони всегда находились ниже выхода Сириминской протоки в Дадинскую, то есть значительно ниже села. Выше было указано, что Сириминская протока непосредственно связана с Амуром, поэтому ниже впадения ее в Дадинскую иногда ло-

вились огромные экземпляры калуги весом до пятисот, тысячи и более килограммов.

ДА — основная часть села. Она начинается от канавки *Туву*, то есть от дома Трофима Мактовича, и тянется до дома Юны Николаевича Бельды, который почти всю свою педагогическую деятельность отдал Дадинской школе. А его дом находится недалеко от отделения почты. Вот напротив этой части села и находится большое количество заходов и выходов проток и заливов, где летом и зимой всегда водилась рыба в большом количестве. В давние времена, когда не было моторных лодок, жители стойбища устремлялись на левобережье в речушки, заливчики, озерца на своих веселеньких лодках и оморочках, чтобы поймать на уху, талу свежую рыбу. Поэтому Да в полной мере оправдывает свое название как вход в кладези природы.

ЦОНГДО — часть села, расположенная от Юны Николаевича и примерно до дома китайца Лао. Название свое она получила из-за излучины, которая имеется на этом участке берега протоки. Эта часть села не отличается какими-либо особыми приметами.

АОДАКАН. Эта часть села начиналась сразу от последнего дома Цонгдо и заканчивалась не доходя нескольких домов до самого верхнего окончания общего села Да. Каково значение слова аодакан? В нанайской речи аодан — луг, аодакан — лужок. Если посмотреть на береговую часть этого участка села, то она говорит сама за себя. Береговая полоса здесь покрыта невысоким редким кочкарником, скудной травянистой растительностью, а во время весенних паводков иногда заливалась водой, и тогда в утонувшей траве и между кочками плескались караси во время икромета. Это, разумеется, была азартная пора для мальчишек, которые с отцовскими острогами в руках усваивали навыки древнего способа добычи рыбы. Из-за своей береговой особенности эта часть села получила такое название.

БУЧИТЭ — самая верхняя часть села. Жители села и до настоящего времени произносят название этой местности двояко: *Бучиктэ* и *Бучитэ*.

Что означает первый вариант названия? Если слово разбить на $\delta y + u \kappa m s$, то $\delta y -$ это подражаемый звук воя когото. А $u \kappa m s -$ кровососущее насекомое вошь. Соединив две половины в русском варианте, мы получим нечто неправдоподобное — воющая вошь. Этого, разумеется, быть не может. А что во втором слове? Разобьем также на две составляющие: бучи + тэ. В этом случае $\delta y u u -$ это выть, а m s - в нанайской речи означает оседлое место. В данном варианте получается, что на данном оседлом месте раздается какойто вой. Можно предположить, что в этой части села у хозяев живут воющие собаки. Но собаки есть у охотников во всем стойбище, и собаки на $\delta y u m s$ не могут выть особо от других собак в населенном пункте.

Эта часть села была самой маленькой в селе Да. Здесь насчитывалось всего-то пять или шесть домов. Возле нее на верхней стороне был длинный неширокий залив с одноименным названием. В нем в летнее время можно ловить любую рыбу. Однажды я пошел с ночевкой к своему приятелю Михаилу Малаховичу Киле. Побегав, поиграв, мы с Мишей решили поехать на ночь на оморочке в залив Бучитэ, поставить там небольшую ставную сеть. Как решили, так и поехали. После установки сети мы подтянули к берегу оморочку, разожгли у самой воды костерок и возле него незаметно задремали. Однако не давали хорошо спать назойливые, надоедливые комары да мошки. Была тихая звездная ночь. И вдруг со стороны мари, что находится недалеко, раздался какой-то протяжный вой. Потом он повторился второй, третий раз. Миша спал, положив под голову руку и укрывшись какой-то тряпкой, находившейся в оморочке. Я толкнул его в бок:

— Миша, слышишь? Он испуганно вздрогнул: - A? YTO?

В этот момент вой снова повторился.

— Это волки, — сказал Миша, — давай уедем! Мой отец однажды стрелял здесь в волка, поранил его.

На другой день я спросил у отца о том, почему ту часть села назвали *Бучитэ*. И он объяснил мне, что на том месте действительно иногда появляются волки и воют.

Старинное стойбище на *Бучитэ*. Я неоднократно слышал от матери Тойла Наниковны Бельды о том, что на противоположном берегу заливчика *Бучитэ* находилось древнее нанайское стойбище. Она говорила, что там когда-то была похоронена ее какая-то родственница. Но я в то время не придавал этому почти никакого значения. Это было гдето во второй половине 60-х годов XX века, когда моей матери было более 50 лет.

Однажды она попросила меня поехать туда и поискать могилу ее родственницы. В то время у нас был один из первых подвесных рульмоторов «Стрела-5». Сели в лодку, и буквально через 5 — 7 минут мы были на месте. Здесь на площади в десять или более гектаров растет сплошь осиновая роща. Причем все деревья большие, некоторым от 70 до 100 лет. Мать сказала, что эти деревца тогда были молодыми, и похоронили родственницу здесь потому, что похоронены на этом месте ее родители. Долго ходили мы с матерью по этой роще, но так и не нашли могилы. Встречались какие-то холмики, углубления, однако явно заметного холма, похожего на могилу, обнаружено не было: почти за полвека природа внесла свои коррективы.

Из рассказов своих родителей и старожилов мать, вероятно, знала, что в древности на этом месте было первоначальное стойбище *Бучитэ*. В нескольких домиках жили роды Гейкеров, Бельды, Киле. Тогда этой густой рощи не было, стояли отдельные осины за стойбищем.

Приехав домой, мать рассказала мне одну печальную быль, которая якобы произошла в этом стойбище. Ее она наверняка слышала от кого-то из старожилов. Жившую в этом стойбище девушку родители хотели выдать за человека, которого она не любила. Как ни отговаривала родителей, все было напрасно. Тогда девушка в полном отчаянии пошла в лес и повесилась на одной из осин.

До этого я несколько раз слыхал от стариков, что осина — нехорошее дерево, но почему — не знал. Только после рассказа матери понял, что осину считают деревом, принявшим на себя грех. Виновата ли в этом осина, когда не только у нанайцев, но и у многих других народов существовали такие порядки и законы, по которым насильно выдавали девушек. Это дерево, наоборот, очень веселое и жизнерадостное. Порой оно может пошутить и посмеяться над неопытностью людей. В связи с этим не могу не привести еще одну легенду об осине, которую рассказал мне давно отец.

От какого-то стойбища (конкретно не было названо) поехал на оморочке один юноша, чтобы попросить согласия девушки и ее родителей жениться на ней. Другое стойбище находилось на приличном расстоянии. Когда юноша выехал на озеро, поднялся шторм. Ехать на оморочке было нельзя. Тогда юноша заехал в узенькую проточку, где росла осиновая роща. Вот здесь и остановился. Над ним, как большой симфонический оркестр, шумела своей густой листвой осиновая роща. Юноша ждал день, когда стихнет шелест листвы, ждал второй, третий день, а листва все шумит и шелестит. Таким образом он жил здесь семь дней и семь ночей. Потом все же не выдержал, сел в свою оморочку и выехал на озеро, а на нем вода гладкая, как зеркало. Однако там, где он находился, осиновые листья все продолжали шелестеть. Когда юноша добрался до нужного ему стойбища, девушку уже выдали замуж за другого, пока он, неопытный, ждал в осиновой роще, когда перестанут шелестеть удивительно чуткие к малейшему дуновению ветерка листья осины.

Мне неоднократно приходилось слышать выражение «дрожит, как осиновый лист». При этом в выражение вкладывается смысл страха, боязливости или трусости. В моем же понимании это совершенно не так. Осина всех, кто появляется возле нее, приветствует радостным шелестом, как маленькими ладошками машет всем своей округлой листвой. К тому же осина — дерево очень мягкое и теплое. Выстроенные из осины дома очень теплые и не сильно уступают по своей долговечности домам из лиственницы. Только надо уметь ее высушивать.

Возвращаясь к старинному стойбищу *Бучитэ*, скажу, что, по словам матери, некоторые его жители перебрались жить на существующее ныне Бучитэ. На это не те, которые живут там в настоящее время, а, вероятно, вообще древние предки дадинцев.

В сегодняшней Даде живет единственный в районе фермер из числа коренного народа нани Леонид Мактович Бельды. Он даже принимал участие в районных и краевых конкурсах личных подворий, и на одном из них выиграл главный приз — колесный трактор. Имея технику, он оказывает жителям родного села посильную помощь в пахоте огородов весной, в трелевке на дрова хлыстового леса из тайги зимой. Кроме этого, имея лесопильный агрегат, привлекает безработных людей к труду.

Таким образом излагая свои топонимические размышления о селе Да, я получил какое-то внутреннее удовлетворение. Теперь тот, кто прочитает написанный мною текст, возможно, тоже получит какое-то удовольствие от того, что откроет для себя исторически интересный материал из жизни наших предков.

Я бесконечно благодарен моему отцу Макто, брату Трофиму, его жене Ольге Андреевне, старожилу села Ефиму Гуйзуковичу Киле, которые когда-то рассказали мне об этих удивительных таинствах села Да.

Моя Дада

Моя ты лада — Дада — Родимое село, Души моей отрада, Всем горестям назло.

Все улочки, все тони, Все косы на реке, Все закоулки помню, Живущий вдалеке.

Твой холодок бодрящий, Знобящий холодок Не раз в таежной чаще Уставшему помог.

Ныряя в речку утром, Я плавал там и сям — Попутчик глупым уткам И мудрым карасям.

Открыли внуку деды Все тайны ремесла. Мне сердце напоследок Смуглянка поднесла.

Хрустальных бус нарядней, Когда глядишь с реки, Сияют в окнах дальних Родные огоньки.

Похожие на старцев Избушки вдалеке В душе моей искрятся, Как ивушки в реке.

Где солнце рыжей кочкой У плеса отцвело, Плыву на оморочке В родимое село.

Перевод с нанайского А. Лозикова

Уроки мифологии в Стране трех солнц

Петр ГОНТМАХЕР, профессор

Хабаровск

У любого народа, как и у человека, есть далекое прошлое. Увидеть это прошлое, своего рода археологические черепки, составив их в какуюто целостную композицию, – задача ученых. Но сделать это невозможно без обращения к устному народному творчеству и в частности к мифам. Именно мифы помогают почувствовать, ощутить аромат и дыхание истории, глубже проникнуть в мир родовой организации, в мир этнопсихологии приамурцев.

Когда мы произносим слова «миф», «мифология», перед нами встают чудесные рассказы древних греков и римлян об их идеально красивых богах. Возможны и другие ассоциации при знакомстве с самой проблемой мифологии. Но какими бы ни были эти ассоциации, они всегда связаны с чем-то светлым и гармоничным.

Миф как бы стирает все грани бытия, они переходят, как в музыкальных произведениях сонатных форм, из одного состояния в другое. Человек в мифе включается в его структурную ткань, в нем словно оживает дословесный мир, дословесная тишина. Мифу чужды частности, в нем высшее, универсальное состояние целостности, какой нет больше нигде. Это божественное состояние внутреннего единства способствует тому, что миф становится своеобразным мостом между прошлым, будущим и настоящим.

Дать сколько-нибудь точное определение мифу, видимо, невозможно. Философы справедливо отмечают, что чем сложнее явление, тем труднее дать ему определение. Миф во многих словарях, философских и мифологических, определяют как комплекс представлений, образов, наглядных символов, связанных с религиозной основой и глубокими фольклорными традициями. Гегель считал мифологию педагогикой человеческого рода. А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» писал: «Мифология прошла через всю античность, принявши ... форму философского космоса и бытия...»

А.К. Байбурин полагает, что миф есть термин, употребляющийся в двух значениях. Первое: как словесный повествовательный текст. Второе: как система представлений о мире (модель мира). В одном случае миф понимается в синтагматическом, а в другом — в парадигматическом плане.

В дневнике А. Блока за 1902 год я прочитал весьма оригинальное определение мифа: «Миф — в сущности своей — мечта о странном — мечта вселенская и мечта личная...» Поэт нашел точный поэтический образ мифа. Он пишет: «Мифы — цветы земные. Они благоуханны только до предела религии. Выше — мифу нет места». А. Блок считает, что мифология в узком смысле слова есть средина (аура!) между землей (эстетика и этика) и небом (религия), так как, отделившись от земли (красоты и добра), нет возможности миновать порог истины; этот порог и есть мифология. В таком определении мифологии нет претензий на научность, но в то же

время следует обратить внимание на оригинальную постановку вопроса о сущности мифологии. А. Блок, с одной стороны, философски углубляет понятие мифа, с другой — окружает миф еще большим ореолом тайны.

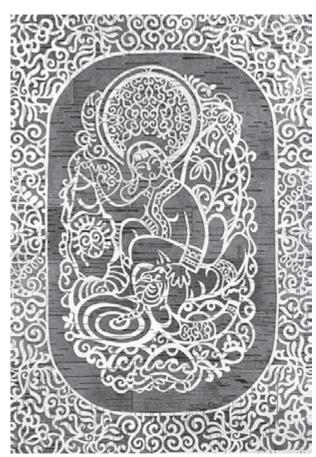
Мифы народностей Приамурья, в частности нанайцев, имеют свои особенности. Их классификацию наиболее полно дает Е.П. Лебедева:

- 1) Мифы космогонического содержания о происхождении Вселенной, земли, людей.
- 2) Этимологические мифы о происхождении отдельных гор, камней, озер, заводей и прочих объектов локального значения.
- 3) Мифы о хозяевах стихий: огня, воды, лесов, о хозяевах отдельных мест и видов животных.
- 4) Тотемические мифы о брачном сожительстве людей с животными, о выкармливании животными брошенных детей, а людьми зверей, о могуществе животных, в первую очередь лисы, о происхождении нанайских родов от представителей животного и растительного мира (тигра, медведя, ястреба, березы).
- 5) Мифы магического содержания о влиянии некоторых действий на изменение погоды, погодных явлений, на поведение людей и животных.
- 6) Шаманские мифы о духах помощниках шаманов, о борьбе между шаманами разных родов, о похищении шаманами людских душ и др.
 - 7) Мифы о загробном мире.

Многие исследователи нанайского фольклора считают, что не существует четкой разграничительной черты между сказкой и мифом. Так, В.А. Аворин и Е.П. Лебедева к мифам относят фольклорные произведения, связанные с религиозными (анимистическими, тотемистическими, магическими, шаманистическими) представлениями, объясняющими устройство Вселенной, происхождение планеты Земля, животных, человека, иерархию и функции различных духов и божеств. Эта мысль полностью поддержана нанайским ученым Н.Б. Киле. Соглашаясь с этим положением, отмечу, что миф является основой жизненной философии нанайцев, философии их мышления, многообразной обрядовой деятельности и т. п. Миф подготовил почву для философии человека Севера. Именно подготовил почву. В мифах прочитываются многие черты национального характера нанайцев, в частности их высокая толерантность и этническая философия. Этнофилософия северянина в данном случае выступает как связующее звено между мифом и реальной жизнью. Может быть, следует оговориться: эта связь не прямолинейная, она глубоко внутренняя, диалек-

Подтверждением этому является известный нанайский миф «О трех солнцах». В полевом дневнике я записал от старого нанайца из села Дада один из его многочисленных вариантов, который, насколько мне известно, пока не приводился в этнографической литературе в подобной недакции. Приведу фрагмент этого мифа:

А.В. Киле Миф о трех солнцах. Части дипломной работы . Научный руководитель В.В. Мартынов

«Давно-давно на небе три солнца было. Горячо палили они. Жить было невозможно. Сожгли три солнца все живое: людей, запасы пищи, стойбища, животных. Обмелел Амур. Рыбы совсем в нем не стало. Тишина кругом. Остались в живых только несколько нанайцев: лучших художников и резчиков по камню. И тогда самый красивый и лучший из них с первой попытки застрелил два солнца, ведь он был не только хорошим сказителем и художником, но и великим стрелком. На расплавленных от жары камнях он и его друзьясоплеменники нарисовали много картин из жизни своих родов. Наиболее важные события из жизни своих сородичей отразили они в замысловатом каменном узоре.

Язык узора был понятен лишь самим художникам и людям из их рода. Все это осталось в камне и будет таким же вечным, как земля и вода. Картины эти повествуют о том, как радовались и страдали нанайцы, как любили они своих соплеменников, животных, деревья, Амур — все живое вокруг. От этих мастеров и сказителей и родился нанайский народ. Это было его второе рождение. Вот почему он так талантлив и удачлив. А все, что было у нанайцев до второго рождения, осталось в узорах на больших камнях, которые хранят тайну на берегу Амура». *

На примере этого мифа ясно, что мифологические традиции нанайцев во многом отражают и жизненную реальность. В мифе повествуется о том, что было время, когда от жары плавились камни, умирали люди и животные. Действительно, в Приамурье и в настоящее время летом от жары плавятся сикачи-алянские валуны. Рядом с реальными сюжетами, или близкими к ним, соседствуют фантастические. В мифах нанайцев находят также отражение проблемы происхождения Вселенной и человека.

Один подобный миф «О трех солнцах» может дать исследователю больше сотни многих разрозненных этнографических фактов, не выстроенных в систему художественных рядов, в систему исторических свидетельств.

История духовности, ментальности и этнической толерантности народов Приамурья, вероятно, должна начи-

наться с анализа их мифов. Без уроков мифологии история и культура коренных этносов Нижнего Амура, и в частности нанайцев, будет безликой, потерявшей исторический колорит, свое лицо, свою особую национальную мелодию. Уроки мифологии нанайцев еще о многом расскажут будущим поколениям. На Амуре, в особой сказочной стране — Стране трех солнц — и сегодня старики рассказывают мифы, которые, как солнечные блики, высвечивают многие страницы сложной истории нанайцев. Можно сказать, что в этих мифах своеобразные правоспоминания из духовного становления нанайского этноса.

^{*} Перевод с нанайского на русский язык сделан кандидатом филологических наук Н.Б. Киле

Черепаха, рождающая солнце

Мира ГОРНОВА,

Тихоокеанский государственный университет

Рисунки автора

Многочисленные мифы о черепахе – прародительнице Земли, существуют практически у всех народов всех континентов земного шара.

Наличие культа черепахи, которая служит охранительницей жизни человека, характерно в географических районах, где черепаха действительно является представителем местной фауны. Там, где черепаха не может (уже) существовать по причине неподходящих природно-климатических условий, ее образ заменяется равноценным или идентичным черепахе образом лягушки/ жабы, в некоторых случаях — змеи. Поверья и традиции ни в коем случае не дозволяют обидеть или тем более убить жабу, лягушку, черепаху, змею. Возмездие за обиду, нанесенную этому существу, может настигнуть не только совершившего это, но и любого члена его семьи.

Самым существенным компонентом системы воззрений древнего населения приазовской культуры считается воспроизводимый в графике и в плоском рельефе образ Великой Матери, олицетворяющей Землю (1). Затем следует образ космической черепахи, связанной, с одной стороны, с производным от нее образом лапчатого змия, символизирующего восхождение вод к небу, а с другой — с растительными символами. Олицетворением связей между верхними и нижними водами является утка-лебедь.

В мифологии народов, населяющих земли Северной Америки, Евразии, образ черепахи связан, прежде всего, с процессом сотворения Земли. Именно черепаха становится основным соучастником этого процесса. Однако гораздо чаще она выступает в роли держателя Земли. Например, классический образ черепахи на поверхности воды, на спине которой стоят три слона (тапира, единорога, броненосца и другие вариации). Уже на их спинах покоится тело Земли.

ГОРНОВА Мира Ивановна, доцент кафедры архитектуры и урбанисти-ки Института архитектуры и стро-ительства Тихоокеанского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования, ландшафтный архитектор. Внесена в книгу «Преподаватели довузовского архитектурного образования России» и в энциклопедию «Луч-

шие люди России». Родилась в Сибири. После окончания аспирантуры в Новосибирском инженерно-строительном институте была приглашена заведовать кафедрой архитектуры в Хабаровский политехнический институт. Много путешествовала по спортивным туристским маршрутам Советского Союза. Участвовала в разработке государственных программ по расселению в Западной Сибири, на Дальнем Востоке, выполняла разделы «Градостроительная организация туризма и рекреационно-оздоровительной деятельности». Обследовала крепостные сооружения на мысе Чныррах в 1976—1985 годах и выполнила проект музеефикации Николаевской-на-Амуре крепости. Участвовала в составлении Свода памятников Хабаровского края.

В 1990 году организовала Хабаровский архитектурный лицей и была его научным руководителем. Основное направление всех 12 авторских творческих программ в лицее — экологическое воспитание детей средствами искусства. В 1995 году была представителем Дальнего Востока на ЭКО-ФОРУМЕ-95 в Киеве. В 1992 году на основе творческого содружества архитектурного лицея, художественной школы в Найхине, студии «У подножия Хехцира», Амурского детского центра «Труд» и других детских объединений Хабаровского края было организовано общественное эколого-методическое объединение «Болонь – Чистая Вода». Президентом стала М.И. Горнова, соруководителем – архитектор из Амурска Иван Анатольевич Данилов. Большие совместные экспедиции лицеистов, школьников, студентов – архитекторов, учителей, преподавателей вузов при участии ученых ДВО РАН в заповедники и культурно-исторические ландшафты Дальнего Востока обогатили новыми открытиями не только историю советской архитектуры. Участниками экспедиций собран, осмыслен и обработан огромный объем этнографических, культурологических и природоведческих сведений. Он превращен в учебные и популярные издания. Наиболее значимые исследования проводились в Сикачи-Аляне и на озере Болонь. Определенная часть материалов исследований уже реализована в проектах. Изданы монография и три учебных пособия. Подготовлены и готовятся к изданию статьи и книги по ландшафтной интерпретации мифов озера Болонь и Сикачи-Аляна. Более 100 статей посвящено проблемам ландшафтной архитектуры и сохранения памятников истории и природы Дальнего Востока.

М.И. Горнова — автор многих ландшафтных проектов, осуществленных в Хабаровске. Сады, выполненные по ее проектам, украшают внутренние дворики в Дальневосточной академии путей сообщения, в фитнес-клубе «Новая планета», склоны амурского берега в Центральном парке культуры и отдыха Хабаровска.

У племени североамериканских индейцев лакота черепаха (точнее дух-черепаха, Keya) — почти единственный зооморфный персонаж среди трех десятков основных участников событий эпохи творения. В одной серии мифов черепаха является ныряльщиком за землей. В других мифах черепаха — опора земли. Комок добытой земли помещался или на спину черепахи, или ее переворачивали (с помощью громовой стрелы) и на четырех поднятых лапах укрепляли землю.

Существует североамериканский сюжет, точнее круг образов, — это черепаха в космогонических мифах. Подобные мифы с участием черепахи или другой ипостаси — лягушки/жабы (а в северной части Южной Америки — броненосца) широко известны как в Евразии, так и в Америке и скорее всего были принесены в Новый Свет на ранних этапах его заселения. Особо отмечаются альтернативные ассоциации черепахи как образа мифологии: в одних случаях эта рептилия может быть лягушкой/жабой, в других — фантастической водной змеей. Те признаки черепахи как реального животного, которые лежат в основе обеих ассоциаций, очевидны и не требуют перечисления. И сюжетно, и географически «черепаха/лягушка» и «черепаха/змея» не смешиваются и представляют собой два самостоятельных образа. Первый, положительный, использован в евразийско-североамериканских космогониях. Второй, негативный, только в индейских мифах.

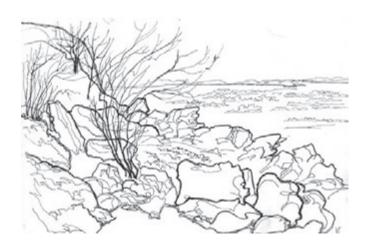
Некоторые китаисты предполагают, что форма черепашьего панциря и его твердость были главными факторами, обусловившими использование этого образа в космологии.

В индийской мифологии грандиозная черепаха, лежащая на дне океана, держит на спине гору Меру как опору для мировой змеи. Вращая за хвост и за голову эту змею вокруг горы, добрые духи и демоны пахтают воды Мирового океана, чтобы добыть из него драгоценный напиток бессмертия.

Анализ сравнительных археологических материалов, происходящих с территорий присредиземноморского Древнего Востока, убеждает в том, что женский антропоморфный персонаж (в виде статуэток) с головой черепахи получает отражение в индоиранском космогоническом мифе. Согласно ему панцирь черепахи представляет основу земли, а мягкое тело черепахи/змеи символизирует воду. В мифе, воспроизведенном Л.Я. Штернбергом, фиксируется первый акт творения мира, а именно рождение землей своего собственного супруга, брачный союз с которым в дальнейшем приводит к рождению всего сущего: животных, растений, небесных тел и даже стихий. В дальнейшем мифотворчестве естественный процесс дифференциации неба и земли получил конкретное выражение в виде распада первозданной черепахи/жабы на собственно черепаху и змея, а последнего на собственно змея и утку-лебедя.

Черепаха, рождающая солнце из головы. Сикачи-Алян Фото М.И. Горновой

Многие мифы идентифицируют выпуклый верхний панцирь Мировой Черепахи с символом небесной сферы, а нижний — с земной твердью. Часто сама космическая черепаха изографически трактована в виде ромба светлого цвета, иногда с лапками, с довольно реалистической фигуркой змея посредине.

Изображения черепахи вместе с изображениями змей, лягушек (жаб), других животных украшают шаманскую одежду, бубен и многие атрибуты камлания у народов Сибири, Приамурья, островных стран Тихоокеанского региона, Австралии, Америки. Это основные помощники шамана, сопровождающие его в опасных путешествиях по подземному и подводному миру.

В космогонических мифах черепаха представлена как в Америке, так и в Евразии. Аналогом черепахи в подобном контексте служит лягушка. В различных европейских и азиатских языках «черепаха» и «лягушка» («жаба») — однокоренные слова или одно образовано через другое, поскольку водная черепаха с лягушкой могли быть взаимозаменимы.

Можно отметить географически почти повсеместное распространение конкретного семантически однозначного образа или сюжета Космической Черепахи, получающего сходное графическое изображение. Наряду с таким явлением отмечаются определенные региональные отличия.

Археолог Д.Л. Бродянский упоминает о наличии мифов о черепахе у народов Корейского полуострова, а также о находке каменной черепахи из Синего Гая в Приморье. По его словам, историк М.И. Никитина зафиксировала несколько местных корейских мифов о черепахе, рождающей Солнце из своей головы и затем постоянно перевозящей его через море. Кроме того, Никитина выявила неизвестный ранее в науке миф о Матери-Свинье, Сыне-Олене и Отце-Ветре. Бродянский относит солярный миф о Черепахе — Матери Солнца к неолиту. Находки российских археологов в

Камень Шаман. «Жаба» справа внизу Фото С.А. Вялкина

Приморье бойсманской культуры позволяет им характеризовать ее как продолжение цепи культур восточного побережья Кореи (6 – 12 тысяч лет). Бродянский, анализируя керамические личины, находки, петроглифы из разных мест российского Дальнего Востока, отмечает возможную общность и соединение в единый миф сюжетов о Женщине-Солнце, рожденной из головы Черепахи, и ее Супруге-Ветре; миф о Матери-Свинье и Сыне-Олене. Часто встречающиеся археологические находки с сюжетами: олень проводник душ умерших, олень-птица — верх, кабан низ, могут быть объединены общими мифологическими мотивами, восходящими к древней палеолитической версии. Общими для этого региона являются петроглифы и скульптуры свиньи с поперечными полосами на теле. Это образ свинья-тигр, упомянутый в нескольких мифах. Следует заметить, что географически эти мифы о свинье-тигре приурочены к местам естественного обитания тигра на азиатском побережье Тихого океана, где как раз первый объект служит основной пищей второго.

В книге С.В. Иванова среди сотен рисунков и фотографий есть изображение серии рисунков на юбке шамана удэгейского племени из Приамурья. Юбка приобретена в 1928 году бывшим Музеем народов СССР. С двух сторон юбки черной и красной красками нанесены рисунки 30 фигур. В центральной части полотнищ юбки размещены по два зеркально расположенных черно-красных изображения очень крупных черепах. В центре каждой из них нарисованы змея, лягушка/жаба и две птицы со слегка загнутым клювом. Автор книги затрудняется как-либо объяснить подобное размещение мелких пресмыкающихся и птиц то ли на спине черепах, то ли внутри них. Само изображение черепах в данном регионе также вызвало вопрос у Иванова. Возможно, он не располагал достаточно точной информацией о фауне Дальнего Востока. Никаких пояснений к рисункам в коллекции не имелось.

Между тем эти рисунки на шаманской юбке удэгейца могут отображать мифы о сотворении Земли, существующие у разных народов мира. В одном из них за землей были посланы в глубины Мирового океана змея, лягушка/жаба и птицы — орел и утка (у нанайцев — лебедь). Посланцы принесли землю. Крошки ее слепили в комок и поместили на спине черепахи. Стала расти Земля.

Анализ мировых космогонических мифов выявляет значительную роль пресмыкающихся, особенно черепахи и змеи, в создании Земли. Исходя из этого, автор данной статьи развивает предположительную гипотезу о возникновении возможного первоисточника некоторых мировых космогонических мифов Юго-Восточной Азии в Приамурье, в частности в Сикачи-Аляне. Основанием для таких предположений стали результаты личных натурных исследований.

Жарким летом 2000 года был необычайно низкий уровень воды в Амуре. На берегу реки в районе села Сикачи-Алян, в пункте первом (по Окладникову) автором данной статьи во время экспедиции с целью обследования состояния рисунков на камнях были выявлены новые базальтовые глыбы с изображениями. Расположение петроглифов и их тематика носит явный характер информационного ансамбля. Наиболее замечательным открытием было обнаружение огромной скульптурной глыбы зооморфной формы в виде могучей черепахи. Со стороны берега она загромождена такими же большими каменными глыбами и практически ничем не выделяется среди округло окатанных трех- и четырехугольных базальтовых камней. Перед ее «лицом» разместилась почти такой же величины слегка округлая окатанная глыба. Вид каменной черепахи сзади также ничем кроме размеров не примечателен. На «спине» видны две складки-ступеньки, одна из которых, обращенная к реке, двухступенчатая. На месте предполагаемого хвостика действительно заметна вытянутая выпуклость. Но со стороны воды прекрасно прочитывается силуэт черепахи с округлой головой, клювообразным ртом. Одновременно этот силуэт напоминает профиль огромной жабы (лягушки), которые в изобилии водятся здесь же, на верхней террасе над рекой. Особенно хорошо выявлено бедро задней ноги, выпуклость на спине, которая может имитировать и панцирь черепахи, и гребень.

Расположен камень в пониженной части ложбинки, спускающейся к реке. Длина камня-черепахи 380 см, ширина по верхней грани — 200 см, высота — 200 см. На северном фасаде черепахи, обращенном к воде, видны петроглифы. Наиболее хорошо заметен рисунок большого, почти во всю голову, круга на месте глаза. В центре круга изображена личина. Прочитываются врезанный рисунок округлых глаз, носа и рта характерной формы в виде уголка с опущенными вниз концами. На «шее», плавной вогнутой дугой спускающейся к земле, отчетливо виден рисунок «гирки», ромба с косыми линиями сверху вниз от оси симметрии. Эта ось находится на переломе, на грани каменной «шеи». При вечернем освещении можно увидеть рисунки на гребне спины, а также на «панцире», в нижней части фигуры и на спине. На основе анализа обнаруженной скульптурной каменной черепахи с петроглифами автор делает вывод о возможных общих нижнеамурских и корейских корнях мифа о черепахе, рождающей Солнце, выявленных в мифологических сюжетах.

Вся глыба-черепаха была покрыта отложениями ила, что говорит о регулярном затоплении берега до самого крайнего крупного камня № 9 (по Окладникову) вблизи дороги у обрыва высокой террасы. Следовательно, этот камень не всегда заметен не только с берега, но и с воды. Обнажившиеся на дне реки громадные камни с северной и северо-западной стороны от черепахи (то есть со стороны Амура) имеют сверху сглаженный и вогнутый профиль. Это вполне могут быть следы протертых волоков лодок к берегу по направлению входа в древнее городище на вершине берегового холма. Скульптура черепахи остается слева и как бы фланкирует входной фарватер. Недалеко от камня-черепахи обнажилась из воды еще одна крупная глыба зооморфной формы в виде жабы, присевшей на задние лапы. На ее спине также заметны следы рисунков.

Справа, к западу от «черепахи» и от «фарватера», автором обнаружен среди глыб плоский камень очень больших размеров. Он имеет округлую форму, возвышается среди прилегающих камней и как бы опирается на них и зажат ими. На узком ребре его, ориентированном на север, к реке, слабо видны рисунки двух личин и угловатых полосок между ними. Ширина ребра более 20 см. Вполне вероятно, что ранее этот камень мог стоять вертикально между камнями.

Возле него есть еще несколько камней весьма внушительных размеров с рисунками на углах.

Еще далее, к юго-западу от черепахи и от прохода, лежит почти наполовину уже погруженный в землю камень № 15 с изображением в нижней его части небольшой фигурки водоплавающей птицы. Она объединена с другой фигуркой, напоминающей птицу с длинной шеей, возможно лебедя. Севернее этого камня из земли виднеется камень № 12. В иллюстрациях книг А.П. Окладникова на плоской грани камня есть рисунок. Алексей Павлович трактует его как композицию из личины и двух лодок по обе стороны от нее. На самом деле рисунок нанесен на ребро и две грани, ориентированные на восток. Автор видит на рисунке изображение в фас головы оленя с развесистыми рогами по обе стороны ее. Техника выбивания точечная, с отслоившимися чешуйками каменной массы вокруг рисунка.

Слева и на юго-восток от черепахи лежал «Змеиный» камень № 10, в сечении имеющий призматическую форму. На его обширной плоской грани трапециевидной формы, повернутой на восток, нанесены рисунки большого количества змей. Камень явно сползал по покатому склону в сторону реки. Он прислонился к соседнему камню, наклонился к нему, и рисунки оказались в глубокой тени, совершенно не видные. В их существовании можно было убедиться лишь на ощупь.

На камне № 9 в устье лощины нанесены рисунки в технике выбивания или протирания. На восточной стороне глыбы изображено стадо зверей, идущих к реке. По пропорциям и форме тел больше всего они напоминают гиппопотамов. В нижней части северного, речного фасада камня хорошо заметны рисунки тяжеловесных водоплавающих птиц. Никаких сведений о каких-либо других рисунках на камне № 9 никогда не упоминалось. Между тем на южной стороне камня автором в 2000 году обнаружено огромное изображение личины, занимающее большую часть фасада. Рисунок плохо читается, но имеет весьма заметное сходство со знаменитым Мудуром — драконом из пункта второго. Местное население считает его добрым духом. На камне № 8 наряду с образами змей, оленей, личин есть изображения спиралей — символа галлюцинаций и восшествия в верхний мир.

Таким образом, космогонические мифы, записанные у народов, проживающих вокруг Тихого океана, оказались визуально зафиксированы в бассейне реки Амура в виде скульптурных скал и глыб с петроглифами у села Сикачи-Алян и в рисунках на шаманских атрибутах удэгейцев.

Из проделанного анализа мифов и реальных образов можно предположить несколько выводов. Первый — о единстве или тесных контактах народов Тихоокеанского побережья в нынешних границах Приамурья, Приморья и Корейского полуострова и формировании их общего мировоззрения или постоянном наследовании культур этносов, населяющих этот регион. Второй вывод о том, что именно Приамурье было первоисточником возникновения в древней Пасифике ряда космогонических мифов о сотворении земли с участием птиц и пресмыкающихся: черепахи, лягушки/жабы, змеи, орла, утки-лебедя. Третий вывод — анализ изографических объектов в каменном ансамбле пункта первого возле села Сикачи-Алян говорит о том, что именно здесь сосредоточены все соединительные нити космогонических мифов Юго-Восточной Азии.

Учитывая все вышеизложенное, можно предполагать необычайно важную роль данного объекта в ретроспективе развития идеологии народов Тихоокеанского региона. Отсюда следует должное возвеличивание значения историкоархеологического памятника «Петроглифы Сикачи-Аляна» в мировой культуре, что и подтверждается включением его ЮНЕСКО в свод памятников мировой культуры.

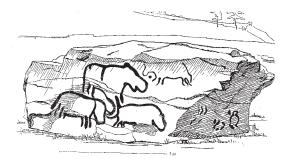

Схема камня № 9

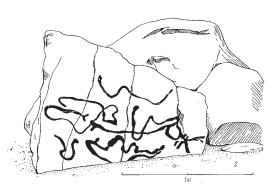

Схема камня № 10

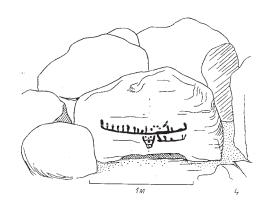

Схема камня № 12

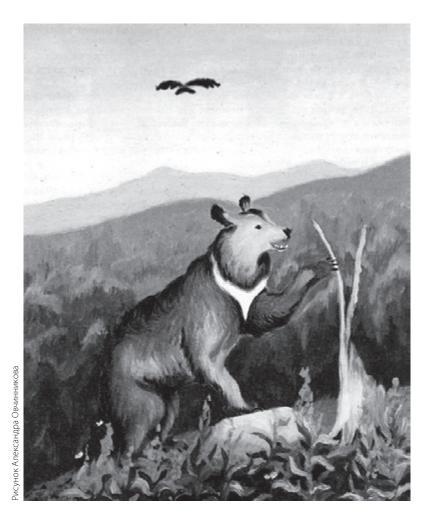

.Питепатура

^{1.} Начала цивилизации : Космогония первобытного общества / В. Н. Даниленко ; Праистория Руси / Ю. А. Шилов. — Екатеринбург : Деловая кн. ; М. : Раритет, 1999. — 376 с. : ил.

^{2.} Бродянский, Д. Л. Свинья, черепаха и олень в дальневосточной археологии и мифологии : (памяти Никитиной) / Д. Л. Бродянский // Традиционная культура востока Азии. Вып. 3. — Благовещенск : Изд. Амур. гос. ун-та, 2001.

^{3.} Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.

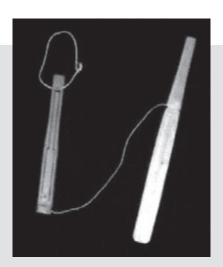

Легенда о рождении варгана

Светлана МЕЗЕНЦЕВА,

старший преподаватель кафедры теории и истории музыки Хабаровского государственного института искусств и культуры

Губной варган – один из наиболее распространенных музыкальных инструментов аборигенов российского Дальнего Востока. До настоящего времени встречается два типа варганов – пластинчатый деревянный и дугообразный металлический. Пластинчатый варган более древний. Инструмент изготавливается из дерева, бамбука, камыша или из кости животного. Нанайцы чаще всего изготавливали пластинчатый варган из барбариса, удэгейцы и ульчи – из кедра и лиственницы. Эвены, следуя старинному преданию, также из лиственницы.

Пластинчатый варган холдэкто кункай (бамбук). Из личной коллекции Н.Д. Дуван Фото автора

Легенды и мифы – бесценный родник народной мудрости, сохранивший в закодированной форме информацию о мировоззрении, мышлении этноса. Порой лишь благодаря этим источникам становится возможным пролить свет на многие факты. Интересны легенды и предания о происхождении народных музыкальных инструментов и их прототипов. В этой статье приводятся ульчские и эвенкийские легенды о том, как появился варган.

Легенда приписывает «изобретение» прототипа деревянного варгана эвенов медведю. Так, легенда гласит, что однажды в тайгу убежал юноша Чулдун.

«Вдруг поднялся сильный ветер. Гулко зашумели вековые лиственницы. Тут Чулдун уловил в этом шуме и свисте совсем другие звуки. Взволновали они его. Позвали к себе словно из другого мира. Он поднялся и пошел навстречу ветру, к этим загадочным звукам. К удивлению своему, он увидел огромного медведя, который сидел у пня, оставшегося от сломанной лиственницы. Из верхушки пня тонкими пластинами торчала щепа, похожая на перья птицы. Медведь лапами тянул на себя эти пластины и отпускал. Те издавали дребезжащие, а порой и мелодичные звуки.

Чулдун стоял не дыша. Наигравшись вдоволь, медведь ушел в тайгу. Юноша осторожно подошел к пеньку. Долго не решался потянуть на себя упругую щепу. Ветер трепал его волосы — силился отогнать его от этого места. Он потянул одну щепу и отпустил. Странный звук полетел по ветру в сторону чащи. Чулдун стал поочередно тянуть кончики щеп и отпускать. Звуки сливались, уносились по ветру, а вслед за ними рождались новые и новые [...]

Юноша отломал две тонких пластины, плотно соединил их и, приложив к губам, подул. Тонкий осколок щепы, который оказался между пластинами, тонко задребезжал. Чулдун подул тише. Звук получился похожим на посвист ветра в расщелине скалы [...] Он отрезал две пластины от пня. Третью обстрогал так тонко, что сквозь нее можно было увидеть солнце. Юноша вложил тонкую пластину между двумя более толстыми и на одном конце связал их своим волосом [...] Чулдун приложил к губам сделанный им инструмент и начал дуть в прорезь, где заколебалась выстроганная тонкая пластина, издавая изумительные звуки [...]».

Ульчи изготавливали инструмент и из сухого бамбука, привезенного с Татарского пролива, благодаря чему варган этого народа и получил свое название холдэкто кункай (бамбуковая щепочка, сухой бамбук). Ульчи считали холдэкто кункай своим первым музыкальным инструментом. Н.Д. Дуван приводит легенду «Сухой бамбук» («Холдэкто кункай») о происхождении первого музыкального инструмента ульчей —

варгана, рассказанную ей известным ульчским шаманом М.С. Дуваном.

«Много лет тому назад жили в селе Халал, что возле с. Калиновка, старые люди. В одном доме жили три брата и одна молодая сестра. На вершине утеса росло длинное и толстое дерево – лиственница. Однажды прилетела птица и села на вершину ветки дерева. Старший брат решил посмотреть на птицу, только открыл дверь, тут же упал навзничь. После второй брат тоже пошел посмотреть на птицу, также упал у порога. Затем третий, младший брат, тоже хотел посмотреть и также упал замертво у порога. Все три брата были мертвы. Осталась одна молодая сестра. Старые люди из другого села похоронили братьев. Оставшись одна, сестра плакала днем и ночью. Однажды она вышла на улицу, нашла щепочку старого дерева и сделала музыкальный инструмент холдэкто кункай. Она играла и плакала день и ночь, пока не раскололся инструмент пополам. После она решила сделать железный музыкальный инструмент мухэнэ. Она была большой мастерицей. Так живя, играя и плача, однажды она ушла вниз по Амуру. Люди потеряли ее, слышали, что она вышла замуж и уехала неизвестно куда».

Игра на пластинчатом варгане требовала особого мастерства. Извлекаемый звук был довольно тихим, в связи с чем этот инструмент был менее распространен, чем металлический дугообразный. Исполнителями на пластинчатых варганах были в основном мужчины. Инструмент имеет форму пластинки (длина – 12-15 см, ширина -1,5-3,5 см) в середине которой вырезался язычок - тонкая вибрирующая палочка. Длина язычка - до 8-10 см, ширина – 2-5 мм. В отверстие у основания язычка продет шнурок из сухожилия животного (в настоящее время — капроновая нить) длиной от 18 до 35 см. Конец шнурка наматывался на палец правой руки или привязывался к деревянной палочке. Инструмент держат в левой руке. Резкими движениями правой руки подергивается шнур, приводя в движение язычок. Резонатором служит полость рта. Благодаря артикуляции исполнителя в процессе игры на варгане на остинатном фоне возникают различные по высоте мелодические обертоны.

У нанайцев бытовало поверье, что игра на этом инструменте способствовала охотничьей удаче. Некоторые удэгейцы считали, что после того, как поставлены капканы, охотнику необходимо играть на пластинчатом варгане, с целью обеспечить промысловую удачу. Старики-эвены также иногда еще возят с собой по тайге этот инструмент и играют на нем.

Литература:

Велимир Хлебников и мифология орочей

Петр ГОНТМАХЕР, профессор

Я многое не понимаю в поэзии Велимира Хлебникова, но мелодия его стихов всегда завораживала меня. Он вписывал в ткань своих произведений особые слова, не всегда ясные, но полные энергетики и новизны.

Поэзия Хлебникова была близка многим его современникам: Д. Мережковскому, З. Гиппиус, С. Есенину, В. Татлину, Д. Бурлюку, Вяч. Иванову, А. Мариенгофу, В. Брюсову и др. Стихами Хлебникова восхищался В. Маяковский, считавший его одним из самых талантливых поэтов 20-х годов прошлого века.

Художник необычного дарования, Велимир Хлебников также ввел ряд числовых законов, наполненных поэтическим, философским содержанием и одновременно выстроенных строго математически. Он оставил нам уравнения жизни и смерти, уравнения звезд и уравнения мысли, законы предвидения будущего и законы поколений. Эти уравнения и законы хочется назвать его же неологизмом — числокартины Вселенной. За числом Хлебников видел историю народа и судьбу конкретного человека. Его философия числа и сегодня остается закодированной для читателя.

В 1915 году поэт в одном из своих стихотворений писал:

И ум, и мир, как плащ, одеты

На плечах строгого числа.

Если поэзии Хлебникова, его формулам и законам посвящены книги, статьи и даже диссертации, то о его интересе к фольклору коренных народов Приамурья в литературе почти нет упоминаний. Приведу слова Велимира Хлебникова: «Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазийское сознание в песнях». Н. Берковский, ссылаясь на приведенную цитату, отмечает, что мифы орочей об огненном состоянии земли вошли в драматическую тему Хлебникова одним из важнейших мотивов. Правильно подмечено исследователями, что историзм поэта связывается, в первую очередь, с фольклором и, в частности, с мифологией. Можно, вероятно, поставить вопрос о довольно серьезной значимости в творчестве Хлебникова мифов орочей, их медвежьего праздника, а также, что не менее важно, — орочского шаманизма.

С особенностями культуры орочей Велимир Хлебников, скорее всего, был знаком по опубликованным литературным источникам. Есть косвенные свидетельства, что на темы, связанные с мифами первобытных этносов, он общался с А. Белым и Н.И. Гаген-Торн, которые прекрасно знали эту проблематику. Нельзя исключать и то, что Хлебников был знаком с некоторыми архивными материалами, связанными с мифологией приамурских народов.

Считаю, что в поэзии Хлебникова, в его оригинальном творчестве в целом, анализ мифологии орочей занял определенное место, придав им особый колорит, особую линию повествования. Безусловно, тема «Велимир Хлебников и орочи» не исчерпана, ее более глубокое исследование может пролить свет на творческие искания замечательного поэта, прояснить отдельные грани его новаторской, богатой по форме и содержанию поэзии.

¹ Трофимов, Е. Е. Невеста северного ветра : эвен. мифы, предания, легенды / Е. Е. Трофимов. — Хабаровск : РИОТИП, $2003.-\mathrm{C.}~60-62.$

² Дуван, Н. Д. Музыкальные инструменты ульчей / Н. Д. Дуван // Записки Гродековского музея / Хабар. краев. краевед. музей им. Н. И. Гродекова. — Хабаровск, 2003. — Вып. 6. — С. 59-60.

³ Шейкин, Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири : сравн.ист. исслед. / Ю. И. Шейкин. — М. : Вост. лит., $2002.-718~{\rm c.}$

Шкатулка древностей из Верхней Экони

Анна МОРОЗОВА Фото Владимира МЕРИНОВА

Школьные музеи занимают особое место в образовательном и культурном пространстве. Собранные руками педагогов и детей экспонаты позволяют поновому взглянуть на историю большой и малой Родины. В селе Верхняя Эконь Комсомольского района Хабаровского края уже больше десяти лет существует школьный этнографический музей. Для местных жителей он главный хранитель памяти, очаг духовности.

За десятилетие здесь собрано более тысячи экспонатов, из которых около восьмидесяти — подлинники и раритеты. Солидная коллекция, отражающая культуру и быт коренных малочисленных народов Севера и славян-переселенцев, серьезная исследовательская работа педагогов и школьников — все это делает музей Верхней Экони среди своих собратьев в Хабаровском крае лучшим.

История этнографического музея в верхнеэконской школе началась в 1994 году. Инициатором создания и его бессменным руководителем стала Светлана Ивановна Егорова, учитель русского языка и

литературы. Музейная коллекция рождалась при участии всех жителей села и формировалась из предметов быта, культовых атрибутов, произведений народного искусства, документов, рассказывающих о Великой Отечественной войне.

Значительная часть коллекции школьного музея Верхней Экони — это уникальные предметы, которые представляют интерес не только для своего села. По словам Светланы Ивановны Егоровой, они имеют высокую историческую и художественную ценность для всего Дальнего Востока. К настоящим музейным редкостям можно отнести серебряные серьги и браслеты, бусы,

подвески из древних погребений. Ценность представляют нанайский и славянский национальные костюмы, богатый археологический материал, как, например, каменные палеолитические орудия труда, фрагменты неолитической и средневековой керамики, металлические наконечники. Гордость музея — расписная прялка 1896 года, какой нет даже в фондах Краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова.

Каждый экспонат — это не просто застывший знак истории. Как говорят педагоги, музейные предметы оживают на уроках литературы, истории, географии, рисования. Здесь проводят экскурсии по темам «История села Эконь», «Быт и культура коренных народов и русских переселенцев», «Ритуальная скульптура нанайцев», «Современное искусство нанайцев» и др.

Для ребят Верхней Экони музей во многом является началом всех начал. Здесь без громких слов они учатся любить родную

землю и понимать ход исторических событий, здесь прикасаются к азам науки, поскольку вместе с педагогами занимаются поисково-исследовательской деятельностью. Так, например, была установлена точная дата образования села — 1915 год, обнаружены не известные ранее и очень интересные документы, связанные с историей Верхней Экони и судьбами его жителей.

Музей небольшого села, обрамленного рекой и сопками, давно уже перешагнул рамки школьного и живет насыщенной, интересной жизнью. Его высоко ценят профессионалы и называют верхнеэконской жемчужиной, сюда ежегодно приезжают зарубежные делегации. Получив статус этнотуристического центра, он достойно представляет духовную и материальную культуру народов Приамурья, а с использованием музейных коллекций студентами Комсомольска-на-Амуре, Санкт-Петербурга написаны курсовые и дипломные работы.

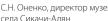

Экскурсия в мир шаманов

Елена ГЛЕБОВА Фото Алексея МАРТЫНЦА

В национальном селе Сикачи-Алян Хабаровского края, на территории которого находится уникальный памятник археологии – петроглифы, открылся музей. Это филиал краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова.

Идея его создания зрела давно, и около 10 лет назад в Санкт-Петербурге была разработана концепция этнокультурного комплекса в нанайском селе, включающего в себя, в том числе научно-исследовательское направление, музейную деятельность, туризм. По словам директора Краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова Николая Рубана, теперь с помощью музея села Сикачи-Алян туристы получают достоверную информацию о петроглифах, древних племенах, населявших эти земли, и о культуре коренных малочисленных народов Севера.

Экспозиция построена на предметах из фондов гродековского музея, которые ярко иллюстрирует тему традиционного уклада жизни нанайцев, их духовной и материальной культуры. И отдельная строка — петроглифы Сикачи-Аляна, подтверждающие историческую многослойность этого района Приамурья. Директором музея стала Светлана Оненко, коренная жительница Сикачи-Аляна, учитель истории, старший научный сотрудник гродековского музея.

Интересна по своему воплощению художественная концепция музея села Сикачи-Алян. Ее автором стал Владимир Михайлов. В основе замысла художника - девять небесных сфер, составляющих основу мифологии не только нанайцев, но и многих северных народов. Проводником между миром людей и миром духов всегда выступал шаман, и потому эта тема, по словам Владимира Михайлова, развивается вверх, уводя зрителя в невидимые миры. Ведь старинные сказки и предания в основном рассказывают о том, что делает шаман на земле, но основная его «работа», утверждает художник, происходит именно среди небесных сфер. А центром экспозиции стало родовое древо: его ветви устремлены в небо, и земная жизнь сплетается с мифом.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Тайна старого холста из платяного шкафа

Светлана ФУРСОВА

Хабаровск

Эта история передавалась членами петербургской семьи Вержбицких из поколения в поколение шепотом, с оглядкой, как бы не услышал кто из посторонних. Может статься, что она так и осталась бы тайной, окруженной, как печатями, молчанием и страхом, если бы однажды один из сыновей Вержбицких, четырнадцатилетний Лева, не обнаружил в платяном шкафу свернутый в рулон старый холст.

Повинуясь мальчишескому любопытству, подросток развернул его и увидел выполненный масляными красками портрет представительного господина с подстриженными по-восточному усами и бородой, лысым черепом и в старомодных очках, сквозь стекла которых смотрели строгие внимательные глаза. Кто это? Откуда и почему портрет попал в шкаф? Судя по трещинам на холсте, портрет был написан давно. Кому он принадлежал и, главное, что за господин изображен на нем?

Вопросы, которые четырнадцатилетний «следопыт» стал задавать отцу, потянули за собой цепь новых, совершенно ошеломляющих фактов. Прошел не один год, пока на свет появилась, обрастая новыми подробностями, семейная легенда, нити которой тянутся из далекого прошлого в сегодняшний день.

О том, что у генерал-губернатора Николая Ивановича Гродекова, чье имя носит Хабаровский краевой краеведческий музей, есть сын, сотрудники музея узнали из письма, присланного по электронной почте из Санкт-Петербурга Львом Львовичем Вержбицким. Это он тот самый подросток, который нашел в шкафу портрет генерала, вдохнув новую жизнь в забытую историю.

Собственно, о существовании деда сам Лев Львович, как следовало из письма сотрудникам музея, до четырнадцати лет тоже не подозревал. Именно тогда, обнаружив портрет, он впервые услышал от отца о семейной тайне, которую всю жизнь хранила бабушка Евгения Степановна Вержбицкая: о встрече в Санкт-Петербурге под липами Летнего сада юной банковской служащей с немолодым уже генералом... Шел дождь, Петербург, отражаясь в водной глади каналов, сиял грозной красотой, и генерал укрыл девушку своим плащом. Между ними завязался роман, который продолжался до смерти генерала в 1913 году. Из-за большой разницы в возрасте Синод не дал разрешения на брак, и потому они жили в гражданском браке. За два года до смерти генерала у него родился сын Лев, который впоследствии был усыновлен братом Евгении Степановны - Федором Вержбицким. Он же дал мальчику и свое отчество.

Все эти подробности Льву рассказал отец, а мать взяла с сына клятву никогда ни при каких обстоятельствах не рассказывать никому об этой истории, как никогда не рассказывала о своем тайном браке бабушка. Видно, нелегкие испытания выпали на ее долю, если портрет любимого человека пришлось хранить от чужих глаз на самом дне своего сундука. Умерла Евгения Степановна в тот год, когда у нее родился внук, названный в честь отца Львом. Она и не подозревала, что со временем именно ему суждено будет воскресить историю ее любви.

Лев Львович не сдержал слова, данного матери, уж очень его заинтересовал господин, изображенный на портрете, сразу было ясно, что это не простой человек. Наводя справки, постепенно узнал, что Николай Иванович Гродеков (петербуржцы произносят его фамилию с ударением на первом слоге) был генералом, членом государственного совета, членом малого совета обороны. К сожалению, в Санкт-Петербурге, где генерал родился и провел последние годы жизни, о нем известно немного, хотя две каменные скульптуры львов, установленные на Петровской набережной напротив первого домика Петра Великого, - дар Николая Гродекова прекрасному городу. На постаменте можно прочитать надпись: «Ши-цды из города Гирина в Манчжурии перевезли в Петербург из Манчжурии в 1907 году. Дар генерала от инфантерии Н.И. Гродекова».

Лев Львович захотел увековечить память об интересной личности, опытном военном деятеле, образованном и просвещенном человеке своего времени, который этого, без сомнения, достоин. На помощь пришла Всемирная сеть. В результате поиска Лев Львович вышел на директора Хабаровского краевого краеведческого музея Николая Рубана и узнал, что с именем деда Николая Ивановича Гродекова связан целый исторический пласт развития Дальнего Востока.

По свидетельству современников, Николай Гродеков обладал разносторонними и обширными знаниями,

Лев Вержбицкий и директор Гродековского музея Николай Рубан

невероятным трудолюбием, что позволило ему, выходцу из обедневшей семьи офицера, заслужить столь высокий пост. Достаточно сказать, что за время пребывания в нашем крае (в общей сложности восемь лет) Николай Иванович Гродеков служил генерал-губернатором, был командующим войсками военного округа, наказным атаманом дальневосточного казачьего войска. Как отмечает в своей книге, историко-биографическом очерке «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков», доктор исторических наук, профессор Нина Ивановна Дубинина, возможно, что это был самый популярный после графа Муравьева-Амурского наместник, на плечи которого легла вся черновая работа по управлению краем. Благодаря его усилиям были созданы Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ПО ИРГО), одной из главных задач которого стало изучение края и популяризация знаний, а также первая в крае публичная библиотека, учреждены и открыты кадетский корпус, реальное училище, начальные школы. Именно Николай Гродеков был инициатором создания краеведческого музея с естественноисторической и художественной коллекциями, который со временем превратился в крупный научный центр. Примечателен факт: в день открытия музея в 1902 году Гродеков, который находился в Японии, прислал оттуда телеграмму: «Я поднимаю бокал и пью вместе с вами за открытие такого замечательного центра, как музей на Дальнем Востоке».

До сих пор среди редких экспонатов музея хранится маньчжурский подарок Н.И. Гродекова — серебря-

ная сахарница с чеканкой и гравировкой дарителя: «Маленьким монашкам Хабаровского девичьего монастыря. Пусть монашкам живется так же сладко, как сахар в этой сахарнице». А также фигурки буддистского монаха и игроков в го.

Именно Гродеков, как отмечает в своем труде Нина Дубинина, первым обратил внимание на будущего исследователя и путешественника Владимира Арсеньева, по его приказу были оплачены экспедиции молодого Арсеньева к берегам Ханки.

Что удалось узнать еще? Генерал глубоко уважал традиции туземцев, содействовал основанию Свято-Троицкого мужского общежительного монастыря около станции Шмаковка, ходатайствовал об открытии во Владивостоке духовной семинарии. При нем образована самостоятельная Владивостокская епархия (1899), основан гарнизон в селе Спасском. Его именем названа станица Гродековская, сохранились название станции при поселке Пограничном и небольшой населенный пункт в Приморском крае.

И вновь обращаясь к книге Нины Дубининой, читаем: «Годы службы на Дальнем Востоке стали звездным часом в жизни Н.И. Гродекова. Находясь в расцвете сил, обладая обширными знаниями и умением, он стремился превратить молодой осваиваемый край в надежный оплот России на дальневосточных рубежах. И ему многое удалось».

Впоследствии Гродеков отписал музею на Дальнем Востоке довольно солидное завещание, в которое входила и знаменитая шашка, украшенная бриллиантами, и богатая библиотека. Но ничего из завещанного музей не получил, так как вскоре началась долголетняя тяжба с племянником генерала Владимиром Гродековым по поводу этого завещания. Во время войны племянник погиб на германском фронте, затем грянула революция, и какое там завещание, какие экспонаты! Все было сметено ураганом истории, немногим удалось уцелеть на обломках нового мира.

И вот, спустя сто с лишним лет, в музей, который носит имя Николая Гродекова, возвратился портрет, сделанный при жизни генерала и сохраненный его внуком. На торжественную церемонию передачи портрета музею приехал из Санкт-Петербурга Лев Вержбицкий, для которого увековечение памяти деда стало делом чести. Наверное, закономерно, что человек, много сделавший для развития края, словно возвратился на то место, которому отдал много лет своей жизни.

Свое слово о портрете еще предстоит сказать художникам и реставраторам, которые уже приступили к работе, да и в вопросах родства Вержбицких с известным генералом еще много неясного: главное, почему Гродеков в своем завещании, зная, что у него растет сын, ничего не отписал ему? А вдруг тот портрет из платяного шкафа попал в дом к Вержбицким случайно и принадлежал комуто другому? И вообще, Гродеков ли изображен на портрете? Может, просто похожий на него человек? Тайны, домыслы, загадки, которые еще предстоит разгадать...

Но даже если все рассказанное лишь красивая легенда, не будет лишним еще раз вспомнить имя Николая Гродекова и перечислить его деяния во славу Дальнего Востока.

Некрополь Свято-Иннокентьевского храма

Тот, кто забыл могилы предков, не найдет и собственную.

Древнее изречение

Фото из архива воскресной школы Хабаровского храма Святого Иннокентия Иркутского

Иван СТРЕМСКИЙ,

завуч воскресной школы хабаровского храма Святого Иннокентия Иркутского. В прошлом сам учащийся этой школы, работает в ней с 2001 г. Тема исследований – история православных храмов Хабаровска, и в частности некрополя первостроителей при Свято-Иннокентьевском храме. С 2004 г. ввел в воскресной школе новый предмет – православное краеведение. В рамках этой работы в 2005 г. организовал при школе выставку-экспозицию, посвященную Свято-Иннокентьевскому храму, в которой представлены фотографии, документы и материалы, связанные с его историей. «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как его рождение» – говорил русский философ и богослов протоиерей Сергий Булгаков. Православного краеведение приоткрывает эту тайну – тайну служения наших предков на благо Церкви и Родины.

1. Вид на храм и кладбище, конец XIX в.

2. Деревянный храм Святого Иннокентия Иркутского, 1870-е гг. Значение некрополя первостроителей Хабаровска при Свято-Иннокентьевском храме трудно недооценить. Его история убедительно свидетельствует о тех изменениях, которые произошли в душе русского народа за последние полтора столетия – от самоотверженного подвига и святости до духовного беспамятства, отречения от родной истории и осквернения святынь предков.

Первое кладбище на берегу Амура появилось почти сразу после основания Хабаровского поста в 1858 г. По старому русскому обычаю оно расположилось недалеко от сельской церкви в честь святой Марии Магдалины. К 1870 г. эта церковь обветшала, вместо нее близ устья реки Чардымовки был сооружен новый храм уже в честь святителя Иннокентия Иркутского, и туда впоследствии распространилась территория погоста.

Первыми легли в хабаровскую землю ее первопоселенцы — офицеры и рядовые солдаты 1-го и 13-го линейных батальонов Восточной Сибири, казаки Амурского казачьего пешего батальона, их жены и дети. В 60-х гг. XIX в. появились захоронения и первых гражданских жителей Хабаровки — крес-

тьян и мещан. Смертность людей объяснялась суровым климатом, непривычным для переселенцев из Центральной России и Украины, инфекционными заболеваниями, которым люди подвергались в долгой дороге.

В 1875 г. кладбище при Свято-Иннокентьевской церкви очень разрослось и стало находиться в непосредственной близости к лечебнице военного полугоспиталя и гражданским учреждениям. В это же время указом Камчатской духовной консистории общие захоронения на нем были запрещены. В Государственном архиве Хабаровского края хранится любопытный документ Камчатской консистории от 24 июля 1875 г. на имя причта Иннокентьевской церкви следующего содержания: «По утвержденному генерал-губернатором плану Хабаровки для

Вид на Иннокентьевскую церковь

погребения всех умерших отведено лет восемь тому назад под кладбище место версты за полторы от городской черты. Несмотря на это, с целью усиления средств Хабаровской церкви, Духовное ведомство разрешило продажу мест для могил около самой церкви, отстоящей не далее 200 шагов от хабаровского военного полугоспиталя и прочих казенных и частных построек. И так как в последнее время кладбище это все более и более увеличивается, и в недалеком будущем распространится еще на большее пространство, Коллежский Советник Лекир находит, что подобное близкое соседство кладбища с жилыми зданиями не допускается врачебно-полицейскими постановлениями потому, что: по факту неблагоприятного впечатления на каждого больного, отправляющегося в полугоспиталь, оно оказывает вредное влияние на здоровье людей, живущих в полугоспитале и окрестных домах. <...> Ввиду чего он ходатайствует о воспрещении погребений умерших около настоящей хабаровской церкви...»

С тех пор здесь разрешалось погребать лишь духовенство, жертвователей Церкви и горожан, внесших большой вклад в историю и развитие города. С тех пор, само кладбище приобрело значение общегородской святыни. Вот что говорил о нем знаменитый амурский миссионер протоиерей Александр Протодиаконов во время освящения храма Святителя Иннокентия Иркутского в 1898 году: «Сей храм сооружен на месте старого, первого в Хабаровске кладбища... где покоятся также кости многих пионеров здешнего края».

В период с 1880 по 1923 гг. в ограде Иннокентьевской церкви обрели покой многие известные в Хабаровске и во всем Приамурье люди. Было бы несправедливо в этой заметке не вспомнить хотя бы некоторых из них.

Протоиерей Александр Протодиаконов — один из известнейших представителей знаменитой династии Протодиаконовых. Родился 22 октября 1837 г. в Иркутской губернии. Образование получил в Якутском уездном училище, а в 1864 г. архиепископом Камчатским, Курильским и Благовещенским был посвящен в диаконы к Кафедральному собору г. Благовещенска. В том же году о. Протодиаконов был

рукоположен в священники и назначен миссионером нанайского народа в низовьях Амура. В этой должности он пробыл два года и затем возглавил Горинскую туземную духовную миссию. Горинская православная миссия была создана в 1858 г. по инициативе святителя Иннокентия (Вениаминова). Ее духовная деятельность была распространена на десятки русских деревень, сел, хуторов, стойбищ коренных жителей Амура и его притоков Горин и Хунгари.

Просвещая амуро-горюнских нанайцев Христовой верой, отец Александр, следуя заветам святителя Иннокентия, изучил язык нивхов, негидальцев, нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, находящихся в его пастырском попечении. Причем он не ограничился одним умением говорить с амурскими народами на их родном языке, а приступил к составлению «Туземного словаря» и «Грамматики гольдского языка», каковой труд был издан. За эту книгу амурский миссионер был награжден серебряной медалью, а за издание работы «Миссионерская деятельность в Амуро-Горинском стане» — золотой медалью Императорского Русского географического общества.

В 1878 г. протоиерей Александр Протодиаконов был назначен благочинным всех уссурийских церквей. Таким образом, на его долю выпал труд по устроению церковной жизни в Уссурийском крае и на Амуре. С большой любовью отец Александр относился к амурским народам: строил в их стойбищах церкви и часовни, открывал церковно-приходские школы. Он скорбел, слыша о том, как их обманывали китайские торговцы, как они, воспринимая цивилизацию, предавались разным порокам и вымирали. Он всегда помогал им чем только мог. Отец Александр очень часто путешествовал по Горино-Амгуньской тайге, неоднократно бывал на озерах Эворон и Чукчагирском, на реке Амгунь. Не раз он был застигнут пургой в дремучей тайге, неоднократно его нарты проваливались в полыньи рек и озер. Много раз он подвергал свою жизнь опасности, рискуя умереть холодной и голодной смертью. И был, по его словам, счастлив, «когда кругом шумела зеленая листва тайги Баджальских гор, когда ему, ночевавшему на нартах на снежных Амгуньских марях, си-

Василий Федорович Плюснин

Андрей Федорович Плюснин

бирская пурга пела свои песни или убаюкивала волна, когда он плыл на лодке по Амуру».

В 1888 г. протоиерей Александр был назначен настоятелем Градо-Хабаровской Свято-Иннокентьевской церкви. В этой должности он пребывал до 1895 г., когда был назначен настоятелем Успенского собора. Именно трудами и энергией отца Александра главным образом была осуществлена постройка каменной Иннокентьевской церкви.

Нужно отметить, что духовно окормляя прихожан Свято-Иннокентьевского храма, батюшка не оставил и своей миссионерской работы — одновременно он являлся начальником Гольдской духовной миссии.

При жизни отца Александра называли живой реликвией амурской старины, он пользовался глубоким уважением со стороны приамурских генерал-губернаторов: барона Корфа, С.М. Духовского и Н.И. Гродекова.

Протоиерей Александр Протодиаконов умер в 1902 г. после продолжительной болезни и погребен у алтаря Свято-Иннокентьевс-

Историческая экспозиция в воскресной школе

кой церкви, настоятелем которой он прослужил 7 лет.

Андрей Федорович Плюснин — основатель династии хабаровских купцов Плюсниных родился в 1827 г. в Забайкалье. В 1860 г. он обосновался в Хабаровске и уже в 1864 г. был избран старостой церкви Святой Марии Магдалины. В 1870 г. Андрей Федорович на свои собственные средства построил деревянную Свято-Иннокентьевскую церковь. В связи с безукоризненным выполнением обязанностей старосты прихожане постоянно переизбирали на эту должность только его.

По свидетельствам современников, «в нем сочеталась неуемная энергия, работоспособность, доброе сердце и так называемая русская натура — гостеприимство и щедрость. Он не терпел лентяев, пьяниц и праздных людей. Даже будучи миллионером, продолжал трудиться в огороде и небольшом саду, вооружившись лопатой и граблями».

Умер Андрей Федорович Плюснин в 1880 г. после кратковременной болезни. За труды, понесенные ради храма, прихожане хотели похоронить его останки в ограде церкви, но не могли сделать этого без разрешения епископа. И оно было получено: 22 июня 1880 г. из Благовещенска в Хабаровск пришла телеграмма следующего содержания: «Резолюция Его Преосвященства: «Разрешается похоронить тело почившего в Бозе Андрея Федоровича Плюснина, как усердного благотворителя храмов Божиих, в ограде Иннокентьевской церкви».

После смерти Андрея Федоровича старостой Свято-Иннокентьевской церкви был избран его младший брат Василий Федорович Плюснин (род. в 1834 г.). С 1886 г. В.Ф. Плюснин был избран старостой новопостроенного Успенского собора. В 1888 г. за усердную службу в должности старосты пожалован золотой медалью на Станиславской ленте. Епархиальным начальством ему было разрешено пожизненно носить парадный мундир IX класса — двубортный сюртук с отложным из черного бархата воротником. Умер купец 1-й гильдии Василий Федорович Плюснин в 1909 г. и погребен в ограде Свято-Иннокентьевской церкви.

Емельянов Иван Пантелеймонович — хабаровский купец, в прошлом народоволец, один из участников покушения на императора Александра II. Принес покаяние за участие в борьбе с самодержавием, после чего ему было разрешено поселиться в г. Хабаровске. Был жертвователем Иннокентьевской церкви. Умер в 1916 г., погребен на церковном кладбище.

Рассушин Алексей Александрович (1857—1918 гг.), хабаровский общественный деятель, городской голова г. Хабаровска (1894—1902), чиновник особых поручений, надворный советник, затем член Забайкальского областного управления по крестьянским делам в г. Чите.

Всего за период существования некрополя на нем было совершено около 500 захоронений. У наших предков места захоронений христиан всегда были почитаемыми и охраняемыми. По учению православной церкви посмертная участь человека остается неопределенной до Второго Пришествия, когда Господь совершит всеобщее воскресение тел, от века

умерших. Поэтому благоговейным было отношение к могилам, в которых эти тела покоятся, как бы в ожидании дня Воскресения. По этой же причине считалось необходимым сохранение всех могил, в том числе непосещаемых. Но в XX веке в России в качестве государственной идеологии воцарился воинствующий атеизм, ставший, по-видимому, одной из главных причин варварского отношения к кладбищам.

Вскоре после закрытия в 1931 г. Свято-Иннокентьевского храма стало планомерно разрушаться и находившееся на его территории кладбище первостроителей. Место, где покоились пионеры этих краев, было сровнено с землей. Лишь некоторые могилы по настоянию близких были перенесены на действующее городское кладбище.

В 1967 — 68 гг. при строительстве института физической культуры многие захоронения были разрыты бульдозерами. Останки первых хабаровчан — военных, священников, купцов вместе со строительным мусором вывозили самосвалами на городскую свалку. В 1990-е годы при восстановительных работах на территории храма рабочие находили человеческие останки, старую обувь, детские игрушки, фрагменты полуистлевшей одежды, наконечники казачьих сабель.

По свидетельствам старожилов Хабаровска, в 1940-е годы комсомольцы при мощении улицы Калинина (от ул. Муравьева-Амурского в сторону речки Плюснинки) брали камни для мостовой с могил церковного кладбища. Плиты просто разбивали кувалдами. Самые крупные надгробные плиты были уложены в фундамент здания управления Дальневосточной железной дороги.

Разрушение Свято-Иннокентьевского некрополя было одним из проявлений общего падения духовной культуры у народа, варварским нарушением связи с историческим и культурным прошлым. По учению Церкви, осквернение могил умерших считается большим грехом, а оскверняя могилы предков, наш народ навлекал на себя все тяжкие последствия несоблюдения пятой заповеди Закона Божия: «Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе было хорошо, и чтобы ты долго жил на земле».

А ведь уничтожение кладбищ практиковалось во многих российских городах. Как же после содеянного кошунства мы не понимаем, где истоки постигших нашу страну бедствий и трагедий...

Первые разговоры о восстановлении исторической памяти о кладбище первостроителей появились вслед за передачей Русской православной церкви изуродованного здания Свято-Иннокентьевского храма в 1992 г. Вскоре со стороны набережной Амура был поставлен временный поклонный крест с надписью о том, что здесь было кладбище.

28 августа 2004 г. у алтарной стены возрожденного храма на месте погребения хабаровского духовенства Его Преосвященством епископом Хабаровским и Приамурским Марком был торжественно освящен каменный поклонный крест с надписью: «Сей поклонный крест установлен на месте погребения первых жителей г. Хабаровска, в святительство Преосвященнейшего Марка, епископа Хабаров-

ского и Приамурского, попечением Виктора Андреевича Лопатюка, генерального директора ЗАО «Артель старателей «Амур», в лето от Рождества Христова 2004». Хочется думать, что этим был сделан большой вклад в восстановление исторической и нравственной значимости Свято-Иннокентьевского некрополя.

Несмотря на долгие годы «культурного забвения», педагогам и воспитанникам воскресной школы Иннокентьевского храма удалось установить и имена более 100 из 500 человек погребенных на кладбище первостроителей. В настоящее время они представлены в экспозиции церковно-исторического кабинета при воскресной школе.

Воспитанники воскресной школы после возложения цветов на месте погребения первых жителей Хабаровска.

Поклонный крест на месте первого хабаровского кладбища. Установлен в 2004 г.

Память цвета хаки

Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ

Хабаровск

Память о детстве, как правило, окрашена в теплые, солнечные тона. Моя память – тоже. Но... как бы я ни старался вспоминать только хорошее, смутное чувство тревоги все же настигает меня, и эта неуверенность в прошлом делает зыбким и настоящее, гонит прочь от семейного очага. Да и какой очаг может быть у поэта, странника, человека с оружием? Разве что походный костерок или комната в офицерском общежитии, коими судьба щедро одарила моих родичей. Отец говорил, что такой жребий – от ссыльных, мятежных предков, высланных некогда с Дона в Забайкалье, живших там в течение многих поколений и даже разбогатевших, но затем в одночасье порушенных, высланных – теперь уже в Красноярский край, но продолжавших служить неласковому отечеству своему верой и правдой. И служба эта была... цвета хаки, в погонах разных оттенков – от темных, артиллерийских, до небесной синевы, военных летчиков. Вот с этих, детских, «военных» воспоминаний и начну свой рассказ...

- 1. Дед Георгий Васильевич Ардашев (справа), начало 1920-х годов, Забайкалье. Не дожил до коллективизации, когда и его отца, и братьев с сестрами, несколько семей. в Красноярский край, что, впрочем, не помешало им воспитать будущих защитников родины. В 1996 году наши родичи были реабилитированы
- 2. Будущий автор статьи в 1956 году, в тревожные дни «венгерских событий»
- 3. Мои родители в 1946 году после свадьбы. Одни из немногих, кому повезло

Так уж получилось, что отголоски русского зарубежья не раз всплывали в моей памяти. Еще в детстве наслушался о заграничных скитаниях неродного дедушки Ивана, отчима отца, чья фамилия Иванов сменила куда более старинную и благозвучную фамилию Ардашевых (с ударением на второй слог). Случилось это в начале 30-х годов прошлого века, когда бабушка Феодосия Яковлевна была уже вдовой, и ее с малыми детьми, единственную из репрессированных родственников, не выслали из-под Читы в Красноярский край. Вот тогда-то вернувший-

ся из заграницы дед Иван и женился на своей бывшей хозяйке, усыновив троих детишек.

На чужбину дед Иван попал в Первую мировую войну: вначале в немецкий плен, потаскав тачку вначале на германской земле, а потом и в африканских колониях, а затем еще много лет мотаясь по белу свету.

Позднее я спрашивал у деда: ну и как там, в Африке? Оказалось, хреново. И хотя колючей проволокой лагеря русских военнопленных не обносили, бежать в саванну, к носорогам и львам, никто не решался. Было это где-то в Намибии, именовавшейся тогда Германской юго-западной Африкой. Была у немцев еще и юго-восточная Африка, нынешний Мозамбик, а также экваториальные Того и Камерун. Там русские пленные тоже кайлили землю, пока германскому кайзеру Вильгельму II не пришел «капут» и африканские колонии немцев не прибрали к рукам другие метрополии. Вот такая была у деда «география».

К счастью, ни социальное происхождение Ардашевых, ни заграничные скитания отчима не отразились на судьбе моего отца: когда подрос, вступил в комсомол, затем, в сороковом году, был зачислен в Улан-Удэнскую летную школу ГВФ, которая с началом войны была передана ВВС, стал военным летчиком, служил на Дальнем Востоке, Севере и в Закарпатье, получил орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», другие награды. Кстати, некоторые наши родственники, высланные в Красноярский край, тоже стали военными, один даже до полковника артиллерии дослужился. Такая, видать, судьба...

Ну а нам с сестрой вместе с родителями тоже пришлось помотаться по стране, пожить в гарнизонах, подышать ветерком странствий. Сестра родилась в сорок седьмом на Сахалине в городке Торо (нынешнем Шахтерске), где мальчик-японец, взятый из жалости в няньки, говорил маме: «Мадам, ваша мусумэ-девочка совсем как японские детки...» В смысле, так же пищит, когда проголодается. А сами японцы, ожидавшие депортации с Сахалина, жили впроголодь. И продукты из офицерского пайка (вплоть до акульего мяса!), которыми мама делилась с тем малолетним помощником, наверное, и сейчас ему памятны...

Я же появился на свет четырьмя годами позже сестры, в Анадыре, и, как рассказывали родители, везли меня с Чукотки в военно-транспортном самолете «сикорский», более известном как Ли-2. Американском, стало быть. И то, что его изобрел русский авиаконструктор, эмигрант, тоже считаю немного символичным. Кто-то помнит с детства бабушкин самовар, кому-то запомнились дедушкины рыбацкие снасти, мне же до сих пор памятна летная экипировка отца — меховая куртка, унты и полярная маска, пропахшая табаком. Все это хранилось в семье много лет, даже когда отец демобилизовался.

Была еще Буковина, чудесный закарпатский край. Был старинный, уютный и сплошь каменный городок Черновицы, который я называю ласково, на украинский манер. Там, в доме номер шесть на улице Ивана Франко, мощенной булыжником, мы жили в старинном и похожем на крепость «буржуйском» здании с внутренним двориком и длинными верандами, ограждавшими нас, офицерских детишек, от «вредных» гуцульских пацанят, щеголявших по праздникам в национальной одежде и обижавших таких тихонь, как я.

Но, конечно, не эти смешные обиды легким облачком набегают на мои детские воспоминания. Просто городок был почти заграничным, где еще помнили довоенное румынское время и к русским дядькам в погонах относились, мягко говоря, не совсем приветливо, а тут еще тревожные события в соседней Венгрии осенью пятьдесят шестого и массовое сокращение армии, прозванное в народе «хрущевским»...

Словом, уезжали мы из Черновиц, хотя и с сожалением (дивный все-таки край, где море черешни!), но все же с твердым желанием родителей вернуться в Приамурье, где прошла их юность, и которое казалось им роднее некуда!

Так мы и оказались в Хабаровске, столице огромного Дальневосточного края. И, между прочим, даже Анадырский район, Чукотка, откуда я был родом, незадолго до этого входили в состав Хабаровского края. Вот какой огромной была его территория!

Нам с сестрой Хабаровск тоже понравился, хотя закарпатские воспоминания в спорах с местной ребятней еще долго служили аргументом, дескать, а у нас, в Черновицах, было лучше...

Впрочем, «экзотическими» сравнениями могли похвастаться и другие офицерские дети. Особенно те, чьи отцы освобождали Маньчжурию, служили в Порт-Артуре и даже побывали в Корее с некоей загадочной и малопонятной тогда миссией. Жили мы в «кэчевском», то бишь офицерском доме — весьма неплохом по тем временам, где в просторных квартирах, именуемых ныне «сталинками», обитали довольнотаки необычные и одаренные люди — военные переводчики, журналисты, спортсмены. Говорить о них можно долго.

Но, оказывается, в Хабаровске были дома и вовсе необычные, загадочные даже. Запом-

нился один тихий, уютный трехэтажный дом, где жили люди восточного облика, владевшие многими языками, и среди них — семья переводчика весьма необычного — русского дворянина, родившегося в Японии, человека атлетической комплекции, доброго и великодушного. Звали его Борис Константинович Огородников, для меня же — просто «дядя Боря», о котором я до сих пор вспоминаю с уважением и теплотой. Его жена, Нина Владимировна, тоже женщина добрая, интеллигентная, работала, как и моя мама, в окружном военном госпитале. С их детишками, Олегом и Аленой, я и подружился.

С тех пор минуло почти полвека. И когда недавно я получил письмо от своего друга детства Олега Огородникова, ныне капитана второго ранга в отставке, светлая грусть воспоминаний вновь захлестнула мою душу. Вспомнился и Борис Константинович — великолепный переводчик и легендарный диктор Хабаровского радио, вещавший на заграницу, с которым в детстве, и позднее, уже став студентом-историком и начинающим журналистом, я подолгу и с удовольствием беседовал. Интересный был собеседник!

Вот с такого необычного знакомства и началась вереница моих встреч и долгой литературной переписки с людьми удивительными, общавшимися в эмиграции и вернувшимися в Россию, чтобы и далее нести свой крест — кто лагерный и конвойный, кто журналистский и переводческий. И каждый из них по-своему относился к России. Любил ее, иначе бы не вернулся. И это доброе, неизбывное чувство, я думаю, передалось и нам, детям и внукам российского лихолетья, бережно хранящим воспоминания...

- 1. Двоюродный дед Константин был ровесником моего отца и, высланный десятилетним мальчишкой на берега Енисея, тоже стал офицером
- 2. Мой отец Василий Иванович, точнее Георгиевич (слева), и двоюродный дядька Павел, тоже из енисейских высланных родичей, после войны в Прибалтике
- 3. Мой двоюродный дед Михаил Яковлевич и его супруга Варвара Ивановна Кривоносенко, прожившие по девяносто два года и запомнившие, как высылались родственники и односельчане
- 4. Мой сын Борис, офицер новой Российской армии

СЮЖЕТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

История всегда волнует и завораживает развитием событий, а история своей семьи особенно. Обычно в детстве мало кто задумывается о происхождении корней, истоков своих родителей. То же произошло и со мной. Остались в памяти разрозненные воспоминания разговоров, рассказов бабушки — Агафьи Андреевны, матери отца, которая вместе с мужем и детьми в 1930-е годы была выслана из села Инясево Балашовского района Саратовской области в Амурскую область, где в конце все тех же 30-х ее муж был репрессирован и расстрелян, а она была делегатом Первого съезда колхозников Дальнего Востока в 1938 году в Благовещенске. Но это отдельная история.

Два года назад мне удалось собрать уцелевшие старые фотографии, документы и попытаться восстановить историю семьи по линии матери – Мериновой (Бесединой) Таисии Константиновны 1929 года рождения, проживающей в настоящее время в городе Комсомольске-на-Амуре.

Судьба – паромщик

Владимир МЕРИНОВ Комсомольск-на-Амуре

- 1. Меринова (Беседина) Таисия Константиновна. 2004
- 2. Фрунзе. 1940
- 3. Комсомольск-на-Амуре. 1949
- 4. Комсомольск-на-Амуре. 1949

СЮЖЕТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

В конце XIX века двадцатилетний отец семейства Яков Кернасов вместе со своей женой Ксенией Калашниковой и двумя детьми приехали в Амурскую область. Родом он был из Калмыкии, Ксения — с Волги. Ехали на лошадях, поэтому путь был долгий, целых два года.

В 1886 году Яков Кернасов и его семья поселились в Белогорье Амурской области.

Из-за хромоты Якова в армию не взяли, и он занялся скотоводством, выращивал крупный рогатый скот. Благо что в те далекие времена граница с Китаем была открыта и разрешали свободно торговать.

В 1889 году в семье Кернасовых родился четвертый ребенок — Наталья Яковлевна Кернасова, которая впоследствии стала моей бабушкой. Всего же у Якова было 8 детей — четыре сына и четыре дочери: Иван, Николай, Наталья, Александра, Василий, Ксения, Михаил, Мария.

Яков большое внимание уделял воспитанию своих детей, все дети учились в школе, умели читать и писать, а позднее он всем сыновьям помог в строительстве своих домов, а дочерям подарил швейные машинки «Зингер», и все они умели шить.

Повзрослев, Наталья вышла замуж за Константина Федоровича Беседина 1889 года рождения. Его отца, Федора Беседина, на Дальний Восток привезли из Курской области на поселение. Вместе молодожены Наталья и Константин переехали в деревню Черемхово Ивановского района.

В 1918 году в Черемхово вошли японцы. Мужчины, кто успел, ушли в партизаны. Константину в то время было 29 лет, он остался в селе и был связным у партизан, так как работал в сельской управе и владел нужными сведениями. После японской войны Беседины переехали в Молчаново, что недалеко от Серышево и Свободного. Здесь глава семейства пошел в кузнецы. Издавна весь род Бесединых занимался кузнечным делом, ведь кузнец на деревне — первый человек.

В 1928 году семья Бесединых переехала к уже постаревшему тестю Кернасову, где и родилась их четвертая дочь Таисия. Всего же в семье Бесединых было четверо детей: Петр, Александр, Николай и младшая Таисия 1929 года рождения.

Маленькая Тая успела закончить первый класс в Молчановской школе, когда 1 декабря 1937 года ее отца арестовали. Пришла люди в форме днем, когда Константин Беседин обедал. Без ордера произвели дома обыск, забрали ружье и увезли отца семейства. Жене сказали: «Придешь вечером в контору». Но вечером всех арестованных уже увезли в город Благовещенск, где 5 февраля 1938 года расстреляли (это следует из архивных документов). Летом 1938 года взрослому населению вы-

дали паспорта, а тех, у кого оказались перечеркнутыми страницы в паспорте и стоял штамп с цифрой 2, в августе увезли в Свободный, где как врагов народа погрузили в вагоны и отправили на запад. Начиная с Читинской области, людям разрешили покидать вагоны и оставаться на поселение. Наталья Беседина с тремя детьми (Александр в то время учился в Благовещенском речном училище) вынуждена была уехать из родного дома. Довезли переселенцев до Челябинска. Там была большая остановка, и пять семей решили сойти, в том числе и Беседины. Братья Беседины завербовались в город Троицк, что рядом с Челябинском, работать на маргариновом заводе. Все пять семей поселились в старом бараке, но 7 ноября хулиганы напали на их жилище, выбили стекла, все разгромили, и люди вынуждены были оттуда выехать. Беседины отправились в деревню Кочкарь Челябинской области. Там маленькая Тая закончила 3-й класс, а братья пошли работать в совхоз шоферами, возили зерно на элеватор.

Но тут грянула очередная беда. В 1939 году началась безработица, стало «пахнуть» войной, и семья Бесединых в очередной раз вынуждена была переехать, теперь уже в Среднюю Азию в деревню Покровку, что в 10 километрах от Фрунзе. Там купили небольшой домик, братья работали комбайнерами. Жить стало хорошо, продавали хлеб, в семье появились деньги.

Перед войной братья женились, а в 1941 году грянула беда. На фронт братья Беседины ушли по призыву. Николай погиб под Курском, а Петр воевал до самой победы, потом вернулся к своей жене на станцию Тулун в Иркутской области, где прожил до 1950 года.

В декабре 1943 года от голода и болезней умерла Наталья Яковлевна, и Тая — четырнадцатилетний подросток — осталась одна с женой брата и их ребенком (племян-

А.К. Беседин. Владивосток. 1945

А.П. Меринов. Харбин. 1945

Комсомольск-на-Амуре. 1961

СЮЖЕТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Комсомольск-на-Амуре. 1967

нику было три года). Питание плохое, хлебной карточки не было, доедали остатки продуктов. Летом 1943 и зимой 1944 года Таисия ходила работать в колхоз за чашку мамалыги без сахара и масла (национальное блюдо). До войны в деревне располагались большие плантации сахарной свеклы, поэтому выживали в основном за счет этого овоща, который и жарили, и парили. Не было соли, спичек. Кто первый затопит печь, к тому и шли за огнем.

В мае 1944 года Таисия собралась на родину. Вместе с чужой бабушкой, продав материнскую швейную машинку «Зингер», она поехала на поезде на Дальний Восток. Доехав до Сретенска, пришлось сделать вынужденную остановку, так как дальше требовался пропуск.

Во время долгого движения в Новосибирске была санобработка — проверяли на наличие вшей, чесотки, предоставили бесплатную баню. Следующая остановка в Иркутске, и тоже санобработка.

В Сретенске Таисия пошла к начальнику милиции и там рассказала, что едет в Благовещенск к брату. Начальник милиции пожалел девушку и выписал ей пропуск.

Комсомольск-на-Амуре. 2004

Приехав в Свободный, Тая нашла свою тетку, с которой до этого переписывалась. У нее Таисия прожила год. В 1945 году Александр Беседин находит свою сестру и забирает ее к себе в Благовещенск, где он работал в пароходстве.

В 1946 году брата переводят в Комсомольск-на-Амуре на паромную переправу Комсомольск — Пивань и сразу же дают жилье в переулке Проезжем, в котором находились двухэтажные деревянные дома. В 1947 году Таисия закончила семь классов в семнадцатилетнем возрасте и пошла работать к брату на паромную переправу щитовым электриком.

С будущим мужем Алексеем Мериновым Таисия познакомилась на пароме. Его устроил туда на работу в 1948 году капитан В.П. Услонцев, сосед семьи Мериновых, которые проживали в 3-м Силинском поселке на улице 2-й Луговой. Замуж Таисия вышла в 1949 году. 23 ноября расписались, а 26 ноября была свадьба. Таисия и Алексей вместе прожили 35 лет (в 1984 году отец трагически погиб), родили и вырастили троих детей - Владимира, Сергея и Наталью. Все дети получили образование: Владимир закончил Кемеровское высшее военное командное училище связи, Сергей -Дальневосточный университет во Владивостоке, Наталья – строительный техникум в Комсомольске-на-Амуре.

25 июля 2005 года исполнилось 60 лет со дня открытия паромной переправы ст. Комсомольск — Пивань, когда восточный железнодорожный путь БАМа вышел к океану.

По маршруту Комсомольск - Пивань сначала ходили два дизель-электрохода «Дон» и «Волга», затем «Амур» и «Комсомольск», зимой через Амур укладывали ледовую железную дорогу. Экипажи паромов работали и зимой на укладке железнодорожного полотна, обходчиками и на очистке снега. Работа паромной переправы заканчивалась в первой декаде ноября, а ко дню рождения Сталина уже укладывалась ледовая железная дорога. Она работали с 21 декабря по 15-20 марта. В 1960-eгоды появились паромы «Комсомольск» и «Амур» более высокого класса и лучшего оснащения. Сейчас остался один паром, который в 1960-е своим ходом ушел на Сахалин, где использовался в качестве плавучей электростанции. Остальные три парома продали в Китай на металлолом в 1990-х годах.

История семьи Мериновых тесно связана с паромной переправой. Там работали капитанами парома брат Таисии Константиновны Александр Константинович Беседин и его друг Василий Петрович Услонцев, трудились Алексей и Таисия Мериновы, которым паром подарил судьбоносную встречу.

Надеюсь, что история моей семьи будет сохранена и продолжена дальше уже нашими детьми.

Шаманы под запретом власти

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,

кандидат исторических наук, главный хранитель Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова

Государство в любом своем виде – институт, ограничивающий права человека в пользу (или не в пользу) общества. В истории СССР ограничительная функция государства приобрела крайнюю форму – репрессий. Коренные малочисленные народы Севера Хабаровского края ощутили этот страшный железный пресс не в меньшей степени, чем хабаровчане-славяне. В рамках одной статьи трудно в полной мере осветить историю репрессий по отношению к коренным народам Хабаровского края, поэтому остановимся на одном аспекте: преследовании шаманов в годы советской власти.

13 сентября 1927 года на страницах газеты «Тихоокеанская звезда» появилась маленькая заметка под фантастическим для того времени названием: «Шаманы хотят иметь избирательные права». Воспроизведу это интереснейшее сообщение полностью: «Четыре шамана-нигидальца (так в газете. – Т.М.) из Амгуно-Кербинского района были лишены по советской конституции прав выбора в советы. Шаманы подали протест в Крайисполком с просьбой о восстановлении их в избирательных правах. В своем заявлении шаманы указывали, что занятие шаманством для них не является источником существования, так как они наравне с прочими туземцами занимаются охотой и рыбной ловлей. Они, по их заявлениям, не используют шаманство в целях эксплуатации населения и получения материальных выгод» 1. В 1932 году в Ульчско-Негидальском туземном районе из 11 хозяйств, лишенных избирательных прав, три были определены как кулацкие, а девять принадлежали шаманам. Избирательных прав были лишены ульчские и нивхские шаманы Конт Шура 30 лет из села Кадаки, Дзятака 68 лет из села Кадаки, Каутым 34 лет из села Ухта, Пачи Павел 46 лет, Чурбаш Иннокентий из села Пад, Вальдю Степан, Дажку Александр, Бодя Борис. Согласно письму Уданского сельского Совета от 9 января 1934 года в Удане проживали три шаманки нетрудоспособного возраста, лишенные избирательных прав².

Давление на шаманов было таково, что они сами отказывались от обрядовой практики и сдавали свои шаманские принадлежности. 16 июля 1933 года на заседании Кербинского райисполкома рассматривалось заявление В.Д. Максимова об отказе от шаманства и сдаче шаманского костюма, постановили принять заявление шамана, а «костюм сдать на хранение в склад РИКа»³.

Лишение избирательных прав автоматически вело к исключению из рядов колхоза и лишало средств к существованию. Так, Павла Киле лишили прав как сына шамана-кулака и выгнали с работы⁴. Отдельные сельские советы принимали решения о выселении шаманов из села. 24 августа 1935 года общее собрание Болонского сельсовета и колхоза «Нанайский партизан» постановило выселить шамана Одзяла Исунги (Василия) «из территории Болонского сельского совета»⁵. До этого решения шаман неоднократно предупреждался сельским советом и партийными органами и даже подвергался денежному штрафу в размере 50 рублей, но продолжал заниматься обрядовой практикой⁶.

Обязанность борьбы с шаманством была возложена на советские, партийные и комсомольские органы.

Негидальский шаман с реки Амгунь. 1894 Фото П.П. Шимкевича. Пересъемка В.Н. Токарского. ХККМ им. Н.И. Гродекова

Нанайский шаман. Фото П.П. Шимкевича. Пересъемка В.Н. Токарского

Коммунисты и комсомольцы ходили по селам, отбирали и сжигали атрибуты шаманов (как выразился один из коммунистов, «сжег барабаны»⁷). Лишь в отдельных случаях конфискованные шаманские атрибуты попадали в музеи. Например, в 1930 году в фонды Хабаровского краевого краеведческого музея были переданы «шаманский компас» и «шаманское знамя», отобранные туземным советом у шамана Кешки Оненко из стойбища Дондон «при манифестации его по стойбищу на 29 января 1930 года»⁸.

В докладной записке 1937 года «Об итогах проверки работы Дадинского сельского Совета и правления колхоза» записано: «Плохой работой сельского Совета и правления колхоза воспользовались шаманы. С новой Конституцией они активизировали работу. Если в 1935 году работал один шаман Бельды Пельха, то сейчас активно работают девять шаманов: Бельды Пельха, Заксор Ога, Геккель Башля, Геккель Еголи, Бельды Кенго, Бельды Тайпи, Бельды Ольга, Бельды Сенчена, Бельды Ацюнга.

Шаман Бельды Пельха (единоличник) своим влиянием на отдельных колхозников

разлагает колхоз. Колхозник Бельды Ингену имеет тесную связь с шаманом Бельды Пельха, под его влиянием Бельды Ингену с двумя сыновьями Дема и Декембу и звеньевым бригадиром Оненко Пуктанга ушли из колхозной рыболовецкой бригады в другой чужой водоем и не выполняют план рыбодобычи (вместо 35 цен. сдали 5 цен. И остальную продают).

Сельский совет и комсомольская организация, по существу, не вели никакой борьбы с шаманством, как, например, родители председателя сельского Совета Киле Анатолия и секретаря комсомольской организации Бельды Ивана справляют поминки (июль 1937 года) с шаманами»⁹.

«Слабая борьба» с шаманами являлась в те годы одной из причин снятия с работы. Упоминаемого выше председателя Дадинского сельсовета Анатолия Киле в 1938 году сняли с должности в том числе и за связь с шаманами. Кона Пассара при увольнении с поста председателя Джонкинского сельсовета обвиняли в том, что он снабжал продуктами «до последних шаманских дней контрреволюционера Богдана Оненко» 10.

Однако антишаманские действия не оказали большого влияния на степень распространения шаманства. В середине 1937 года в Нанайском национальном районе был 71 шаман¹¹. По другим данным, 130 шаманов¹². Первого председателя Нанайского национального райисполкома Б. Ходжера в 1937 году обвиняли в том, что он «скрывал и защищал шаманов, давал сведения в Райком, что шаманов в районе шесть человек, а при проверке выявлено 130 чел.»¹³.

В 1992 году автор статьи записала некоторые сообщения по данной теме в ходе этнографической экспедиции в Ульчский район Хабаровского края. По воспоминаниям К.К. Сыны, «в 1938 году¹⁴ запрещали шаманить, грозили, что арестуют. Приезжали власти, пугали. Объявили, что шаманить нельзя, шаманы врут, если будут шаманить, то арестинот» 15 . По свидетельству Ф.Н. Дечули, после 1937 года в Удан приезжали представители милиции из Мариинского, забрали у шамана бубен¹⁶. Так же поступили с шаманкой Енака Ангиной (Росугбу). По доносу приехали милиционеры из районного центра, забрали все шаманские принадлежности, но вернули - в конце Великой Отечественной войны. Е. Ангина даже болела после этого¹⁷. Как говорила Ч.Г. Вальдю, «комсомольцам поручили не давать шаманам шаманить. Они ходили, наблюдали, поэтому шаманы, когда надо было шаманить, начинали поздно, часов в 12 ночи. Комсомольцы мешали шаманить» ¹⁸. По свидетельству Г.П. Вальдю, «свои же, молодежь, как услышат, где бубен звучит, идут туда, палку просовывают в окно и гоняют бедных старушек»¹⁹. Были случаи, когда дети шаманов, вступившие в комсомол, отбирали у родителей ша-

манские атрибуты. Например, Павел Тумали забрал у своего отца Подя Тумали бубен, пояс и утопил в Амуре, при этом он сказал: «Не позорь нас» 20. Дети запрещали матери Т.Н. Чекур шаманить, говорили, что стыдно смотреть на людей, ходить на людях 21. Чтобы избежать преследования комсомольцев, шаманы и все заинтересованные в проведении шаманского обряда уезжали на луга и там шаманили 22. В селе собирались потихоньку, но как выразилась, информант, «разве скроешь, если бабушки идут в одну избу» 23.

Шаманом был отец А.П. Надеиной — негидалец Порфирий Никифоров. В годы Великой Отечественной войны его сэвэнов (фигурки из дерева, кожи), одежду, бубны сожгли. Коммунисты и комсомольцы села (русские - лоча, как уточнила потом информант) пришли к нему в дом, всю одежду взяли, фигурки сэвэнов и сожгли во дворе дома. Лоча говорили все время про НКВД. А.П. Надеина утверждала, что сожгли не только шаманские атрибуты П. Никифорова, но и его дом. Однажды во время болезни информант видела сон: приехала она якобы на Дуки (там жил отец), обратилась к фигуркам: «Я болею, почему вы мне не можете помочь?» Они говорят: «Как мы тебе поможем, видишь, от нас остались только части, половинки». Мачеха прокомментировала этот сон так: «Так и было на самом деле, остались только части от фигурок». После переезда во Владимировку П. Никифорова продолжали преследовать: постоянно приезжали и проверяли. Вместе с тем отец информанта не прекратил помогать людям, но лечил не всех, а только тех, кто заболел и обратился к нему за помощью, деньги за лечение не брал 24 .

Отдельные амурские шаманы были арестованы. Так, шамана Оненко Богдана Лондовича 1872 года рождения из села Найхин арестовали 12 сентября 1937 года и расстреляли 21 октября 1937 года²⁵.

После окончания Великой Отечественной войны преследования шаманов не прекратились. А.Н. Бельды рассказывала, что в 1960-е годы в Нанайском районе Хабаровского края шаманов за проведение обрядов штрафовали, но они продолжали шаманить, занавешивая окна²⁶. Чем ближе к годам перестройки, тем больше постановления Хабаровских крайкома и крайисполкома направлены на регулирование деятельности районных организаций по соблюдению законодательства о религиозных культах и усилении атеистической пропаганды. В справках первой половины 1980-х годов о состоянии религиозной обстановки в Хабаровском крае шаманы даже не упоминались. Косвенным намеком на продолжавшуюся борьбу с шаманством служит сообщение, что Хабаровское издательство в 1982 году подготовило к публикации книги по атеистической тематике, среди которых названа «Повесть о последнем шамане» А.А. Пассара²⁷.

Кратко рассмотренный в данной статье один из аспектов в истории репрессий против коренных народов Хабаровского края, а именно шаманов, требует дальнейшего тщательного исследования, однако смеем предложить для обсуждения следующие этапы развития репрессивных мер советской власти по отношению к шаманам на данных Хабаровского края.

1-й этап. Лишение шаманов избирательных прав (середина 1920-х — начало 1930-х годов): шаманы включены в одни списки с православными священниками.

2-й этап. Насильственное уничтожение шаманского снаряжения и атрибутов (середина 1930-х годов), исключение из рядов колхозников, снятие с работы.

3-й этап. Аресты (конец 1930-х годов). Следует отметить, что массовых масштабов данного вида репрессий в отношении шаманов не выявлено.

4-й этап. Запрет на шаманскую деятельность не отменяется (1945 — 1980-е годы), но степень его соблюдения со временем снижается и в 1970 — 1980-е годы носит скорее формальный «бумажный» характер атеистической пропаганды, хотя еще в 1960-е годы были случаи применения к действующим шаманам административных мер (штрафы).

```
<sup>1</sup> Тихоокеан. звезда. — 1927. — 13 сент.
```

² ГАХК. Ф. Р-1213, оп. 2, д. 11, л. 256 об.; д. 15, л. 207 об.; д. 15, л. 13.

³ ГАХК. Ф. Р—1213, оп. 2, д. 11, л. 235 об.

⁴ ГАХК. Ф. П-399, оп. 1, д. 396, л. 31.

⁵ ГАХК. Ф. Р-1747, оп. 1, д. 5, л. 125, 125 об.

 $^{^{6}}$ ГАХК. Ф. Р-1747, оп. 1, д. 5, л. 112, 113.

 $^{^7}$ ГАХК. Ф. П-399, оп. 1, д. 396, л. 40.

⁸ ХКМ. Папка «Нанайцы». При поступлении в фонды музея данного экспоната П. М. Покровский дал ему следующее описание: «Шаманское знамя. Изготовлено гольдским шаманом из стойбища Дондон на р. Амуре Кешкой Оненко. Знамя из белой бязи размером 0,65 х 0,95 м. Обильно украшено различными рисунками, исполненными черной тушью, красной и зеленой красками (анилиновыми). В центре знамени два скрещивающихся флага: а) грязнозеленый с изображением серпа и молота и б) красный с изображением пятиконечной звезды. Над флагами схематичное изображение китайской кумирни с иероглифическими надписями: «Находящийся на верху», «Почитайте его» и «5 озер, 4 моря, 9 больших рек, 8 ручьев — священные места дракона. Почитайте их». Справа на знамени вертикальная надписьлозунг: «Дракон идет ничего не видит», слева на знамени тоже вертикальная надписьлозунг: «Все на защиту народа». Под знаменем нарисованы три дракона, окруженные спиральной орнаментацией. Характерное в этом знамени — использование шаманом эмблем пролетарской диктатуры для поднятия своего авторитета и умелой маскировки религиозных целей».

⁹ ГАХК. Ф. Р-353, оп. 1, д. 386, л. 39, 40.

¹¹ ГАХК. Ф. Р−1747, оп. 1, д. 16, л. 10.

 $^{^{11}}$ ГАХК. Ф. П-399, оп. 1, д. 396, л. 40.

 $^{^{12}}$ ГАХК. Ф. П-399, оп. 1, д. 368, л. 203.

 $^{^{13}}$ ГАХК. Ф. П-399, оп. 1, д. 368, л. 203.

 $^{^{14}}$ По воспоминаниям В. И. Донкан, запрещать шаманить начали в 1933 году (ПМА. 1992 г., от Донкан В. И., с. Булава).

¹⁵ ПМА. 1992 г., от Сыны К. К., с. Кольчем.

¹⁶ ПМА. 1992 г., от Дечули Ф. Н., с. Булава.

¹⁷ ПМА. 1992 г., от Дечули А. Л., с. Булава. Как считали коренные народы Приамурья, по собственной воле или вынужденный отказ от обрядовых действий отрицательно сказывался на здоровье шамана. П. В. Аруева говорила нам: «Если шаман долго не шаманит, то болеть будет. Надо шаманить, чтобы силу что ли выпустить» (ПМА. 1998 г., от Аруевой П. В., г. Хабаровск).

¹⁸ ПМА. 1992 г., от Вальдю Ч. Г., с. Монгол.

¹⁹ ПМА. 1992 г., от Вальдю Г. П., с. Монгол.

 $^{^{20}}$ ПМА. 1992 г., от Вальдю А. Л., с. Монгол.

 $^{^{21}}$ ПМА. 1992 г., от Чекур Т. Н., с. Богородское.

 $^{^{22}}$ ПМА. 1992 г., от Черуль П. С., с. Монгол.

 $^{^{23}}$ ПМА. 1992 г., от Черуль Т. Н., с Кольчем.

²⁴ ПМА. 2003 г., от Надеиной А. П., 1916 г. р., с. Владимировка.

 $^{^{25}}$ «Хотелось бы всех поименно назвать»: кн.мартиролог. Кн. 2 : Л $-\Phi$. — Комсомольск н/А, [1999]. — С. 176.

²⁶ ПМА. 1998 г., от Бельды А. Н., г. Хабаровск.

 $^{^{27}}$ ГАХК. Ф. П-35, оп. 110, д. 2, л. 21.

ГРАНИ ДУХОВНОСТИ

Дальневосточное чудо святой Параскевы

Елена ГЛЕБОВА

Фото автора

Осенью 2005 года в Хабаровске состоялся съезд Дальневосточной епархии Русской Православной Старообрядческой Церкви (Белокриницкое согласие) во главе с епископом Германом. Это событие стало не совсем обычным, поскольку речь на съезде шла о чуде.

Епископ Дальневосточной епархии Русской Православной Старообрядческой Церкви Герман

Управляющий Русской Православной Старообрядческой Церковью Магаданской, Чукотской и Камчатской областей отец Сергий привез в Хабаровск написанный на холсте образ святой великомученицы Параскевы, который к тому моменту уже 9 месяцев мироточил. Более того, кроме документов о проведенной магаданскими учеными химической экспертизе вещества, которое столь долгое время непрерывно истекает из холста, отец Сергий представил также зафиксированные случаи исцеления людей.

Начало этой истории было положено чуть больше десяти лет назад, когда отец Сергий еще преподавал в одной из магаданских школ. Готовился открытый урок по теме «Русская литература в жизни Православной церкви», и специально к этому событию художница Татьяна Спихальская буквально за три дня нарисовала восковыми мелками на холсте образ святой Параскевы Пятницы — абсолютно не каноничный, с яркими авторскими дополнениями. Словом, обычное наглядное пособие. Спустя какое-то время Татьяна Степановна уехала из Магадана, решив перебраться в Ставропольский край, а перед отъездом пода-

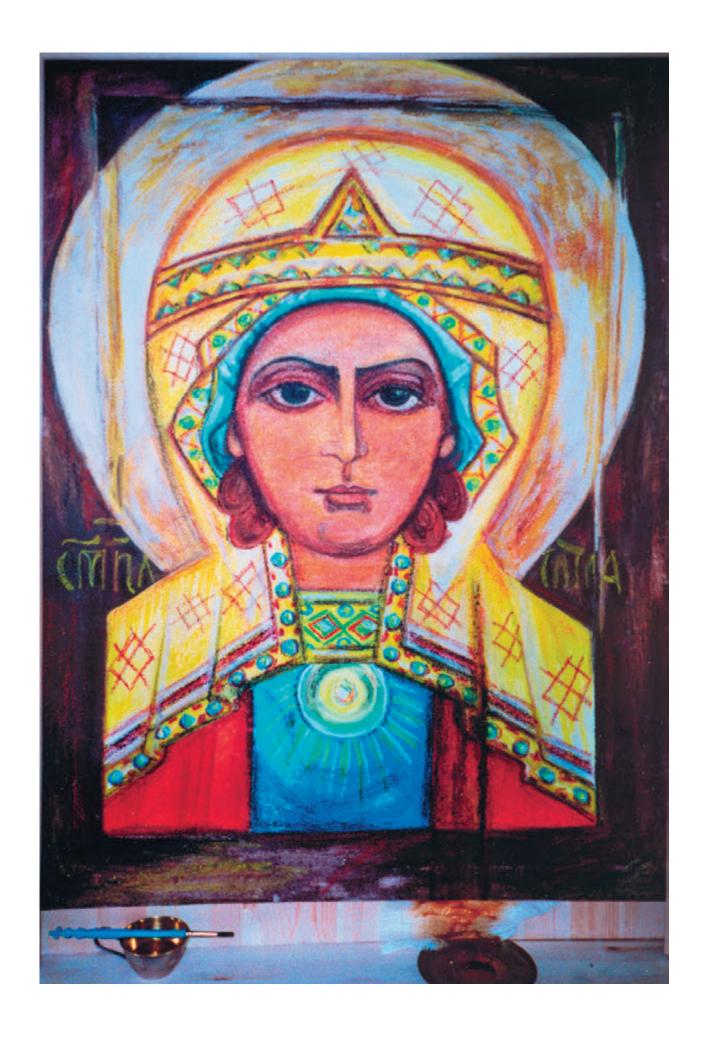
Отец Александр, настоятель хабаровской Покровской общины Русской Православной Старообрядческой Церкви и магаданский священник отец Сергий

рила эту картину отцу Сергию, который к тому моменту уже являлся председателем старообрядческой общины. Холст долго находился в кабинете, а потом священник разместил его в домовой церкви. Просто как картину.

Однако обычным украшением интерьера изображение перестало быть 28 марта 2005 года — именно с этого дня ведется отсчет магаданскому чуду. Как рассказывает отец Сергий, он молился в храме и вдруг заметил какой-то отблеск, исходящий от образа святой Параскевы. Закончив молитву, он подошел к холсту и увидел слева на ее одеждах прозрачную маслянистую каплю. Капля стала медленно набухать, потом полилась светящейся струйкой по холсту, а по храму разлилось благоухание. Стало ясно, что происходит нечто необъяснимое. Отец Сергий совершил молебен перед образом, затем поставил возле холста серебряный сосуд и закрыл храм на три дня. Когда храм открыли, увидели, что мироточение продолжается еще более интенсивно. Сообщили о происходящем в Митрополию в Москву, и уже через неделю пришел ответ: «Да, это чудо. Молитесь».

А чудеса не прекращались. На холсте проявилось еще две струи, а миро, которое изначально было прозрачно-янтарным, стало вдруг темно-красным и маслянисто-густым. Создали комиссию во главе с магаданским профессором Глотовым из научно-исследовательского института и провели тщательный химический анализ данного вещества. Анализ показал, что это органическое вещество растительного происхождения, а точнее чистейшее оливковое масло. Причем создать его можно только в лабораторных условиях и при наличии специального дорогостоящего оборудования. Что происходит с холстом, откуда берется миро и почему оно не иссякает - ученые только развели руками: «Отче, это чудо, а потому оно — в твоей компетенции».

Молва расходится быстро. Поток людей шел поклониться чудесному образу, отец Сергий совершал помазание миром от холста. Священник говорит, что зажегши свечу, ее не ставят под колпак, а потому двери старообрядческого храма были открыты для всех. К изображению святой Параскевы приходили представители практически всех христианских конфессий, а их в Магадане около 20, и даже тех, кто отвергает иконы в принципе (речь идет о протестантах). Мироточащий образ специально возили в Магаданский областной онкологический центр, где совершили молебен и миропомазание. И еще стали собирать и фиксировать факты реального исцеления. В качестве примера отец Сергий приводит два самых ярких случая. Буквально на глазах зарубцевалась тро-

фическая язва, мучавшая женщину около трех лет и грозившая ей ампутацией пальца на ноге (к слову, это мама магаданского священника). И еще: полное выздоровление мужчины с тяжелым онкологическим диагнозом, которого врачи уже считали обреченным.

По словам отца Сергия, в Хабаровск образ Параскевы Пятницы привезли затем, чтобы поставить конечную точку в цепи этих необъяснимых событиий. На съезде Дальневосточной епархии Русской Православной Старообрядческой церкви внимательно изучили все свидетельства и документы и, по благословению епископа Германа, признали образ святой Параскевы Пятницы чудотворным. Вопрос о том, что он не каноничен, отошел на второй план.

В Хабаровске чудотворный образ провел несколько дней в православном старообрядческом храме Во Имя Покрова Пресвятые Богородицы, куда также шел поток людей. Кроме того, отец Сергий и настоятель хабаровской Покровской общины Русской Православной Старообрядческой церкви отец Александр пронесли мироточащий холст по всем отделениям краевого онкологического центра. Как потом рассказывал отец Александр, в глазах людей появлялась надежда на спасение, и что ради таких мгновений, наверное, и стоит жить.

Так начался путь чудотворной иконы святой великомученицы Параскевы — одной из самых почитаемых в православии святых. В Хабаровске состоялась встреча архиепископа Хабаровского и Приамурского Марка и епископа Германа, во время которой была достигнута договоренность о том, чтобы чудотворный образ некоторое время провел в самом крупном на Дальнем Востоке православном храме — Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Затем икону повезли в Приморский край, где он побывал во всех старообрядческих приходах. В это же время состоялась встреча владыки Германа с архиепископом Владивостокским и Приморским Вениамином, после чего мироточащий образ на несколько дней был перенесен в православный храм Владивостока. Вернувшись в Хабаровск, икона святой мученицы Параскевы встречала верующих в Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Молебен с акафистом святой Параскеве Пятнице совершил Высокопреосвященнейший архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк. Глава старообрядческой церкви на Дальнем Востоке епископ Герман молился на клиросе.

Образ святой Параскевы Пятницы вернулся в Магадан, в город, где и было обретено это чудо. Но все события, связанные с ним, стали новыми страницами в истории православия на восточной окраине России, и, несомненно, продолжением диалога между Русской Православной церковью и Русской Православной Старообрядческой церковью.

Святая великомученица Параскева Пятница

(память отмечается 28 октября/10 ноября)

Святая Параскева родилась в III веке, в годы царствования императора Диоклетиана в городе Иконий в семье богатого сенатора. Родители Параскевы были истинными христианами и жили по заповедям Господним. Супруги особо почитали пятницу и проводили день в посте и молитве, щедро подавали милостыню. За это Бог послалим в день пятницы дочь, которую они назвали Пятницей, по-гречески – Параскевой.

Святая Параскева рано лишилась отца и матери. Приняв обет девства, она стала заботиться о распространении христианства среди язычников, что было очень опасно в те жестокие времена. Ее судили, подвергли страшным пыткам, а затем она приняла мученическую смерть.

Великомученица Параскева, наравне с Богородицей и Николаем Чудотворцем, всегда была на Руси одной из самых любимых святых. Вплоть до начала XX столетия ее образ находился почти в каждом русском доме, охраняя семейное благополучие. На старых северорусских иконах Божией

Матери, на обороте, нередко встречается изображение лика святой Параскевы. Русские иконописцы, как правило, изображали эту святую суровой подвижницей высокого роста, с лучезарным венцом на голове и свитком с Символом веры в руках.

Храмы во имя святой Параскевы исстари назывались Пятницами. Так же именовались небольшие придорожные часовни, кресты, а в более древние времена – столбы с изображениями святой Пятницы, которые устанавливались на перекрестках дорог и считались священными. Возле этих столбов провожали в дальнюю дорогу и встречали из дальних странствий. Здесь же девушки мо-

лились о хороших женихах, потому что святую Параскеву наряду с Покровом Богородицы считали покровительницей брака и родов, а дни Покрова и Пятницы виделись тождественными и заменяющими друг друга.

Вот как в старые времена просили Параскеву о замужестве: «Матушка Пятница Параскева, покрой меня поскорее»; «Пятница, святая мученица Парасковея, пошли мне женишка-то поскорее!» (Архангельская губерния); «Девята Пятница – Прасковья, пошли мне жениха поскорее, да к тому же поласковее» (Вятская губерния).

С особой любовью к Параскеве Пятнице относились девушки и женщины. В народе ее так и называли – «бабья святая» или «бабья заступница».

Иконы святой Параскевы украшали вышитыми полотенцами, лентами, цветами, душистыми травами, монистами. Святой Параскеве Пятнице молились о семейном благополучии, о сохранении домашних животных, исцелении тяжелых душевных и телесных недугов. Считалось, что эта святая покровительствует торговле – отсюда известные в былые времена пятницкие ярмарки. Еще Параскеву Пятницу называли покровительницей воды. Согласно легендам, ее образ нередко чудесно являлся на реке или в колодце, в результате чего вода приобретала целебную силу. При таких источниках и колодцах, называемых в народе «пятницкими» или «Пятницами», размещались иконы святой Параскевы, устанавливались часовни и кресты.

Дух дышит, где хочет

Олег ХУТОРСКОЙ,

Клирик Хабаровской епархии, благочинный 1-го округа, ключарь Спасо-Преображенского кафедрального собора, протоиерей

Явление чудотворной иконы святой мученицы Параскевы — это уже исторический факт. Одним из самых значимых событий конца 2005 года стала временная передача старообрядческой общинной мироточивой иконы Параскевы Пятницы в Спасо-Преображенский кафедральный собор для молитвенного поклонения верующих. Икона провела в храме пять дней, и за это время десятки тысяч хабаровчан смогли приложиться к образу и помазаться цельбоносным миром.

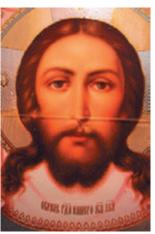
Действительно, нам было явлено чудо через образ святой великомученицы Параскевы, написанный мелками на холсте, не совсем каноничный, с явными авторскими дополнениями. Но есть и другие примеры подобных чудес. Так, в поселке Эльбан в одной православной семье мироточат иконы, выполненные обычным типографским способом в Софрино. Там же, в Эльбане, в православной церкви Священномученика Георгия Победоносца, мироточит храмовая икона. Бывает, что из календаря люди вырезают изображение иконы, и оно чудесным образом начинает мироточить. Словом, дух дышит, где хочет. Господь может свое чудо явить через что угодно. А что Он хочет сказать, над этим можно только рассуждать...

Когда образ Святой Параскевы несколько дней находился в Спасо-Преображенском кафедральном соборе, было большое паломничество. Кто-то, возможно, приходил просто посмотреть на это чудо, кто-то молитвенно обращался в своих нуждах. Но что мешает людям приходит в храм, когда мироточивая икона ушла? Ведь благодать не иссякла, она всегда пребывает с нами, если только сердце наше открыто. Об этом говорится в Евангелии, когда к Спасителю обращаются со словами: «А чем Ты докажешь свою особенность? Покажи чудо!» И он показал, накормив пять тысяч человек пятью хлебами, причем еще остатков собрали 12 коробов. На другой день люди вновь ищут Спасителя, а Он им говорит: «Вы ищете Меня не потому, что видели чудо, а потому, что видели хлеб и насытились...»

Получается, сердце у нас настолько бесчувственное, что только когда мы видим что-то сверхъестественное, нас это привлекает.

Лично для меня вопрос о чудесах — непростой. Мне кажется, Господь являет их только по нашему жестокосердию. Но ведь есть и невидимые чудеса, о которых не напишут газеты и которые может ощутить только сердце верующего человека. И если прилежно молиться, какая разница — мироточивая икона или нет? Конечно, хорошо, к примеру, поехать в Дивеево к мощам преподобного Серафима Саровского. Но что мешает у себя дома посмотреть на икону этого святого и вознести молитву? Ведь для молитвы, как и для любого чуда, расстояния значения не имеют.

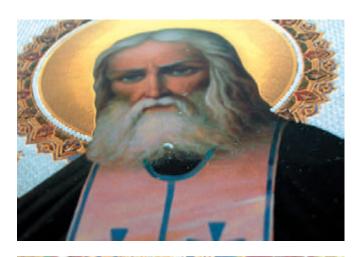
Слезы на святых ликах

Храм священномученика Георгия Победоносца в поселке Эльбан Хабаровского края. Настоятель храма – игумен Аристарх (Яцурин).

Удивительные явления, связанные с мироточением икон в храме Священномученика Георгия Победоносца в поселке Эльбан Хабаровского края, а также в доме прихожан – тоже чудо. Прозрачные капли миро на святых ликах – это важные символы надежды в нашем слишком жестоком и материальном мире.

Путь святителя Иннокентия

В Хабаровске в 2005 году состоялся крестный ход вагона-храма с мощами святителя Иннокентия по Дальневосточной магистрали. Это событие было приурочено к 200-летию со дня обретения мощей святителя Иннокентия.

Состоявшийся крестный ход организован в рамках празднования дней русской духовности и культуры «Сияние России». Он охватил три железнодорожные магистрали — Восточно-Сибирскую, Забайкальскую и Дальневосточную. Вагон-храм с мощами святителя Иннокентия посетил города и поселки Иркутской и Читинской областей, Республику Бурятия и Дальневосточный регион с конечной точкой во Владивостоке. Впервые крестный ход прошествовал по Байкало-Амурской магистрали.

Ковчег с нетленными мощами святителя перевозили в деревянной раке, которую изготовили иркутские масте-

ра, и все христиане получили возможность приложиться к святыне.

Жизнь святителя Иннокентия Иркутского — яркий пример искреннего служения Богу. Он родился в 1680 году в семье священника. Истоки происхождения святителя — в дворянском роде Кульчицких. В 1721 году Иннокентий получил сан епископа, и уже в 1727 года назначен Священным синодом епископом Иркутским и Нерчинским. При святителе Иннокентии было построено 10 храмов, открыты школы для русских и монгольских детей. Умер святитель Иннокентий 27 ноября 1731 года в возрасте 50 лет и был погребен в Вознесенском монастыре. В 1764 году во время ремонта монастырской Тихвинской церкви были обнаружены его нетленные мощи.

В 1805 году Русская Православная Церковь причислила Иннокентия Иркутского к лику святых, а его мощи были торжественно открыты и поставлены в главном храме Вознесенского монастыря. Они находились там до 1921 года, вплоть до того страшного момента, когда представители новой власти вывезли святыню из монастыря и выставили в музее под табличкой «Сибирская мумия». После этого мощи святителя Иннокентия Иркутского долгое время считались утраченными, и лишь 2 сентября 1990 года они были обнаружены в Ярославле и возвращены на иркутскую землю.

Для Дальнего Востока имя святителя Иннокентия Иркутского — знаковое. Единственный храм в Хабаровске, уцелевший от полного разрушения и обретший свое величие в 1990-е годы, носит имя святителя Иннокентия Иркутского.

«За духовное возрождение России»

Под таким названием в столице Дальневосточного федерального округа прошел съезд православной молодежи Дальнего Востока и Забайкалья.

Подобные съезды состоялись и в других регионах России — центральном, северо-западном, уральском, сибирском. Везде они были разными, проходили под сенью местных святынь, но всюду имели колоссальное значение. На восточной окраине России это крупное событие приурочили к особой дате — 300-летию православия на Камчатке.

Приветствие святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам съезда зачитал архиепископ Костромской и Галичский Александр, председатель Синодального отдела по делам молодежи. В приветствии говорилось о том, что Дальний Восток – особый край. Здесь начинается России, здесь находится земля, напитанная кровью новомучеников российских, здесь были обретены величайшие святыни – чудотворные иконы Албазинская Божия Матерь и Порт-Артурская Божия Матерь. Дальний Восток связан с такими именами, как Иннокентий Московский и Иркутский, Иоанн Шанхайский, епископ Александр Кульчитский и др. Пережив непростые времена, сегодня здесь закладываются основы духовного образования и просвещения, строятся храмы и соборы. Кроме того, решаются задачи миссионерского служения молодежи. Не случайно главным девизом съезда стало это изречение: «Стараясь сохранить единство духа в союзе мира» (Еф. 4,3).

В работе съезда православной молодежи Дальнего Вос-

тока и Забайкалья приняли участие архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, архиепископ Костромской и Галичский Александр, заместитель председателя Комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ, заместитель руководителя департамента Министерства регионального развития РФ Александр Журавский, ответственный секретарь газеты «Церковный вестник» Сергей Чапнин, председатель Синодального отдела по связям с Вооруженными силами и правоохранительными органами протоиерей Дмитрий Смирнов.

Съезд высветил имена, связанные с православием на Дальнем Востоке, например, святителя Иннокентия (Вениаминова), Патриарха Московского, обозначил наиболее острые проблемы, обрисовал ситуацию сегодняшнего дня. Но, главное, показал, как важно на современном этапе объединять молодежные инициативы в единую многоуровневую программу.

В мае 2006 года в дальневосточной столице состоялась большая акция «Пасха – Победа», которая объединила школьников, студентов и военнослужащих.

Фото автора

Подобное событие проводится в Хабаровске уже не в первый раз. В роли организаторов выступили Хабаровская епархия Русской Православной Церкви и Хабаровский пограничный институт.

В Спасо-Преображенском кафедральном соборе, самом крупном на Дальнем Востоке, был отслужен благодарственный молебен о даровании Победы в Великой Отечественной войне. У мемориала павшим воинам звучали искренние слова благодарности молодого поколения, живущего сегодня в спасенном российскими солдатами мире, воспоминания тех, кому пришлось быть на поле брани и встречаться лицом со смертью. Среди них — монахиня Елизавета, прошедшая всю войну сестрой милосердия.

Грусть сменяется радостью. Радостью победы и новой жизни. Это стало главным акцентом театрализованного концерта-былины «Я — русский солдат», который подготовили и представили студенты Хабаровского государственного института искусств и культуры.

В рамках акции «Пасха — Победа» состоялась краевая научно-практическая конференция «Патриотическое воспитание подрастающего поколения: опыт, проблемы, задачи», прошедшая под эгидой правительства Хабаровского края, Хабаровской епархии Русской Православной Церкви и Дальневосточного военного округа.

Димитровские образовательные чтения

В ноябре 2005 года в столице Дальнего Востока впервые состоялись Димитровские образовательные чтения, проходившие под эгидой Хабаровской епархии.

Организаторы приурочили это событие к празднованию 625-летия Куликовской битвы и 60-летию Великой Победы, потому что, по словам архиепископа Хабаровского и Приамурского Марка, столь важные исторические даты тесно связаны с православием.

Богородица Порт-Артурская, заступница дальневосточных земель

В самом крупном православном храме Дальнего Востока – Преображенском кафедральном соборе – состоялось освящение иконы Пресвятой Богородицы Порт-Артурской.

Из уральской яшмы и смальты (плавленого стекла) святой образ запечатлел народный художник России, лауреат государственных и международных премий Геннадий Дмитриевич Павлишин. Икону он передал Хабаровской епархии. Обряд освящения Порт-Артурской иконы Пресвятой Богородицы совершил архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк.

Это уже не первая духовная работа Геннадия Павлишина. Из камня и смальты художником созданы образы Святого Преподобного Серафима Саровского, украшающий одноменную часовню в Хабаровске, воина-мученика Виктора, установленный на часовне Святого Мученика-Воина Виктора, а также Спас Нерукотворный над входом в Успенский собор на центральной площади дальневосточной столицы.

Порт-Артурская икона — святыня Владивостокской епархии, оригинал находится во Владивостоке. С ней связана интересная история. За два года до начала Русско-японской войны, в декабре 1903 года, матросу-богомольцу, усердно молившемуся в Киево-Печерской лавре о русском флоте в Порт-Артуре, во сне явилась Богородица. Она велела изготовить ее образ, точно отображающий видение и отправить икону в Порт-Артурскую церковь. Матрос в точности исполнил этот наказ, и, по преданию, икона была написана иноками Киево-Печерской лавры.

Девизом Димитровских образовательных чтений стали слова святого благоверного князя Александра Невского: «Русь Святая! Храни веру Православную, в ней же тебе утверждение». Главная задача чтений — обобщить имеющийся опыт для духовного возрождения и воспитания молодежи.

В чтениях приняли участие преподаватели Хабаровской духовной семинарии, вузов, представители молодежных православных организаций, а также представители Дальневосточного военного округа. Отчасти потому, что на Димитровских чтениях армия рассматривалась как важный институт воспитания молодежи. Участники образовательных чтений в своих докладах пытались без громких слов и высокопарных фраз говорить о патриотизме, его истинном значении и звучании. Потому что, несмотря на смену времен, понятия чести, долга, любви к Родине остаются неизменными. Хотя есть и не слишком радужные моменты. К примеру, социологический опрос 2005 года показал, что для большинства молодых жителей Хабаровского края быть гражданином — всего лишь формальная принадлежность к государству.

Столетие назад русские потерпели поражение в Цусимском сражении, святой образ был утерян, однако в конце прошлого века икону вновь обрели дальневосточные паломники в... Иерусалиме. Затем она вернулась на дальневосточные земли, во Владивосток.

Материалы, выбранные Геннадием Павлишиным для иконы Богоматери Порт-Артурской, не случайны. И яшма, и цветное стекло (смальта) издавна использовались для сотворения икон. Работа художника потрясает своими объемами: ее ширина составляет полтора метра, высота — более двух.

После недельного пребывания в Спасо-Преображенском соборе икона Богородицы Порт-Артурской отправилась на Уссурийский остров, где ее разместили над входом в часовню Святого Мученика-Воина Виктора. Верующие надеются, что Богородица, Заступница за Русь, оградит своими молитвами дальневосточную землю.

Елена ГЛЕБОВА

Уматушки Елизаветы

Александр ЛЕПЕТУХИН Хабаровск

Матушка Елизавета с монахиней Марфой из Марфо-Мариинской обители милосердия Владивостокско-Приморской епархии

Перед отъездом на Дальний Восток. 1947

Гвардии рядовой запасного зенитного полка Вера Дмитриева (справа). 1944

Душа оживает и сердце смягчается рядом с добрым человеком. Такой была моя встреча с Верой Ивановной Дмитриевой, медицинской сестрой Великой Отечественной войны, а ныне православной монахиней матушкой Елизаветой.

Знакомство

Встречал я Веру Ивановну в храме Святого Иннокентия Иркутского. Сначала просто обратил внимание на улыбчивую бабушку, с которой многие раскланивались. Потом увидел ее в монашеском одеянии и узнал, что новое ее имя — матушка Елизавета. В газете «Православный вестник Приамурья» прочитал ее стихи и воспоминания о войне. В них рассказывалось об удивительных случаях спасения от неминуемой гибели.

Вскоре пришел я к матушке Елизавете со своей папкой, чтобы записать ее рассказы.

Внешне матушка Елизавета выглядит очень миниатюрной. Монашеское одеяние придает ей серьезную строгость. Глаза светло-голубые, очень живые и ясные. Она большая юмористка. Но главное, матушка оказалась редкой рассказчицей. Разменяв девятый десяток, она сохранила завидную память.

Из давнего далека

Родилась Вера Ивановна Дмитриева в Ставрополе в 1923 году. По отцовской линии она украинка из потомственных землепашцев, но ее отец, Иван Никонович Чапленко, стал медиком. Мама, Эмилия Игнатьевна, — красавица полька. Рано осталась сиротой. Сестра ее вышла замуж за русского офицера-связиста. Когда началась Первая мировая война, кайзер Вильгельм II дал двое суток, чтобы желающие могли уехать из Польши в Россию. Сестра Альбина взяла Эмилию с собой.

— Мама стала санитаркой 721-го военного госпиталя. Там она и встретила своего хохла Ивана, военного фельдшера. Родилась я в воинской части. Была маленькая, как рукавичка. Отец сунет меня за пазуху и унесет. Мать примется меня искать А я сплю в казарме на солдатской подушке. Солдаты меня нянчили...

Маленькой Вере было два годика. Жила она тогда с родителями в деревне. Мама заболела. Отец сказал дочери: «Иди, Вера, во двор. Побегай».

Побегала она, побегала, пришла домой, а там маленькая сестренка кричит.

- Откуда она взялась? удивилась Вера.
- В капусте нашли, доходчиво объяснил отец.

Вера пошла в огород, стала бродить среди капусты.

- Что ты там шукаешь? спросила соседская старушка.
- Девочку.
- Дак у вас вжэ есть одна.
- Еще одну.

Но вторая сестренка нашлась только через два года. Маленькой Вере пришлось стать нянькой для младших сестренок.

С особой теплотой вспоминает матушка Елизавета свою бабушку Марфу.

— Была она большая молитвенница. Это она научила меня молиться. А как мудро приучала она меня к Евангелию. «Почитай мне, — говорила, — бо я вжэ не бачу». Не заставляла читать, а просила помочь. Стала читать. Заинтересовалась. Это такая мудрость. Времена были какие... Тогда Библию могли отобрать. Могли посадить. Поэтому ее прятали.

Был у бабушки Марфы пророческий дар.

- Будут люди богатые, но злые, говорила она внучке, будут девицы бесстыжие лица. Будет еще одно избиение младенцев. Всего будет много, а ничего не купишь. Будете воду покупать.
- Қак так, богатые, но злые? Разве так бывает? удивлялась Вера и представляла себе бесстыжих девиц почему-

то с ярко-красными лицами и народ с деньгами, стоящий в очереди у колодца. — Разве так бывает, бабушка?

- Мэнэ не будет, а ты побачишь.

Все побачили. Воду покупаем. В магазинах всего полно, а что на пенсию купишь? Два миллиона абортов в год. Сколько же это уничтожили детей за годы «реформ»? Целую страну. Девицы приспустили штаны, чтобы все видели выколотых на задницах драконов и летучих мышей.

Нелегкую жизнь прожила матушка Елизавета. Порой смерть подходила к ней совсем близко.

- Может, благодаря молитве я живой с фронта пришла? — говорит матушка задумчиво и добавляет:
 - Спасибо бабушке Марфе.

Несколько воспоминаний

В Гражданскую войну отца матушки Елизаветы чуть не расстреляли. Приняли за белого офицера — двойника. Поставили на край ямы. «Скажи, — говорят, — последнее слово». А на Ивана Никоновича сон нашел. Стоит он и сквозь дрему грезит: «Вот... потом... приду домой... расскажу жене... а как же я ей расскажу... ведь меня не будет...»

Время словно остановилось. Но тут показались на дороге люди, раненые из госпиталя. Кто на костылях, кто едва не ползком. «Не убивайте нашего фельдшера!» — кричат. Подскочил друг детства, комиссар, стал рядом: «Стреляй рабочий класс! Я с этим «белым офицером» вместе свиней пас!»

В другой раз спасла его Вера. Было ей тогда лет двенадцать.

Иван Никонович был талантливым медиком. Сам делал небольшие операции, пломбировал зубы, готовил лекарства. Но главное, был он редкостный диагност. С порога, едва взглянув на человека, мог поставить правильный диагноз и очень радовался, когда диагноз подтверждался.

Чужой талант — укор завистливой бездарности. Кто-то из коллег написал донос. Арестовали Ивана Никоновича и отправили в лагерь. Может, и сгинул бы он там, рассыпался, превратившись в «лагерную пыль», как многие, если бы не дочка. Села Вера за стол и принялась сочинять письмо дедушке Калинину: «Дорогой дедушка Михаил Иванович, освободи моего папу...» Сколько тогда писалось таких писем? Кто обращал на них внимание? Однако случилось чудо. Калинин сам прочитал письмо и подчеркнул все места, где его называли дорогим дедушкой. Растрогался и написал резолюцию: «Разобраться!»

Так и не пришлось Ивану Никоновичу достраивать Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.

1941 год

Вера заканчивала Бутурлинскую школу медицинских сестер. Последний экзамен по хирургии назначили на 22 июня. Накануне девушки-медички до рассвета готовились к экзамену, читали, писали шпаргалки. Потом решили перейти к практическим занятиям. Забинтовали подруге Марии руки, ноги, голову и понесли ее в дом. Решили пошутить. Но квартирная хозяйка увидев, что в дом вперед ногами вносят забинтованного человека, сначала страшно испугалась, а потом расстроилась: «Не к добру эти ваши шутки! Не к добру...»

Девушки вышли во двор. Вдруг распахнулась дверь, и выскочил квартирант, лейтенант Вася. Растолкав их грубо, прыгнул через забор и помчался сломя голову.

Девушки опешили. «Нас Вася толкнул, — пожаловались они хозяйке. — Война началась».

Жизнь переломилась. Девушка Маша, та самая веселая хохотушка, в первом же бою была тяжело ранена. Жива ли осталась, этого матушка Елизавета не знает.

Саму ее на фронт не взяли. «Мала», — сказали и отправили работать в больницу.

Фронт сам пришел к ней.

Оккупация

Наши войска с боями отходили на восток. Немецкие самолеты бомбили станцию, город, села. Днем медики работали по специальности, ночью в поле. Вязали снопы, таскали их к молотилке. Спать было некогда.

Наступила зима с обильными снегопадами и морозами. Однажды утром увидели вдали белые фигуры, которые несли что-то на руках. Беженцы? Бабушка Варвара, 85-летняя санитарка, сказала: «Это немцы».

В больнице среди больных лежали три наших раненых разведчика, их решили выдать за местных жителей. Переодели в гражданское, на дверях нарисовали кресты — инфекция.

Врачей в больнице уже не было, все эвакуировались. Остались только медсестра Вера, молоденькая акушерка Аня и бабушка-санитарка.

Немцы появились только через неделю. Увидев черные кресты на дверях, потребовали истории болезней.

- Что это за раненые у вас? Командиры?
- Нет, колхозники. Местные жители из дальних сел. Приехали повидаться с родственниками и были ранены на станции. Их привезли к нам в больницу, потому что в районной не было мест.

Немцы поверили. Но через неделю их воинская часть ушла. В село пожаловали финны. Местный староста привел их, пьяных, в больницу поразвлечься. Деваться было некуда. Вера стала шептать молитву, только чудо могло спасти их. Ане удалось вывернуться из лап пьяного офицера и в одних тапочках убежать в деревню. Офицер повернулся к Вере. Она рванулась, заскочила в пустую комнату, где ее спрятала под кроватью бабушка Варвара.

— Лежу на полу в нетопленой комнате, вижу — открылась дверь, появились сапоги. Принес он солому и стал поджигать, чиркать спичками. Слышу, спички вспыхивают, а солома не загорается. Бабушка, слышу, повторяет: «Пан... пан...» А я лежу и молюсь: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его...» Солому он не смог зажечь.

Через час в комнату вошла бабушка, говорит: «Вылазь, супостат ушел...» А в руках она все это время держала старинную икону Владимирской Божьей Матери. Вот кто нас спас! Начнись пожар — и мы погибли, и больные....

Потом немцы и каратели из села исчезли. Появились наши саперы.

Когда начались бои, девушек позвали помогать в госпиталь. Операционные сестры, девушки-казашки, не выдержали напряжения бессонных ночей, упали прямо у операционных столов и заснули. Вера и Аня стали на их место. А поток раненых все шел и шел... Вера устроилась вольнонаемной в военный госпиталь. Немцы подходили к Дону, и госпиталь эвакуировали под Сталинград. В товарных вагонах на двухъярусных нарах лежали раненые. В пассажирских вагонах был операционный блок, там днем и ночью шли операции во время движения поезда.

Лето 1942 года. За окнами поезда цветы и травы по пояс. Словно и нет войны. Неожиданно налетели фашистские самолеты. На верхних нарах лежал раненый, у которого были ампутированы руки и ноги. Когда санитарки вошли в вагон, чтобы его снять, то увидели, что он лежит на полу. Спраши-

вают: «Кто тебя снял?» — «Я сам». — «Как сам? Как это у тебя получилось?» — «Не знаю».

Осмотрели его: повязки не кровоточат. Женщина из местных говорит: «Чему вы удивляетесь? Ангел его снял». Чудо!

Вот еще один случай, о котором рассказала матушка Елизавета.

— Мы на передовой. Идет бой за станцию Синельникова. Раненых отправили. Лежу в окопчике, у меня приступ малярии, температура 40,3 градуса. Лежу и повторяю Псалом 90. Идет артобстрел. Слышен лязг приближающихся танков. Все ближе и ближе. Четыре солдата-минометчика волнуются. А у меня температура. Мне безразлично. Лежу, шепчу молитву. Слышу, шелестит снаряд. Не воет, значит, прямое попадание. Снаряд воткнулся в шаге от меня, но не разорвался. А танки все ближе и ближе. Вдруг налетели наши самолеты и разбомбили их в пух и прах! Ребята плакали от радости. А мне говорят: «Ты в сорочке родилась. Мы ведь тебя хотели убить, чтобы в плен не попасть, а потом себя. Бросали жребий, кто тебя... Ни у кого рука не поднялась... А тут соколики...»

С ангелом-хранителем лицом к лицу

Случалось матушке Елизавете встречаться со своим ангелом-хранителем лицом к лицу.

«Виноградники под Тирасполем. Ранняя весна. Чуть листочки пробиваются на кустиках. Иду по склону. Начался минометный обстрел. Страшно. Бьет шахматным порядком, стервец. Падаю под куст, молюсь. Страшно. И вдруг внутренний голос диктует: «Уйди». Хороший такой голос. Но откуда мне знать, куда упадет мина? Вновь властный приказ: «Уйди!» — и какая-то неведомая сила поднимает меня за шиворот. Надо подчиняться. Пошла влево, а невидимая стена не пускает. Ушла вправо, потом вверх по склону. Падаю под куст. Смотрю на то место, где только что была. И зачем ушла? Вдруг взрыв — и куст, под которым лежала, взлетел. Чудо!

А однажды после изнурительных боев остановились мы в поселке Новая Одесса. Ожидали пополнения. Был ясный день, и все время налетала вражеская авиация.

Хозяйка, у которой остановились, все предлагала мне в погреб спрятаться, где уже были ее мать, дети, соседи, солдаты. А сама с мужем ждала, когда отелится корова. Маленькая девочка, ее дочь, крутилась тут же.

Вдруг опять бомбежка. Заглянула я в погреб — там солдаты не нашей части. Один, молоденький, принялся меня дразнить. Я показала ему язык и убежала. Пришла в наш хозвзвод, заскочила в сарай под крышей от осколков спрятаться. Там три лошади. Смотрят, а в глазах белый ужас. Я от страха стала с ними разговаривать, а сама прилегла в сторонке на соломе. Лежу, читаю псалом. Лошади успокоились. Сделали могучий выдох и полегли одна за другой. Теперь я понимаю: животные все чувствуют, не говорят только...

Кончился налет. Ни один осколок рядом не упал. Пришла я к дому, где остановилась, вижу — на месте погреба яма и дымок идет.

Корова отелилась. Рядом хозяин и хозяйка стоят бледные. С ними малышка.

 Вот и вся моя семья из девяти человек, — сказала хозяйка, а сама в шоке, не плачет даже».

Два года выносила сестричка Вера раненых с передовой, смерть стояла совсем близко, сколько гибло рядом врачей, медсестер, санитарок, а она ни разу не была ранена. Словно Господь хранил матушку Елизавету. Однажды она увидела, как со стороны взрывов возникало раз за разом зримое для глаза гигантское крыло, прикрывающее ее от осколков.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЯДОМ

— Взрыв. А я смотрю, крыло меня прикрывает. Похожее на голубиное, только большое очень и уходит куда-то вверх. Отчетливо вижу его боковым зрением, а посмотрю прямо — оно исчезает. Осколки шелестят, режут все вокруг, а у меня даже шинель не задевает.

Матушка Елизавета записывала для памяти некоторые военные эпизоды. Они были опубликованы. В бесхитростных стихах описала то, что пришлось ей пережить:

Меня Господь провел через войну. Хранил меня от пуль и от снарядов. Я перед Ним осознаю вину, Как вспомню — слезы льются градом. Мой светлый ангел был всегда со мной, Я под его крылом была хранима, Хоть страшен был мне минометный вой, Но все осколки пролетели мимо... Медсестры видели погибших на полях И раненых, больных и обожженных, Их выносили на своих руках, Писали письма матерям и женам. С молитвою мы были на войне. Поэтому, надеюсь, сохранились. Я маму видела в коротком сне. Они, конечно, с бабушкой молились. А ведь молились многие на фронте. Кто как умел, как знал и кто как мог. И в самую ужасную минуту я повторяла: «Да воскреснет Бог!» Стонали раненые: Господи, помилуй. Сестра, спаси, сестрица, помоги!... Снаряды падали то рядом, то летели мимо... И да воскреснет Бог, и расточатся лютые враги!

Мне запомнились слова матушки Елизаветы о том, как она жалела пленных немцев, как оплакивала их... Увидела однажды, что наши пленного немца бьют, кинулась на защиту. «Он отстреливался. Пули кончились, вот и взяли». — «Взяли, нечего бить. Ведите куда надо, там разберутся».

— А несколько лет назад я маму видела во сне. Речка такая голубая, трава зеленая. Мама спрашивает: «Тяжело вам?» — «Тяжело. А ты откуда, мама, знаешь?» — «А мы отсюда все видим».

Не сразу согласилась матушка Елизавета вспоминать свою жизнь под запись. Но потом решила: «Ладно, пиши во славу Божью. Мне это не нужно, но может, кто-то прочитает и задумается. Хотелось бы в это верить».

Под Казачьей горой

Живет матушка Елизавета, 82-летняя старушка, в Хабаровске под Казачьей горой. Не в монастыре живет, в миру. Приходят к ней люди, всех встречает она с любовью. А сама из дому почти не выходит. Нет здоровья. Здоровье на фронте осталось.

- Вы не устали? спрашиваю я матушку Елизавету. Может, приляжете?
- Нет, солдату лежать не положено, смеется матушка. А знаешь, когда на улице молодежь гуляет, песни поет, я спокойно сплю. Если тишина, просыпаюсь. Для фронтовика тишина это котел, окружение. А саперы терпеть не могут тиканья часов... Знаешь, был у меня вещий сон, который исполнился через сорок лет. Ехали мы эшелоном на фронт, а у меня рожистое воспаление началось, температура. Сняли меня, положили в госпиталь. Как я не хотела

с нашими расставаться! Все думала, как бы к ним добраться. И вдруг вижу сон. Бурная река. Нырнула я, а на том берегу меня встречает мама: «Как же ты сюда попала? Такая опасная река, а ты плавать не умеешь. Как ты не погибла?» Нырнула я снова и вижу зеленую равнину, всю в небольших озерах. У каждого озерца сидят по три-два человека. И все из нашей части. Родные!

В 1984 году на Украине была встреча фронтовиков-однополчан. Там я узнала, что весь мой полк погиб под Шарпенами. Осталось от каждого подразделения по два-три человека. Разведчик, меня узнавший, все удивлялся, что я жива осталась. Сон этот я видела в 1944 году, но запомнила навсегда.

После войны матушка Елизавета работала в военном госпитале, лечила солдатиков. Однажды военных медиков вывезли на учения в поле.

Попросили меня написать боевой листок. Села я и написала:

Утреннее солнце всходит. Машины все на ходу. Снова на нас гимнастерки, Как в сорок первом году...

Едем в автобусе. Все разговаривают. А я сижу в уголке, пишу и плачу.

Стихи матушки Елизаветы очень простые. Они не блещут совершенством формы. В них нет сложных ритмов и неожиданных рифм. В них есть другое — правда мыслей и чувств.

Осенний лист летит, летит, И вьюжит вихрем вьюга желтая. Шагает молодость в строю, Идет бригада сто четвертая...

Это ее бригада. Она помнит этих навсегда молодых солдат и молится о них. Есть у матушки Елизаветы стихи-молитвы, есть стихи о России, о нашем смутном времени. Она пишет стихи-вразумления. Она просит будущих мам не убивать своих неродившихся детей...

— Однажды писала я рецепты, вдруг вбегает санитарка Мария Петровна, а сама аж трясется: «Посмотрите, что это такое!» Зашла. Гляжу, а в печке младенец. Ручками вот так водит, и пальчики сложены как для крестного знамения. Ты это напишешь? Хотела бы я, чтобы это прочитала женщина, убившая ребенка. С тех пор санитарка никогда не подходила к абортичкам. Если звали, говорила: «Душегубы! Не подойду!» А еще хотят, чтобы мы хорошо жили. Слезы нерожденных детей доходят, уже давно дошли до Бога. Как-то позвали батюшку нашего освящать больницу. Он освятил, а гинекологию отказался: «Там работают душегубы». Россию ругать не надо. Не Россия виновата. Это мы ее довели своим безбожием.

О, Родина! Ты не имеешь крова, Тебя пожар великий разорил, И видит Бог, сначала было слово, Которого Господь не говорил.

Я абсолютно согласен с матушкой Елизаветой. Плохая жизнь начинается со слов лжи. Чтобы принять в себя зло, а потом, выпестовав, выпустить наружу, надо его сформулировать.

То же самое и с добром. Все мы нуждаемся в добром слове. Сказать его может только любящий человек. Мне повезло. Я встретился с таким человеком.

«Крест – хранитель всей Вселенной...»

Галина ЕГОШИНА,

искусствовед, главный специалист Управления Росохранкультуры по ДФО Хабаровск

Фото 1.

Крест-распятие поморского типа. Конец XIX века. Медный сплав, литье. эмаль

В пору моего детства в маленьком таежном поселке, где я родилась, бабушки имелись далеко не у всех. А у нас была замечательная бабушка — величественная старуха с красивым лицом в глубоких морщинах, с умными выцветшими голубыми глазами. По будням она носила длинные черные юбки, которые сама вручную шила, прикрепив ткань булавкой к забавному приспособлению — «самошвейке».

Бабушка была из единоверцевстарообрядцев, в храмах которых служили новообрядческие батюшки. Она завела в доме строгий старообрядческий порядок: у каждого была своя кружка, тарелка, полочка для книг на этажерке, свое место за огромным круглым столом.

В кладовой у бабушки был красивый сундук из красного дерева. А в сундуке сокровища: сушеная малина, мешочки с травами, которыми она ле-

чила всю семью, а в особом отделе — несколько икон. Когда дома не было взрослых, мы с младшим братом вынимали иконы и рассматривали. Особенно нам нравились кресты. Один, самый маленький, чуть больше десяти сантиметров, поразил нас фигурой распятого Христа с гвоздями в руках и надписями вокруг креста. Изображение притягивало. Мы рассматривали его снова и снова, силясь понять таинственные надписи. Спрашивать было нельзя. Во-первых, могло попасть за самовольное обследование сундука. Во-вторых, отец был коммунистом, и, несмотря на огромную любовь и уважение

к матери, не поощрял «поповскую» пропаганду в своем доме.

Так случилось, что прочитала я эти загадочные надписи очень нескоро, в конце 1980-х годов, когда работала в Дальневосточном художественном музее и заочно изучала искусствоведение в Уральском университете. На втором курсе я написала курсовую работу, посвященную палехской иконописи. Тогда же в сферу моих научных интересов навсегда вошла меднолитая старообрядческая пластика: кресты, образки, складни.

Кресты — самая массовая часть медного литья. В каждом музее их несколько. Они различаются по назначению, величине и декору. Наиболее полно сохранились напрестольные кресты XIX — начала XX века. Они отливались в различных областях: на Урале, во Владимирской, Новгородской и

Петербургской губерниях, в Москве и Подмосковье, в глухих староверческих скитах. Меднолитые изделия широко бытовали не только в старообрядческой, но и в православной среде.

Старообрядческие восьмиконечные напрестольные кресты, или «Распятия Христовы», обязательно имеют внизу косую перекладину, к которой были прибиты ноги Иисуса Христа. В верхней части креста старообрядцы поповских согласий помещали Бога-отца в виде «Царя славы». Они называют его еще «Господь сил». Обычно изображение по-

Фото 3.

Крест-распятие поморского типа. XIX век. Медный сплав, литье, эмаль

коленное, Саваоф (Бог-отец) помещен на облаке, обе руки широко разведены в благословляющем жесте. Нимб чаще всего комбинированный: восьмиконечная звезда, вписанная в окружность. Звезда образована двумя наложенными один на другой квадратами или ромбами с вогнутыми гранями. Нижний означает землю, верхний — небо.

Нимб в форме восьмиконечной звезды — основное отличие Бога-отца от Иисуса Христа, который тоже может быть изображен в виде «Царя славы». У Богасына нимб «крещатый» — сияние в форме круга, расчлененное крестом с греческими буквами на его концах $O\Omega$ N. Они означают «сущий от века». Если мы видим вверху Саваофа, то чуть ниже обязательно расположено изображение другой ипостаси единого Бога — Дух Святой в виде голубя.

Итак, сверху вниз, Бог-отец, Бог Дух Святой и распятый на кресте Бог-сын — Иисус Христос. Таким образом, перед нами своеобразная схема Троицы.

Тот, кто будет внимательно рассматривать напрестольные кресты, заметит одну примечательную особенность — форма креста повторяется в композиции дваж-

ды: сначала это внешние границы креста, затем — в центре композиции — Голгофский крест с фигурой распятого Иисуса Христа.

Беспоповские (поморские) кресты отличаются изображением Нерукотворного Спаса («Спаса на убрусе») в верхней части. Изображение Спаса сопровождается, как правило, надписями: «Образ нерукотворенный» и ниже — «Црыславы».

Слетающие вниз ангелы с убрусами (полотенцами через руку), изображенные на концах верхней перекладины, присутствуют и у беспоповцев, и у поповцев. А вот голубя, окруженного сиянием, — Святого Духа — на крестах беспоповцев нет.

Если положить перед собой поповский и беспоповский, или поморский, крест, явственно проступят и другие различия. На второй перекладине крестов поморского

типа (со «Спасом на убрусе») обязательно присутствуют светила: солнце и луна в виде круглых масок. Они подписаны: «СЛНЦЕ» и «ЛҮНА». На поповских крестах светил нет, вместо них по обе стороны от рукавов Голгофского креста надпись с титлами (хризма): «ІС ХС» (фото 1, 3, 5).

Над головой распятого Христа, на верхней перекладине Голгофского креста, у старообрядцев-поповцев надпись из четырех заглавных букв: «ІНЦИ», которая расшифровывается так: «Иисус Назареянин Царь Иудейский». У поморцев на этом месте (хризма): «ІС ХС».

Последнее несовпадение между напрестольными крестами основных толков старообрядчества — надписи над верхней перекладиной Голгофского креста. У поморцев написано: «Сын Божий». У старообрядцев-поповцев — пояснительная надпись «Распятие Господа нашего Иисуса Христа». Существуют, правда, напрестольные кресты, на которых присутствуют одновременно и те и другие признаки. (фото 6). Очевидно, это связано с особенностями одного из многочисленных тол-

ков старообрядчества.

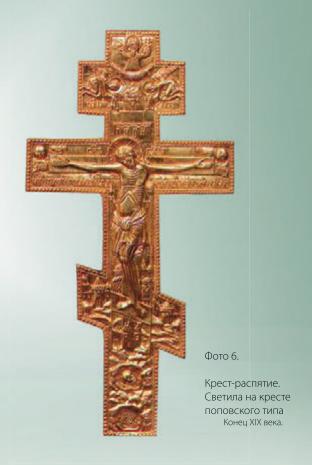
Сам термин «поморское литье» очень условен и обозначает не столько принадлежность к толку, сколько тип изделия. Правильнее следует называть подобные изделия крестами поморского типа. Широкое распространение изделий поморского типа в старообрядческой и новообрядческой среде современные исследователи связывают с высокой оценкой их качества. Собор старообрядцев-федосеевцев, к примеру, в 1751 году определил поморские меднолитые изделия как «истинные».

 ${\bf A}$ во всем остальном кресты различных толков совпадают, а зачастую и выполнялись по одному образцу.

Под широкой перекладиной Голгофского креста вы обязательно прочтете «Кресту твоему поклоняемся и святое воскресенье твое славим», на косой перекладине — «МЛРБ» («Место Лобное Рай Бысть»), рядом с

черепом Адама в условно изображенной пещере — « ΓA » (Γ лава Адамля).

На косой перекладине можно увидеть также архитектуру — условное изображение града Иерусалима.

Гора Голгофа передана авторами литейных форм поразному: то это вполне узнаваемый намек на гору, то некое нагромождение неправильных форм — камней, то грубоватая решетка — совершенно условное понимание горы, ее символ.

Часто кресты имеют орнаментированные поля, которые образуют еще один, третий крест. Обратная сторона богато украшена. Чаще всего здесь плетется-заплетается пышная, в духе позднего барокко, виноградная лоза с сочными листьями, пышными цветами и гроздьями. Иногда вместо лозы иной узор, но он только кажется другим, по сути это та же лоза, только выполненная схематично, в виде геометрического орнамента. По характеру этого узора, его мотивам исследователи могут определить место изготовления креста. Часто здесь помещается также строгая поучительная надпись, которая начинается так: «Крест — хранитель всей Вселенной, крест — красота церковная, крест — царям держава ...».

Очень редко встречаются напрестольные кресты поморского типа, на которых вместо ангелов другая небесная сила — херувим, а вместо светил поясные изображения Богоматери и апостола Иоанна Богослова.

Если дополнить этот крест двумя пластинами по обе стороны от распятия, под широкой перекладиной, получится киотный крест (фото 2). На левой пластине Богородица и святая Мария (иногда Марфа), на правой — святой Иоанн Богослов и сотник Лонгин.

В XIX столетии киотные кресты получили дальнейшее развитие в поповской среде. В композицию стали включаться иконки с различными евангельскими сюжетами. Чаще всего это были двунадесять господних праздников. Завер-

шались такие композиции рядом изображений херувимов в верхнем ярусе. Такие сложные изображения называют «Распятие Христово с предстоящими и избранными иконами». Это уже не крест, а сложная икона, состоящая из множества изображений. Она играет роль переносного иконостаса и в быту называется патриарший крест (фото 4).

Богато украшенные разноцветными эмалями, сияющие позолотой патриаршие распятия производят огромное эстетическое впечатление. Эти кресты играли важную роль в убранстве староверческих моленных. Описания таких крестов встречаются в нескольких делах об изъятии «раскольничьих икон». Основанием для изъятия могло служить следующее присутствующее в одном из таких дел объяснение: «Означенный крест не согласен с изображениями, употребляемыми в православной церкви. На православных образах, выше всякого изображения, представляется Божество, на освидетельствуемом же образе представлена Божия Матерь с Предвечным Младенцем на Ея руках выше Триипостасного Божества, и все святые лики изображены с двуперстным благословлением, а силы небесные, изображаемыя на православных иконах служащими и предстоящими Богу со страхом и трепетом и в благоговении закрывающими лица свои сению крыл своих, представлены парящими вверху всех изображений, с открытыми лицами».

Такие кресты, предположительно, происходят из подмосковных мастерских с. Гуслицы. Херувимы в верхнем ряду креста или образа — отличительная черта гуслицкого литья, считают многие исследователи. Сейчас их сохранилось немного, т. к. большое количество патриарших распятий было переплавлено в годы борьбы со старообрядчеством еще во времена империи. Еще большая их часть погибла во времена воинствующего атеизма в первые десятилетия после Октябрьской революции. Наша задача — бережно хранить то, что осталось.

Герман (САВЕЛЬЕВ), Епископ Дальневосточной епархии Русской Православной Старообрядческой Церкви Хабаровск

Под пристальным вниманием Божественного Ока

Фото из архива автора

После разгрома советской властью Дальневосточной епархии Древлеправославной Церкви Христовой (ныне Русская Православная Старообрядческая Церковь) в 1930-х прекратили свое существование многие старообрядческие храмы, в том числе в Хабаровске и его окрестностях. Только после долгих десятилетий ожиданий, в октябре 1995 года, освятили храм во Имя Покрова Пресвятыя Богородицы – первый из храмов, построенных в Хабаровске по ул. Ильича, 28 в 1990-е.

Протоиерей Кондрат Фефелов, настоятель храма во имя святителя Николы, пос. Николаевск, Аляска, США

Отец Александр Чукаленко, настоятель Хабаровского Покровского храма. Освящение воды

То, что храм Покрова Пресвятыя Богородицы построили и освятили именно в Хабаровске, не случайность. Господь говорит: «Без меня не может упасть и волос с вашей головы». Поэтому случайностей в нашей жизни не бывает. Если мы люди верующие, то знаем, что любое наше движение в направлении добра или зла находится под пристальным вниманием Божественного Ока и Ангела Хранителя — наставника в нашей духовной жизни. Понятно, что это не чистая случайность, а милость и благоволение Божие. Значение открытия Покровского храма в том, что он спустя 10 лет стал центром Дальневосточной епархии Русской Православной Старообрядческой Церкви.

Как показывает история, успех любого предприятия возможен только при определенных усилиях. После Великой Отечественной войны хабаровские старообрядцы предприняли ряд попыток получить разрешение открыть или построить свой храм, но им отказывали. С тех пор богослужения проходили в частных домах при закрытых шторах. Люди все равно собирались на совместную молитву и окормлялись священниками, которых командировала сюда Московская архиепископия из разных мест Советского Союза. В 1990 году, через два года после регистрации хабаровских старообрядцев белокриницкого согласия Советом по делам религий при Совете министров СССР, вновь возникает идея постройки собственного храма.

С 1991 года на строительство храма стали собирать деньги. Верующие начинали с нуля. Люди вкладывали свои средства с такими словами: «Я собирала на смерть, отдаю сейчас. Потом за меня помолитесь, похороните». Деньги приходили даже из Приморья. Почти ежемесячно средства вносили многие верующие старообрядческой общины. Осталось три тетради учетных записей. Но это мизер по сравнению с денежным взносом протоиерея Кондратия Фефелова, проживающего на Аляске. Он приехал в Хабаровск в середине 1992 года и привез 6 000 долларов. Эти средства положили на счет в банк. Потом отец Кондрат привозил взносы еще несколько раз и говорил: «Вот собрала община на Аляске – передает деньги». Он же сделал вклад в приобретение дома для настоятеля Покровского храма, священноиерея Аркадия Кутузова. Невзирая ни на какие трудности, он очень помог хабаровским старообрядцам. Отец Кондрат даже привез с собой инструмент и на коленях пилил доски, зашивал стены, устраивал алтарь. Прихожане сейчас говорят, что по тем возможностям, что у нас были, мы построили дворец. Они вспоминают, что из властей никто прямо не помогал. Пришлось организаторам строительства претерпеть большие унижения. Вначале организовывать взялась Нина Константиновна Фефелова. Написали даже письмо митрополиту Московскому и всея Руси Алимпию. Потом она уехала в Америку. Часть забот несла Любовь Владимировна Левина, часть — Елена Павловна Фаст. Под будущее строительство выбрали и утвердили участок по улице Ильича. В сентябре 1992 года место под храм, по древнему церковному уставу, освятил епископ Новосибирский и всея Сибири Силуян (Килин). В декабре того же года за проект храма взялся архитектор Анатолий Леонидович Шевнин. За строительство храма в конце концов стал отвечать инженер Сергей Евдокимович Титов, нанявший бригаду строителей.

В строительстве так или иначе приняли участие все христиане. Поименно всех сейчас невозможно перечислить. Прихожане вспоминают: «Все участвовали, дай Бог

здоровья каждому». Они чистили, убирали, песок таскали, землю откладывали, опилки засыпали. По силе своей все, кто мог, участвовали в строительстве Покровского храма — и стар и млад.

Как видим, храм возник не сразу, а по Божией милости и неимоверными усилиями, определенными финансовыми вложениями в дело возрождения старообрядчества, старообрядческой церкви.

Православное христианство свое начало берет со времен святых апостолов, когда они были посланы проповедовать Евангелие «всей твари». Апостол Павел в своих посланиях упоминает домашние церкви. Это самые первые упоминания о храмах, где собирались люди, и у всех было все общее, и люди предавались всецело служению Богу. Проповедь учеников Спасителя была настолько проникновенна, что впоследствии домашние церкви стали приобретать иной вид, а именно начали строиться храмы. Поскольку число спасаемых прилагалось все больше, и возникла необходимость построения храма. Время шло, церковь развивалась, набирала силу, встал вопрос не только о проповеди Евангелия, но и совершения молитвословия, пения псалмов, которые необходимы для служения Богу. Со временем появилось понятие иконографии, изображение Спасителя, Богородицы, святых угодников Божиих, взирая на которых люди видели зримый образ, и, зная житие, подвиги и страдания, которые претерпели христианские подвижники за проповедь Христовой веры, вызывая восхищение в языческой среде. Воссияв воздвигнутыми крестами и колокольным звоном, благолепием которых восхищались во все времена, они тем самым дополняли недостающую видимую картину Православного храма. Храм явился местом единения верующих, которые должны были внимать учению Православной церкви, в первую очередь Евангелия и предания святых отцов, которое они должны были нести всему православному миру. Нося звание христианина, они, по слову Спасителя, должны были нести Святое Евангелие окружающему миру, полному различных соблазнов, для возрождения духовно-православного облика.

Храм явился прообразом Скинии, которую Бог повелел сделать пророку Моисею в Ветхом Завете как место собрания верующих, которым в то далекое время повелевалось в каждый субботний день, называемый днем покоя, собираться на общие молитвы и поучаться в Законе Господнем. Народ должен был обязательно исполнять предписания Закона и доказывать свою преданность в служении единому Богу и удаляться от идолопоклонничества, в которое часто уклонялся не только израильский народ, но, к сожалению, и сейчас уклоняются некоторые православные христиане.

Существование старообрядческих храмов в тихоокеанской России дает возможность собираться, прилагать максимальные усилия для объединения старообрядцев не только приемлющих священство своей церкви, но и других направлений, включая беспоповские. Это дает дополнение, «прилагает число спасаемых», как говорит Писание, к церкви, которая себя по праву называет истинной, сохранившей древнее благочестие, обычаи, обряды, традиции, которых она придерживается со времен Киевской и Московской Руси. Именно устроение храмов старообрядцами есть залог сохранения древлеправославия как в России, так и в дальнем и ближнем зарубежье.

Знак судьбы

Галина ЕГОШИНА

Хабаровск

Трудно встретить более жизнерадостного и деятельного человека, чем Владимир Викторович Чекунаев. Из-за этого-то и сложно говорить о нем в прошедшем времени: был, жил, работал. Чекунаев – это какой-то мотор, вечный двигатель. От него во все стороны исходили бурлящие волны мощной интеллектуальной энергии. В такт этому излучению он постоянно двигался, несмотря на болезнь, сковывающую его. Ведь у него была больная нога, и ходил он, опираясь на костыль.

Энергия исследователя будоражила Владимира Викторовича. Ему все было интересно. Он был известным коллекционером в сфере бонистики. Таких специалистов у нас в стране немного. По данной теме он консультировал всех: ученых, архивистов, музейщиков.

Собиратель — всегда исследователь. Надо много знать, развить интуицию, чтобы отличить подделку от подлинника или определить редкость банкноты.

Но Чекунаеву и этого было мало, он углубился в исследование по-настоящему. В результате этого появились статьи в научных сборниках и каталоги. Бонисты и историки хорошо знают его книги, сразу после издания ставшие библиографическими редкостями. Прежде всего, знаменитые «Боны Дальнего Востока» (Хабаровск, 2002), которые он написал в содружестве с Л.И. Колосовым и Н.А. Наволочкиным.

Владимир Викторович не останавливался в развитии, его научные познания углублялись и расширялись. Буквально несколько лет назад он начал собирать меднолитую старообрядческую пластику: кресты, иконы, складни. Коллекционируя, стал читать научную литературу по этой тематике. Первую прочитанную научную статью об отлитых из меди старообрядческих изделиях он практически не понял, но не испугался, решил сменить тактику. Начал читать более популярную литературу «для чайников», «накачивал мускулатуру», как он сам выражался. А «подкачавшись», освоив терминологию, основы иконографии, технологии медного литья, художественной композиции, стал читать серьезную научную литературу. Владимир Чекунаев, как истинный коллекционер, и тут не удержался от соблазна собирательства, начал покупать дорогие красивые фолианты: монографии и каталоги. В скором времени у него сформировалась солидная подборка научной литературы о медном литье в России.

Коллекция, начало которой положили подаренные ему кресты, пополнилась интересными экземплярами, в том числе датированными, что редко встречается.

Владимиру Викторовичу больше всего нравились миниатюрные складни, их у него было несколько. Однажды он увидел в книге трехстворчатый складень, который его поразил композиционным совершенством. Коллекционер «заболел», ему непременно хотелось такой же в свою коллекцию. И через два года он у него появился, с неплохой сохранностью и, что важно, с сохранившейся разноцветной эмалью.

Другой мечтой, которую он не успел реализовать, было патриаршее распятие, или «Распятие Христово с предстоящими и избранными праздниками».

В позапрошлом году Владимир Викторович сделал выставку меднолитой старообрядческой пластики из своей коллекции. Когда эта изящная выставка, выполненная с огромной любовью, тактичностью и художественным вкусом, была готова, автор понял, что надо делать каталог. Возникла необходимость излить знания, приобретенные в процессе собирания и изучения предметов, на бумагу, поделиться ими с читателями. К сожалению, он не успел этого сделать. Как не успел многого, о чем мечтал. Ведь он не думал о смерти, он хотел жить. У него были большие планы.

Прощаться с ним пришло огромное количество народа: врачи — коллеги по работе, друзья-коллекционеры, работники музеев, библиотек, архивов, ученые. Его все любили. Такой он был человек.

«О, Свете мой, Твоей вверяюсь воле!»*

Лада МАГИСТРОВА

Любящий душу свою – погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем – сохранит ее в жизнь вечную...
Кто Мне служит – Мне да наследует, и где Я – там и слуга Мой будет, и кто Мне служит – того почтит Отец Мой.

(Гл. XП от Иоанна, ст.25 – 26)

Идет великий пост.

Опять тяжек горб греховный. Опять ловлю себя на гордыне, на грехе осуждения ближнего, снисходительной — а втайне — недоброй! — насмешке, гневе, памятозлобии, слепой раздражительности, лукавстве, унынии.

Боже, очисти мя, скверную!

Опять празднословлю, лукавлю, спорю, суесловлю, молитвой пренебрегаю, витаю в пустых мечтаниях, домысливая «Сказку о седой Золушке». Зачем, ну зачем была открыта мне эта странная фантасмагорическая история «формулы гениальности», откровение механистичное, машинное цифротворчество друга юности далекой моей «грузинской» — Юрия Орлова. Проверка гармонии — алгеброй, вечный искус человеческого ума.

Десять лет уже прошло-пролетело со времени нашей встречи в Тбилиси. А я как вчера помню тот странный день и его рассказ об открытии, как он выразился, «формулы Святого Духа».

Юрий был умнее всех в нашем молодом, нищем, неприкаянном братстве. Самый лобастый, самый серьезный, самый эрудированный. Всегда рядом с Юрасем нашим ощущала собственное невежество... Когда он успел и сумел — при железобетонных школьных и далее — вузовских программах, забивавших в те годы мозги моего поколения, — так много познать, понять, вобрать? Музыка? — он сам прекрасно музицировал, и фонотека классики и джаза была у него — в студенчестве еще! — едва ли не лучшей в Тбилиси.

Сколько помню его — все тратил на пластинки и книги. В школьных брюках и брезентовых тапочках поступил в университет на физмат, да так в них и учился, пожалуй. Но — ни у кого не было таких альбомов и книг по искусству, живописи, истории. Чего только он не знал! Мы называли его «ходячей энциклопедией».

После физмата пошел в кибернетики, скоро получил лабораторию, тему, группу, кандидатскую. Особенно увлекся математической лингвистикой — до сей поры не знаю толком, что это значит?..

Мы не виделись двадцать лет... Когда я рванулась из Грузии — наобум! — на край света! — насколько хватило на билет, наугад ткнув пальцем в школьную карту — попав на край земли — Тихоокеанское побережье... Ох, Господи! Неужели память никогда не оставляет человека? А так хотелось бы наконец забыть эти мытарства: вечную нищету, вечное бездомье, искалеченную молодость, тяжкий труд, желание самоутвердиться в чистоте и правде — и это при полной незащищенности, в сиротстве неизбывном — в мире, полном соблазнов.

Я не вписывалась никуда!.. Всюду оказывалась чужой... Прости, Господи, прости ненавидящих и обидящих мя, гнавших, преследовавших, унижавших! Прости и согрей охладевшие сердца, пробуди добро и свет, и совесть! А тогда — в

^{*} Из архива О.А. Соколовой. Публикуется впервые.

1967-м, я бежала в отчаянии, без средств с маленьким сыном на край света, где меня никто не знал и не ждал, и единственное, что жаждала душой — забыть все пережитое там, на родине, на земле грузинской, такой дорогой и такой ко мне беспощадной, и чтобы обо мне забыла она.

Оказалось, что это невозможно...

И вот почти через двадцать (без малого) лет эта встреча. Я летела прощаться с родиной, зная, что медицина определила мне подышать еще совсем немного, и чувствуя, что это истина.

И если не сейчас — пройти, проползти по дорогам замученной юности моей, по любимому цветущему городу, так холодно и жестко отторгшему меня, — я уже никогда не смогу, не успею совершить этот путь — через всю страну, в прошлое. Хотелось увидеть тех, кто дорог. У меня, у сироты, там оставалось несколько друзей, как пальцев на руке — раз-два и обчелся. Я не писала никому, они меня попросту вычеркнули из списка живых.

«Из самолета выволокут твой цветущий труп», — сказал сурово перед отлетом Славушка Бутаков, семь часов трудившийся с бригадой над операционным столом над моим битым-перебитым позвоночником.

«В тебе, мать, мина замедленного действия, тебе надо жить, как трава растет. Тебе по лестнице и то ходить опасно! Спасать будет некому! Сдавай билет».

Я только улыбалась в ответ. Я научилась отменно улыбаться в глаза беде. На взлете, зажмурившись, тихо попросила: «Господи, дай долететь живой. И вернуться. И увидеть там — живыми! — всех, кого я люблю...» И уснула до Москвы. И спала до Тбилиси. И любимого человека Ларису Алоян, сокурсницу, сестру, подругу! — встретила на трапе самолета на выходе.

Нет, Грузия меня не забыла...

…Город цвел, звенел, пижонил. Пахло вареньем со всех веранд и лавашем, и бензином. Тбилиси разросся и похорошел, молодые лица казались прекрасными — все! Каждое дитя хотелось взять на руки, каждой женщине в черном — поклониться. Двери друзей распахивались передо мной, и удивлению — «ты?!. откуда?!. неужели?!» — не было границ. К старой стене дома на Калининской я прижалась мокрой щекой. Я была счастлива... Я успела... Я прощалась...

Сегодня я не могу без муки — как над гробом родного человека! — видеть телекадры кавказской хроники. Господи, как страшна слепая человеческая ненависть. Как страшно разделение, рассечение — живого тела родины! Разруха душ. Разруха судеб. Порушить красоту, труд рук человечьих — на своей земле, своей волей... голод. Смерти молодых, полных сил. За что сие — матерям и детям?! Война страшнее войны, когда свои — против своих. И кто — кому — враг? И за что?

Нет слов. Нет слез. Окаменевшая боль. И носишь ее в себе — безысходно. Услышу на хабаровских улицах грузинскую речь — припаду к плечу незнакомого парня, обниму — вот тогда слезы льются. Шепчу, что Бог на душу положит, по-грузински, по-русски. Не умею пройти мимо, притянет... Тридцать лет жизни связаны с Грузией! Печаль моя, Сакартвело!.. Песня моя молодая, неумелая! Первая радость моя — и первое горе!.. Встретимся ли мы с тобой еще? Молочная мать моя, вспомнишь приемыша рыжеволосого, остроугольную девчонку — застенчивую, голоногую, воровавшую шелковицу в чужом дворе для голодного братца?.. Когда кончится твоя мука, Грузия? Когда очнутся дети твои, своими руками казнившие мать? И если про-

льется мой «Плач по Грузии», как выдержит его мое усталое больное сердце?

А тогда, в том спелом, цветном, полноправном августе, мы сидели в комнатушке Юрия Орлова за столом с фруктовой, благоуханной россыпью и холодным домашним вином — и не могли наговориться. И словно не было разлуки в треть жизни. Вкус «мчади» и молодого сыра сулгуни, вкус и запах праздника (немного было их — праздников в моей жизни!).

Мудрые, все понимающие глаза друга... Юность подошла и обняла за плечи. И не кончался разговор. И крутилась пленка за пленкой на стареньком его магнитофоне. Он решил записать мою «Одиссею». «Опупею», — поправила я, смеясь... Вот так вспоминала — смеясь и плача — неужели все это было со мной? И я это вынесла? И осталась жива?.. И вот — неожиданный праздник. А жизни осталось совсем чуть-чуть. Но об этом — не думать, не сметь. Об этом — успеется еще одной бессонной ночью, сколько их уже было!.. А сегодня — пусть радость. Добрый, доверчивый взгляд хозяюшки, бархатный персик, несравненный сыр, взрывчатая свежесть «изабеллы».

- Спасибо, Изочка, спасибо, сестра!.. Юрка, неужели ты не устал от меня?
 - Как была дурочкой, так и осталась!
 - A ты надеялся поумнею?
 - Не исключал такой возможности.
- Зато потолстела. Опять же увы! Ребята, родные, кажется это называется счастьем?

Мы были как дети. А дети перерастали нас...

А теперь закрой глаза и слушай, — сказал Орлов. — Этого ты не услышишь больше нигде. Ручаюсь головой. Замри...

И вдруг зазвучал срывающийся забытый голосок — это заговорила юность моя, стоявшая за плечами. Она читала стихи, которых я давно не помню...

- Юрка, сколько мне лет?
- Девятнадцать... двадцать три... двадцать пять...

Все эти годы друг хранил мой голос.

- Ты веришь в Бога? очень серьезно спросил друг.
- Не знаю... Но обращаюсь к нему иногда.
- Когда?
- Когда совсем невпротык!
- И что же?...
- Кажется, помогает. И, ты знаешь, были ситуации, когда я чувствовала Его совсем близко...
- Расскажи, мне это важно. Когда чувствовала совсем близко...
- Ну, попробую... Помнишь, в середине шестидесятого я лежала с Сергунькой в больнице довольно долго. Он же с рождения все болел, а тут жесточайшая эпидемия кори – на весь город. И конечно же, мы подхватили сразу. Страшное дело — какая-то особо осложненная форма. Говорили - «пандемия». Косила даже взрослых. Три больницы городских срочно переоборудовали под инфекционки. В нашей палате было пятеро детей и четыре мамы. Наши дела с Серым пошли сразу на ухудшение, резко. Он был очень слаб — за полтора года три воспаления легких, ветрянка, коклюш — весь букет, а он родился — полтора килограмма. Врачи говорили - спасает ваше молоко... А тут было совсем плохо. И на пятый день нас перевели в ванную комнату. Оттуда уносили уже в «мертвушку». Выхода оттуда не было — на моих глазах унесли троих. И вот — мы там... Сутки, вторые - я сижу над ним, голубеньким в красную крапушку. Глазок не открывает. Капельница, кислород, чем-то

колют и колют, а он глазок не открывает, но чуточку живой. А я вижу и понимаю — ждут, что вот-вот... Да... А я сижу и, как машина, цежу — выцеживаю молоко. А вдруг проснется, попросит грудь? А я боюсь отойти хоть на минуточку – без меня он перестанет дышать совсем. Я это знаю точно. Я просто сижу тихо-тихо и смотрю на него, и сцеживаю молоко. И он еще чуточку дышит... И вот пошли третьи сутки. Перед ними я не спала еще двое. Пять суток не сплю. И почти не ем. Корочку да глоток чая... А молоко – странно! – прибывает. А у него уже губешки синеют, лоб желтенький, пальчики голубые. Я смотрю... Уколов не слышит. Меня не слышит. Возьму за ручонку — она как плетушка падает. Пятые сутки — вот так. И стало страшно надвинувшейся ночи, по-настоящему страшно, до ледяного озноба. А за дверями шаги, кто-то подошел, кто-то плакал, разговаривали по-грузински. Я открыла. В дверях встали три женщины. Одна – совсем старушка.

— Что вам нужно? — спросила жестко и сама же вздрогнула от неожиданной ярости. — Не видели, как дети умирают? Любопытно, да?.. Уходите! — и захлопнула дверь.

За дверями громко заплакали. Я открыла снова... Старушка в слезах упала на колени.

- Доченька, помоги! Сжалься над моей бедой!
- Над вашей?! Вы что, с ума тут сошли? Чем я могу помочь вам сейчас?!
- Покорми грудью моего внучка... Кризис он пережил, но совсем ослаб от голода. Ему всего семь месяцев. Ничего не может есть, просит грудь...
 - А где его мать?

От слез старая уже не могла говорить. Женщины мне объяснили. Заболели сразу двое детей, Тенго и четырехлетняя Мзия. Мать была с ними. Двое суток назад девочка умерла. Мать от горя почти обезумела — молоко пропало. Ее забрали домой. Бабушка сменила ее на скорбной вахте.

— Принесите маленького сюда, — сказала я беспомощно...

Он не успел похудеть, этот «черноголовик». Ручки вперетяжку, жадные губешки... Впился в сосок, аж застонал... и сосал, сосал так жадно, так нетерпеливо, даже лобик вспотел. И уснул у груди. Бабушка хотела взять его, но малыш закричал и вцепился в меня ручонками.

 Оставьте его со мной, я все равно не буду спать, отдохните маленько.

Старушку увели. Я сидела с младенцем на руках, он сладко посапывал, не выпуская груди. Вошла дежурная сестра, взялась за голубенькую лапку моего Серенького — и печально опустила невесомую кисть.

- u_{ro}
- Сделаем еще укол. Крепитесь...

Вот этого я уже не смогла. Что-то взорвалось у меня под сердцем, под горлом — беззвучный, но оглушающий вопль: «Господи!!! Если Ты там есть — как Ты можешь это видеть! Как Ты можешь это допустить! Он умирает, мой сын, мой первенец... Он перестает дышать, а мое молоко — Господи! Сделай же что-нибудь!..»

Что-то просквозило у лба — светлая тень? ветерок? — и я вдруг начала засыпать, у меня слипались, закрывались глаза, я не могла ничего поделать... Ничегошеньки. Я прилегла поперек койки, ноги — на стул, «черноголовика» под грудь — он продолжал чмокать... Руку положила Сереженьке на грудку — и опрокинулась в сон — намертво...

Проснулась на рассвете раннем-раннем, кто-то трогал мои пальцы. Сынишка открыл глаза и протянул ко мне птичью свою, прозрачную лапку.

Когда вошла дежурная врачиха, «черноголовик» и мой

«одуванчик», расположившись на моих коленях, дружно сосали.

Это чудо, — только и сказала доктор.

Две недели я кормила их вместе, Тенгулю невозможно было оторвать от меня.

- Разве это не было чудом Божьим? сказал друг.
- Не знаю, Юра... Но это же было...
- Что сейчас твой Серега? Где он?
- Рыбу ловит на Тихом океане.
- А я вычислил Его существование на ЭВМ... Не смейся. Он есть. Понимаешь, это бесспорно! С математикой не поспоришь: цифирь вещь железная. А я достаточно толковый ученый, чтобы вникнуть в факты. Представляешь, эвээмщик Юрий Орлов стал верующим человеком! Как тебе смотрится?...
 - Удивил!
 - Сейчас не так удивлю, напружинься и слушай...

(Прости нас, Господи, но такие мы были!)

- Напружинься и слушай, я тебе расскажу. Видно пришел час... А я всегда знал, что голова у меня варит неплохо, но это было – истинное открытие. Я открыл формулу Святого Духа, то бишь формулу гениальности. Дело было так... Меня озарила несколько туманная, но увлекательная идея. Я ее прокручивал достаточно обстоятельно — и решил проверить. Помнишь мою любовь к музыке? Ну, это на всю жизнь! Я собрал гениальные музыкальные партитуры разных времен и по звукоряду - детализировать не буду, ты в этом все равно не смыслишь, но суть уловить должна - так вот, я разложил эти партитуры по звукоряду и ввел в свою ЭВМ. Работа, скажу тебе, была более чем кропотливая, да ты мою дотошность знаешь. Изочка, женушка, усердно мне помогала, идея занозила не на шутку. И вот моя машина произвела на свет анализ звукоряда по вибрациям и выдала формулу, достаточно сложную — погляди, как она выглядит: две журнальные строки, главная цифра — тройка и семерка, небесная цифирь: семь нот, семь дней недели, семь цветов радуги и так далее — космический знак. Улавливаешь?

Я уважительно поморгала...

- Так вот, все гениальные композиторы мира подпали под эту формулу. Бетховен, Бах, Чайковский, Моцарт, Прокофьев... ну и другие. Прозондировал классику, духовную музыку, джаз формула для гениев едина. Здорово? («Здорово» всегда было любимым Юркиным словом.) Я пошел дальше. Решил заняться текстами. Слово тоже звукоряд, усекаешь? Стал собирать гениальные страницы всех времен и народов на разных языках. Прозу, стихи, священные писания. Представляешь объем работы?!
 - С трудом!..
- То-то же! Это помимо институтских тем и текучки. Мою группу загружают активно. А эта работа была для души, истинный эксперимент. Так вот, моя «формула» сработала на слово! В первоначальном «музыкальном варианте» она сразу же заработала на «слове». Без осечки. Правда, кое-кто из великих не вписался в нее. Велик, но не гений. В основном оценки человечества верны. Тебе интересно?
- Еще бы! Ну и головушка у тебя! Юрка, можно тобой погордиться перед знакомыми? Мой друг, тбилисский кибернетик Юрий Орлов открыл формулу гениальности! Мой лучший друг!
 - В принципе можно, но не торопись.
 - Отчего же? Я так давно ничем не гордилась!
 - А тебе известно, что гордыня грех?
 - Но я же не собой! Лучшим другом... юности!

Его улыбка — удивительным образом — всегда была шире лица! Широченные плечи, широченная грудь и ши-

роченная улыбка. Дорогие мои ребята, друзья бесценные, сокровище судьбы моей! Где бы вы ни были сейчас, да ниспошлет вам всем Господь милости и света!..

- Опубликовал я свое открытие в специальном нашем журнале. Перевели сразу... Пошумели. Пригласили прочесть курс лекций в Германию на стипендию Гумбольдта. Но поскольку я давно «под колпаком», наши меня не выпустили. Вот так.
- Ох уж эти «колпаки»! Помнишь, как в 58-м трясли наш студенческий кружок? Меня шесть часов допрашивали беременную вдвоем, и попить не давали. Думала, рожу им прямо на пол. Когда отпустили, не могла понять в какую сторону мне идти домой?.. Такое не забудешь, брат Орлов.
- А я оптимист. Придет время забудем. А может статься, наоборот, такое забывать нельзя. Мы еще очень легко отделались, а?..

Мы помолчали — каждый о своем и об одном — общем. Не все наши «отделались» так легко. Наложил на себя руки Роман Солнцев. Натела Маградзе вернулась из лагеря — и это была не она... Пропал, исчез с горизонта нашей жизни Аркаша Ровиер. Сломалась психически Циала Маградзе, гордость школы, диплом с отличием, молодой юрист. Ей пришлось сразу после университета заниматься делами реабилитации. Злодейства достали нас рикошетом...

- Давай по глотку за всех наших, сказал Юра. Пусть им икнется с добром... Поднимем!
- ... Юность наша отодвинулась от нас. Вздохнула. Исчезла. Мы сидели друг против друга жизнь уходила, и самое важное в ней не свершилось, а горького было под самую под завязочку, подспудно зрела тревога, что детям нашим будет намного труднее, чем нам.
- А теперь держись за стол, Лидушка, сказал мой друг, — держись крепче. Рассказ не окончен. Сейчас начнется самое важное.
- «Саперави» не коньяк, отшутилась я. И вообще, я почему-то не пьянею, хотя пить не умею. Почему ты решил, что я могу оказаться под столом? Обидно даже!
- Не исключено, родная! друг смотрел на меня долго и странно. Лады, слушай дальше... Когда я работал с текстами по формуле, оказалось, что ни одно женское имя в нее не ложится.
 - Қак? А Марина, наша Марина Цветаева?!
- Она была ближе всех, но не дотянула. Чуть-чуть. Я проверял все что мог. И подумал: что ж, видно женщинам не дано. Нетушки!... У них иное предопределение. Нет среди них великих композиторов, великих художников, великих писателей. Правда, есть гениальные актрисы!
 - Печально, Юр...

- Печально, но не факт! Факт, но не весь... Готова слушать дальше?
 - Как, это не все?
- Для тебя только начало... Итак, работа моя была вроде как завершена. Но что-то томило, понимаешь? Что-то я, казалось, не додумал, недотянул, недоглядел... Сидело еще в подсознании «недо...». И не давало покоя. И вдруг, в один прекрасный день... Ты все еще не держишься за стол?
 - И не подумала!
- Зря, сказал друг очень серьезно, зря ты упрямищься...

У меня похолодело в затылке, и чуть закружилась голова...

- ...итак, прокручиваю варианты, поскрипываю извилинами, и в один прекрасный день, повторяю, неожиданно с дальней полки, где хранится всякая макулатурка давних лет про запас, вдруг пригодится! вываливается мне прямо в руки вот эта папка. Узнаешь?...
 - …На потрепанной папке «дело №» стояло мое имя.
 - Догадалась?
 - О чем?
 - Догадалась?!
 - Нет!!!
- Да!!! Меня осенило! Мигом! На такси и в лабораторию! Заложил в ЭВМ вот эти твои листки, клочки, наброски ты их вечно теряла, а я зачем-то собирал и складывал. Ну, ты знаешь мою дотошность...
 - Юра!
- Да, родная! Да, Золушка моя!.. Все, что в этой папке — раннее, зеленое — твое — легло, вошло, встало, влетело! Как там было! Какой же я дурак, Юрий Орлов! Я же всегда что-то чувствовал в тебе!... «Формула Святого Духа» — твоя. Ты — гениальный поэт, Лидка...
- Нет, пожалуйста, не надо... я стала странно сползать со стула. И куда-то падать. Или лететь. В глазах плыло что-то фиолетовое, серебряное, золотое. И где-то очень далеко звенели колокола. И дождь падал мне на лоб... Откуда дождь?

Юра брызгал мне водой в лицо.

- Открой глаза, родная... Лидушка, ты слышишь меня?
 Открой глаза!
- Скажи, что это неправда! Юра, ради Бога, ради всего святого, скажи, что ты пошутил.
 - Это правда. Я не шутил.

В его глазах стояли слезы...

 Господи! Ну за что мне — такое?.. — и я заплакала, в голос, взахлеб, горько, как никогда в жизни.

21.04.1994

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В КОНЦЕ

Господь отпустил Ладе Магистровой еще 18 лет жизни. Она ушла к Богу 2 апреля 2002 года, успев спасти души многих и многих людей от безнадежности и отчаяния. Она была «НАСТРОЙЩИКОМ ДУШ», расстроенных, потерянных, тонущих в житейских невзгодах.

Она стала живой молитвой о всех нас – днем и ночью к ней шли люди. Одни ей что-то приносили, другим она что-то отдавала. Это был нескончаемый поток Добра и Заботы о людях, и центре этого была Лада. Для всех у нее находилось нужное в этот момент слово утешения, хотя сама она последние пять лет только изредка выбиралась из больницы.

И ее уход стал для всех нас уроком терпения, смирения и любви. Еще были сугробы снега, но в день ее похорон светило солнце и летали неведомо откуда взявшиеся живые бабочки. На следующий день город утонул в снегопаде.

Господи, спасибо тебе за радость общения с такими людьми, за возможность быть рядом и в жизни, и в смерти. На ее могиле стоит памятник с ее именем и надписью: «О, Свете мой, Твоей вверяюсь воле!».

Ольга СОКОЛОВА, православный психолог,

член профессиональной психотерапевтической лиги, лауреат премии «За подвижничество»

ЛИТЕРАТУРА

Остров Чехова

Елена ГЛЕБОВА

В 2005 году в издательстве «Рубеж» Южно-Сахалинска вышла книга «Быть может, пригодятся и мои цифры…»: материалы сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 год».

Как отмечают составители, публикуемый огромный массив новых материалов из наследия Чехова — сахалинские переписные карточки, безусловно, важное и знаковое событие как для исследователей, так и для почитателей таланта писателя. Авторы убеждены, что благодаря этому изданию по-иному будет оценено и во многом загадочное путешествие Чехова на Сахалин, и его книга «Остров Сахалин», изменятся прежние акценты у исследователей и биографов.

На Сахалине, как известно, Чехов провел 3 месяца и 2 дня, пройдя остров с севера на юг и побывав практически в каждом селении. Но столь короткий, на первый взгляд, временной отрезок, проведенный писателем в месте крупнейшей в то время ссылки и каторги, можно приравнять к десятилетиям. Время, сжавшись в пружину, стремительно раскручивало события, открывая все самые неприглядные, а порой страшные стороны жизни каторжного острова. В письме своему другу, редактору журнала «Новое время» А.С. Суворину Чехов писал: «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен вольный и подневольный... Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть на Сахалин, как военные на Севастополь».

Чтобы попасть на Сахалин, Антону Павловичу пришлось проехать через всю Сибирь с ее немыслимыми дорогами и практически полным отсутствием какого-либо комфорта в пути. В то

время, когда собратья-писатели в поисках музы предпочитали путешествовать по Европе, Чехов глотал дорожную пыль, терпел неудобства, мучался из-за сурового климата, платил баснословные деньги за гужевой транспорт. Вот что он написал обо всем этом в письме к А.Н. Плещееву 5 июня 1890 года: «Все сибирское, мною пережитое, я делю на три эпохи: 1) от Тюмени до Томска 1 500 верст, страшенный холодище днем и ночью, полушубок, валенки, холодные дожди, ветры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война с разливами рек; реки заливали луга и дороги, а я то и дело менял экипаж на ладью и плавал, как венецианец на гондоле; лодки, их ожидание у берега, плавание и прочее — все это отнимало так много времени, что в последние два дня до Томска я при всех моих усилиях сумел сделать только 70 верст вместо 400-500; 2) от Томска до Красноярска 500 верст, невылазная грязь; моя повозка и я грузли в грязи, как мухи в густом варенье; сколько раз я ломал повозку (она у меня собственная), сколько верст прошел пешком, сколько клякс было на моей физиономии и платье!.. Я не ехал, а полоскался в грязи. Зато и ругался же я! Мозг мой не мыслил, а только ругался. 3) от Красноярска до Иркутска 1 566 верст, жара, дым лесных пожаров и пыль; пыль во рту, в носу, в карманах; глядишь на себя в зеркало, и кажется, что загримировался. Когда по приезде в Иркутск я мылся в бане, то с головы моей текла мыльная пена не белого, а пепельно-гнедого цвета, точно я лошадь мыл».

Зато Амур-батюшка привел Чехова в восторг. В его письмах — яркие краски и бурлящие эмоции. «Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два...»

Отправившись в путешествие 21 апреля 1890 года с Ярославского вокзала, лишь 11 июля писатель отбил своим родным телеграмму: «Приехал. Здоров. Телеграфируйте Сахалин. Чехов».

Однозначного мнения о причинах поездки Чехова на Сахалин нет. Кажется, что литературоведов запутал сам Антон Павлович. Ну вот хотя бы этой фразой из письма все тому же Суворину: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит для этого ни знаний, ни времени, ни претензий...» Или такая цитата из письма редактору газеты «Русский курьер» С.Н. Филиппову: «Я в самом деле еду на о. Сахалин, но не ради одних только арестантов, а так вообще... Хочется вычеркнуть из жизни год или полтора».

Тем не менее сразу по приезде на Сахалин Чехов приступил к переписи населения, напечатав для этих целей в типографии полицейского управления поста Александровского бланки опросных листов, что говорит о его серьезных и заранее обдуманных планах. Поэтому во главу угла исследователи ставят гражданскую позицию Чехова, его стремление привлечь внимание общества к каторжному Сахалину.

Перепись сахалинского населения, по словам Чехова, была задумана с целью познакомиться поближе с жизнью большинства ссыльных. В разработанной им переписной карточке были обозначены следующие пункты: 1. № поста; 2. № дома по казенной подворной описи; 3. Название респондента; 4. ФИО; 5. Возраст; 6. Вероисповедание; 7. Место рождения; 8. Год прибытия на Сахалин; 9. Основное занятие; 10. Грамотность; 11. Семейное состояние; 12. Получает ли пособие от казны; 13. Информация о болезнях спрашиваемого. Женские карточки Чехов перечеркивал красным карандашом. Всего же, как писал Чехов в одном из писем, им было записано около 10 тысяч каторжных и переселенцев.

Задумав опубликовать уникальный массив чеховских материалов по Сахалину, авторы книги «Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 год» погрузились в кропотливую и сложную работу, которая, однако, дала потрясающие результаты. Потому что в ходе подготовки книги произошло немало открытий, были разгаданы многие неизвестные до сей поры

моменты. К примеру, на отдельных карточках Чехов ставил цифры простым карандашом и, как выяснилось, помечал и систематизировал карточки, для работы над главой книги «Остров Сахалин», посвященной детям. Или такая разгадка: некоторые карточки писатель помечал синим карандашом. По мнению сахалинских исследователей, таким образом Антон Павлович обозначал людей, «обслуживающих» каторгу — надзирателей и членов их семей.

Стояла и еще одна важная проблема: сколько же на самом деле было переписных карточек и сколько из них сохранилось. Авторы книги отмечают, что 10 тысяч заполненных анкет, о которых говорил Чехов, - цифра вполне реальная. Согласно официальным данным, на Сахалине на 1 января 1891 года проживало 16 тысяч человек. И все же возникал вопрос об истинном числе заполненных в 1890 году и реально сохранившихся карточек. Для этого пришлось провести полистный просмотр оригиналов чеховских карточек, хранящихся в Российской государственной библиотеке и Российском государственном архиве литературы и искусства. Вот точное количество карточек-анкет: 7 445 плюс 1 карточка из дома-музея А.П. Чехова в Ялте. Весь комплекс документов был приведен в систему, разрозненные карточки рассортированы по округам, селениям и дворам. Эту важную и трудоемкую часть работы сделали сотрудники Южно-Сахалинского музея книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» И.А. Цупенкова и А.И. Шумилова.

Как отмечают авторы книги, карточки имеют разную информационную насыщенность. Особую ценность представляют анкеты, заполненные от руки. Если с человеком беседовал сам Антон Павлович, то опросный лист был заполнен практически полностью, но если анкета заполнялась по данным подворных или метрических книг, многие пункты оставались пустыми.

Можно сказать, что книга «Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 год» стала воплощенной мечтой сахалинских исследователей. Потому что идея сделать полную научную публикацию результатов чеховской переписи, чтобы этот уникальный пласт наследия А.П. Чехова стал всеобщим достоянием, родилась у сахалинских ученых и архивистов еще в 1980-х годах. Но лишь в конце 1990-х, в силу многих причин, началась работа над изданием, которое по сути своей бесценно.

В книге «Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахалинской переписи А.П. Чехова». 1890 год» использованы документы и фотографии из фондов Центрального государственного архива кинофотодокументов Санкт-Петербурга, Государственного литературного музея, Российской государственной библиотеки, Государственного архива Сахалинской области, Сахалинского краеведческого музея.

Хроника пребывания А.П. Чехова на Сахалине

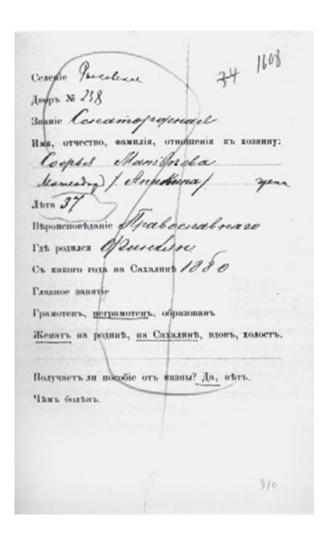
(Из книги «Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахалинской переписи А.П. Чехова. 1890 год». Печатается с сокращениями)

11 июля

В 5 утра Чехов пересел с парохода «Байкал» на небольшой катер, предположительно «Генерал Гинце», отходивший к берегу Сахалина. Около 9 утра катер пристал к берегу. Извозчик привез Чехова в Александровскую слободку (с. Александровское), предместье поста Александровского, на квартиру крестьянина из ссыльных Петровского Григория Тихоновича и его супруги Аграфены Андреевны, у которых Чехов снял комнату.

12 июля

Утром Чехов нанес визит начальнику острова генералу В.О. Кононовичу.

19 июля

Присутствовал на центральной площади поста Александровского, где встречали Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа.

20 - 21 июля

Ездил в Тымовский округ в составе делегации во главе с бароном Корфом.

22 июля

Чехов находился с официальным визитом у губернатора В.О. Кононовича, где беседовал с А.Н. Корфом. Корф дал Чехову разрешение на посещение тюрем, но не разрешил общаться с политическими ссыльными. В тот же день Чехов был на торжественном обеде в доме Кононовича в честь приезда Корфа, познакомился со многими сахалинскими чиновниками из администрации острова.

24 - 30 июля

Чехов продолжал исследовать пост Александровский и его ближайшие окрестности: Корсаковское, Ново-Михайловское. В Корсаковском его сопровождал каторжный Кисляков. Вел дневник. В типографии полицейского управления поста Александровского для Чехова отпечатали бланки опросных листов для проведения переписи населения Сахалина.

30 июля

Чехов получил удостоверение на посещение тюрем и поселений, подписанное начальником о. Сахалин В.О. Кононовичем.

Конец июля – середина августа

Чехов производил перепись каторжных и поселенцев в тюрьмах и поселениях Александровского округа. Делал выписки из подворных описей о селениях западного побережья и Бутаково, в которых Чехов не был. Встречался с политическими ссыльными, несмотря на запрет Корфа.

31 июля

Первый выезд к устью Аркая. Обследовал селения: Арково, Арковский кордон, Арковский станок.

После 3 августа

Исследовал пост Дуэ. В сопровождении тюремного врача осматривал рудники, бараки для поселенцев, Дуйскую, Воеводскую тюрьмы.

13 августа

Присутствовал при наказании плетьми арестанта Прохорова в Дуэ. Вечером написал об этом очерк.

До 25 августа

Проводил перепись населения в Верхнем Амурдане. В Нижний Амурдан приехал предположительно 23 августа поздно вечером и «ночевал в надзирательской на чердаке около печного борова», т. к. надзиратель не пустил писателя в комнату, в которой было много клопов и тараканов.

2 сентября

Вернулся в пост Александровский. Вечером к Чехову пришел священник Александровской тюремной церкви Георгий Сальников. С ним писатель присутствовал в церкви на венчании ссыльнокаторжного Василия Иванова Осипова и каторжной Павлины Осиповой Королис.

10 сентября

На пароходе «Байкал» отправился на Южный Сахалин.

11 сентября

На пароходе «Байкал» написал письмо А.С. Суворину.

12 сентября

«Байкал» вошел в залив Анива, бросил якорь на рейде Корсаковского поста. На вельботе пассажиры добрались до берега, где Чехов познакомился с И.И. Белым, начальником Корсаковского округа.

Между 13 — 16 сентября

Чехов в сопровождении И.И. Белого ездил к Охотскому морю. На берегу распили флягу с коньяком, которую писателю подарил доктор Кувшинников в Москве на Ярославском вокзале.

14 сентября — 10 октября

Производил перепись в селениях Южного Сахалина. В поездках его сопровождал смотритель поселений Н.Н. Яршев.

18 сентября

Чехов присутствовал в полицейском управлении Корсаковского поста при допросе американских китобоев, потерпевших крушение.

1 октября

Находился во Владимировке на празднике Покрова Пресвятой Богородицы. Присутствовал при освящении часовни

3 октября

Утром Чехова в Корсаковском посту посетили японский консул Кудзе и секретарь Сугиама.

13 октября

Днем Чехов прощался с сахалинскими знакомыми. Вечером прибыл на пароход «Петербург».

В ночь с 13 на 14 октября

В первом часу ночи пароход отправился из поста Корсаковского во Владивосток. Среди пассажиров был знакомый Чехова иеромонах Ираклий.

Письма с диких и роскошных берегов

(А.П. Чехов. Собрание сочинений. Том 11. Письма (1877—1892) Печатается с сокращениями)

М.П. Чеховой. 23 — 26 июня 1890, от станции Покровской до Благовещенска

... Амур чрезвычайно интересный край. До чертиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о которой в Европе и понятия не имеют. Она, т. е. жизнь, напоминает мне рассказы об американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить...

А.С. Суворину. 27 июня 1890, Благовещенск

… Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать, и давно уже хотел поделиться с Вами своими восторгами, но канальский пароход дрожал все семь дней и мешал писать. К тому же описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну как их опишешь? Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки, — вот Вам и Амур. Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всякий носатых каналий, и сплошная пустыня. Налево русский берег, направо китайский. Хочу на Россию гляжу, хочу — на Китай. (…) Проплыл я по Амуру больше тысячи верст и видел миллион пейзажей, а ведь до Амура были Байкал, Забайкалье... Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно.

Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. Только и разговора, что о золоте (...)

Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России. (...)

По Амуру живет очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыли об Амуре. Не расчетливо и не умно...

А.С. Суворину. 11 сентября 1890. Пароход «Байкал». Татарский пролив

... Прожил я на Севере Сахалина ровно два месяца. Я видел все; стало быть, вопрос теперь не в том, что я видел, а как видел.

Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною немало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано, а теперь, когда я уже покончил с каторгой, у меня такое чувство, как будто я видел все, но слонато и не приметил.

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при этом карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд.

У Ландсберга я обедал, у бывшей баронессы Гембрук сидел в кухне... Был у всех знаменитостей. Присутствовал при наказании плетьми, после чего мне ночи три — четыре снился палач и отвратительная кобыла. Беседовал с прикованными к тачкам. Когда однажды в руднике я пил чай, бывший петербургский купец Бородавкин, присланный сюда за поджог, вынул из кармана чайную ложку и подал ее мне, а в итоге я расстроил себе нервы и дал себе слово больше на Сахалин не ездить...

Каторга сахалинская

Валерий ТОКАРСКИЙ,

фотограф, краевед Хабаровск

Отдельным изданием книга А.П. Чехова «Остров Сахалин» вышла в 1895 году. Каторга сахалинская, где наказание отбывали уголовные преступники, и нерчинская, где трудились на рудниках «политические», в фотографиях представлена широко.

Этому способствовали и власти того времени. Надо полагать, воспитывали население с помощью наглядных примеров, которые ясно показывали, что законы Российской империи нарушать не стоит. А может, фотографии были нужны для архива тюремного ведомства. Зачем, к примеру, проверяющему мотаться по дорогам острова Сахалин, когда в тепле и уюте можно рассмотреть фотографии каторжан, занятых работой в угольной шахте, выстроенных на тюремном плацу для проверки, поразглядывать портреты несчастных. Как бы то ни было, но сегодня мы располагаем фотодокументами времени, с помощью которых имеем возможность заглянуть в прошлое России.

Антон Павлович Чехов снабдил работой тысячи и тысячи человек. Изучая его творчество, многие стали кандидатами и докторами наук; не перечесть студентов, обратившихся к Чехову в курсовых и дипломных работах. А скольких театральных режиссеров обеспечил материалом для постановок великий писатель и сколько актеров заняты сегодня в спектаклях по пьесам Антона Павловича! Если бы благодарные труженики помнили своего работодателя и в день получения гонораров покупали бы по цветочку, то мемориальные доски (одна, к примеру, имеется в Хабаровске) и памятники писателю утонули бы в цветах.

Знакомясь с публикациями, посвященными творчеству писателя, замечаешь много фотографий. Но почти всегда отсутствуют имена авторов иллюстраций. Между тем они известны. Авторы фотографий о сахалинской каторге, хранящихся в Дальневосточной научной библиотеке, — Иннокентий Игнатьевич Павловский и Алексей Александрович Фрикен.

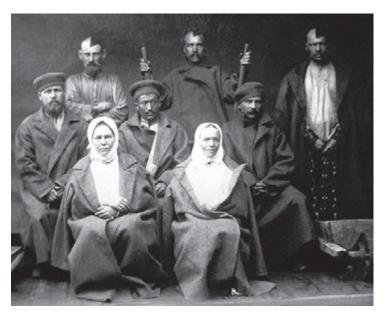
Сахалинская каторга. «Политические» содержались в Нерчинской каторге. Небольшое число

В Воеводской тюрьме содержатся прикованные цепями к тачкам. Всех их здесь восемь человек

Пост Корсаковский, главная улица

Типы каторжан севера Сахалина

СТОП-КАДР ВРЕМЕНИ

Каторжане на хозяйственных работах

Храм во имя Казанской иконы Божией Матери в селении Рыковском

Пост Дуэ. Фотограф Иннокентий Игнатьевич Павловский сделал фото улицы вместе с жителями. Фотопластинки в ту пору были малой светочувствительности, поэтому при фотографировании позирующим фотографу людям нужно было проявлять терпение и не сходить с места. Свинья на переднем плане спокойно стояла лишь первые мгновения. А убежав из кадра, оставила нам свое слабое изображение.

Путешествие на Сахалин в апреле 1894 года на крейсере «Разбойник». К-ръ Зилов, А. А. Куломзинъ, кап. Леонтовичъ.

В центре группы офицеров – Николай Иванович Гродеков, который по заданию приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского прибыл на Сахалин. «Благоволите ознакомиться с делами главного тюремного управления», – говорилось в телеграмме губернатора. Генерал-лейтенант Гродеков в тот год был назначен помощником приамурского генерал-губернатора.

«Во Владивостоке он получил необходимые бумаги, в том числе и подписанную Духовским программу ревизии каторжного острова.

Срочная ревизия Сахалинской каторги едва ли являлась инициативой Духовского. Скорее всего, это было повеление столичных властей, связанное с общественным резонансом, который получили главы книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», опубликованные в 1893 году журналом «Русская мысль», а также с растущими расходами казны на содержание каторги. Но главная причина, по всей вероятности, заключалась в том, что министр иностранных дел Японии обратился к российскому коллеге с просьбой оградить Японию от беглых каторжан с о. Сахалин. Правительству необходимо было принять меры по прекращению увеличившихся в последнее время побегов с Сахалинской каторги». ²

Отдельным изданием книга А.П. Чехова «Остров Сахалин» вышла в 1895 году.

«Познакомившись с недавно назначенным начальником острова генерал-майором В.Д. Марказиным и отдав необ-ходимые распоряжения, Н. И. Гродеков сразу же приступил к ревизии Корсаковского округа. О своих первых впечатлениях он телеграфировал С.М. Духовскому: «Подробно осмотрел 19 поселений: Владимировка, Галкино, Хомутовка отлично выстроены, достаточно скота, кормятся-то земли без помощи казны... во Владимировке есть водяная мельница, школа, учитель ссыльный. В округе имеется две каменные мельницы». 3

«Маршрут высокого ревизора пролегал с юга на север острова. В телеграмме, отправленной 1 мая, Гродеков сообщал: «Осмотрел тюрьмы Александровскую, Дуйскую, Воеводскую, Рыковскую, Онорскую, 10 селений, есть селения, не подающие надежды... Водворение новых чрезвычайно трудно. Материала собрано много, но времени недостаточно для полной ревизии». 4

«политических» отбывало срок на Сахалине. Вот некоторые из них:

Николай Перлашкевич – побег из службы. Принадлежность к революционной организации «Народная воля». Петр Горкун (10 лет каторги), Степан Волохов (10 лет), Бронислав Пилсудский (15 лет), Феофил Блох (16 лет), Иосиф Шмаус (20 лет), Адам Серошевский (14 лет), Адольф Форминский (12 лет), Казимир Томашевский (15 лет), Иван Мейснер (19 лет), Станислав Хроновский (15 лет), Василий Вольнов (15 лет), Сергей Кузин (12 лет), Виктор Гипшер (18 лет), Борис Елинский (12 лет), Гилярий Госкевич, Станислав Бугайский, Словик, Иван Ювачев (15 лет), Василий Бражников, Иван Хмельцов, Иван Суворов, Штернберг Хаим Яковлевич, впоследствии - Лев Яковлевич (1861 - 1924), советский этнограф, автор трудов по этнографии народов Сибири и первобытной религии, с Чеховым во время переписи не встречался. Многие «политические» осуждены на каторгу за участие в покушении на Александра III.

Встреча с Чеховым во время переписи: Петр Горкун (10 лет каторги), Казимир Томашевский, Станислав Ф. Хроновский, Василий Вольнов, Сергей Кузин, Эдмунд Плосский, Антон Поплавский, Станислав П. Бугайский, Лев Л. Дегурский.

Источник - список от 8 декабря 1884 года, который хранился в окружном финотделе города Александровска на острове Сахалин, и по которому был сделан комментарий к списку В. Лапардиным от 9 мая 1927 года: «Самых тяжких государственных преступников (политических) на каторге находилось 31 человек. Политические ссыльные Сахалина не пользовались абсолютно никакими разграничениями от уголовных, а отсюда наравне с ними выполняли самые тяжелые работы, в отчаянно скверных условиях тюремного режима (порка), лишенные всякой возможности требовать хотя бы минимального улучшения каторжной жизни. Иван Мейснер — из бывших прусских подданных и воспитанников Харьковского реального училища. Преступление, содеянное Мейснером, отнесено к особо тяжким. Приговор, вынесенный 22 июля 1887 года Харьковским военно-окружным судом, определил меру наказания в 19 лет каторжных работ за принадлежность к социально-революционной партии и стремление через насилие к ниспровержению существующего государственного строя в России, проявившееся целым рядом самых тяжких государственных преступлений, и за покушение на убийство должностных лиц посредством взрывчатых снарядов в форме почтовых пакетов. Срок свой Мейснер отбыл полностью, в 1909 году выехал с Сахалина. Работал в Берлине в советском торгпредстве (данные 1927 года). Спите спокойно, герои рабочего дела, на ваших костях - теперь под руководством ВКП(б) строится освобожденным пролетариатом мощное здание социализма». Автор комментария еще не знал в 1927 году, на каком количестве костей граждан Советского Союза будет строиться светлое будущее, и что царская каторга будущим жертвам социалистической сталинской каторги покажется пионерским лагерем.

Мост, построенный в 1889 году. Через год по этому мосту проезжал Антон Павлович Чехов

Александровский маяк на мысе Жонкиер. Именно этот маяк деревянной постройки описывал Антон Павлович Чехов: «Днем маяк, если посмотреть на него снизу, – скромный белый домик с мачтой и фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом»

Пост Дуэ. Погрузка угля на суда. Арестант слева приготовился для фотографирования, снял арестантский халат, чтобы выглядеть свободным человеком

СТОП-КАДР ВРЕМЕНИ

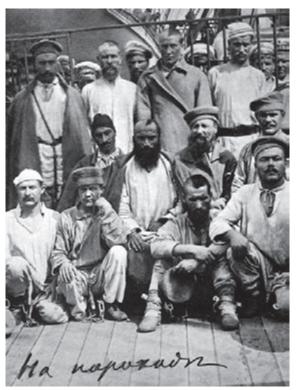
Пост Корсаковский

Пост Дуэ, главная улица. Находится на западном берегу Сахалина, в 175 милях от Николаевска. В 1888 году в нем числились: церковь во имя святого Николая Чудотворца, построенная в 1876 году, каменная часовня во имя святого чудотворца Марка, телеграфная станция, казармы. Жителей 1 385 муж. пола, 269 жен. пола. Население — ссыльнокаторжные. Пост основан в 1857 году и до начала 80-х годов XIX века был административным центром острова Сахалин.²

Корсаковская тюрьма. Типы каторжан

На пароходе. Возможно, автор фотографии – Александр Викторович Щербак

В советские годы так называемых «политических» преступников царского времени идеологи зачисляли в касту неприкасаемых. Мучеников в борьбе за счастье народное окружали ореолом славы. Возмущались суровым отношением администрации каторги к государственным преступникам. И совершенно не помнили, что террористы помимо убийства важного чиновника губили десятки жизней ни в чем не повинных случайных прохожих, граждан России. Нынешний терроризм миру был подарен наряду с другими экстремистами «Народной волей», партией большевиков, ульяновыми, петросянами и т. д.

Что касается общения Антона Павловича Чехова с так называемыми «политическими» государственными преступниками, то вряд ли писатель с замиранием сердца искал с ними встречи. Думаю, что писатель был вне политики, иначе бы его труды канули в забвение, как это случилось со многими литераторами, приверженцами каких-либо политических объединений. Что его подвигло на поездку на остров Сахалин? Любопытство, возможность посмотреть жизнь за пределами европейской части России. И бесконечная любовь к жизни, любовь к людям. Чехов был русским человеком. Русскому свойственно осуждать преступников и жалеть наказанных за преступление. Антон Павлович Чехов кормился литературным трудом, был человеком состоятельным. Так зачем ему было нужно выделять государственных преступников, отбывающих наказание на острове, в отдельную когорту, искать с ними встречи, чтобы самому попасть в число неблагонадежных? Оставим советским идеологам потуги зачислить писателя в нужные им ряды.

Ефремов

Фотографы 1890-х годов, работавшие на острове и, возможно, передавшие свои фотографии А.П. Чехову

«Я привез с собой штук 50 фотографий. Скажите, каким клеем их приклеивают к картону: гуммиарабиком или другою какою-нибудь дрянью? Какой картон наиболее подходящ?».

(Из письма Чехова Ф.А. Куманину. Около 10 декабря 1890 г., Москва. Чехов фотографией не занимался. Можно предположить, что фотографии были взяты у сахалинцев И.И. Павловского и А.А. фон Фрикена).

Александр Викторович Щербак. Судовой врач, фотограф. Познакомился и общался с А.П. Чеховым на пароходе во время возвращения писателя в Одессу с Дальнего Востока. Александр Викторович прислал Чехову в дар сахалинские фотографии. Умер он 5 октября 1894 года, похоронен в Нагасаки. Участвовал в войне 1877—1878 гг. Знал японский, китайский, немецкий, английский, французский языки. Его сестра — Марина Викторовна Травская, дочь — Вера Александровна Щербак. (Москва, Радио России, передача «Частная коллекция», 15.04.04).

Иннокентий Игнатьевич Павловский. Заведовал на острове телеграфной станцией. Фотографировал на севере Сахалина.

Алексей Александрович Фрикен. Агроном, инспектор сельского хозяйства на острове.

Следует заметить, что в те времена занятие фотографией было делом дорогим. Тяжелая фотоаппаратура, сложный химический процесс, получение негативов и фотоотпечатков — все это требовало знаний, упорства и денежных вложений. В те годы занятие фотографией было сопутствующим делом основной профессии. Прожить на доходы только от фотографии было невозможно. Это подтверждает опыт хабаровских фотографов Эмиля Нино, Владимира Ланина, которые занимались торговлей, то есть были купцами.

Репродукции фотографий — отдел краеведения ДВГНБ — Валерий ТОКАРСКИЙ

Аборигены севера Сахалина, надзиратели тюрьмы п. Александровского

Корсаковская тюрьма

Источники информации:

- ¹ РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 192, л. 1.
- 2 Дубинина, Н. И. Приамурский генералгубернатор Н. И. Гродеков / Н. И. Дубинина. Хабаровск : Приамур. геогр. о-во ; Изд. дом «Приамур. ведомости», 2001. С. 86.
 - ³ Там же. С. 86.
 - ⁴ Там же. С. 87.
- ⁵ Географическостатистический словарь Амурской и Приморской областей, с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. преподаватель Благовещ, муж. гимназии Александр Кириллов. Благовещенск: Тип. тва Мокин и Ко, 1894.

Солнечные боги славян

В коллекции нашего музея хранится акварель В.М. Васнецова «Змей Горыныч». Эскиз. 1901 года. С ней можно познакомиться, открыв альбом «Дальневосточный художественный музей» (М., 2004). В конце XIX века В.М. Васнецов (1848-1926) первый обратился в своем творчестве к образам русского народного эпоса. В картинах «Богатыри», «Аленушка», «Гамаюн», «Сирин и Алконост», «Бой Ивана-царевича с Морским Змеем», «Сивка-Бурка», «Баба-яга» обнаружились с наибольшей полнотой коренные черты русского художественного вкуса. Толкования названных персонажей можно найти в справочнике «Славянская мифология» (М., 1999), «Словаре международной символики и эмблематики» В.В. Похлебкина (М., 2001), «Русском мифологическом словаре» Шуклина (Екатеринбург, 2002). Открытая Васнецовым по-новому, тема национального самосознания вызвала творческий интерес у М.А. Врубеля, Н.К. Рериха, Е.Д. Поленовой, И.Я. Билибина и др.

К этой теме обращались и обращаются многие русские художники. Достаточно познакомиться с иллюстрациями в новой книге С.В. Перевезенцева «Россия. Великая судьба» (М., 2005). Автор, доктор исторических наук, философ, писатель и публицист пишет:«Горячий (именно горячий, даже жгучий!) интерес к славянской мифологии, поразивший сегодня читательскую публику, далеко не случаен... Мы, русские люди, как и наши предки тысячу лет назад, на исходе века X, совершаем новый выбор веры..., мы ищем духовную основу и настоящей, и будущей России». Автор объясняет сложности изучения славянской мифологии, исследует этнические корни «пантеона» славянских богов, их тесную связь с годо-

Под сенью мифа

Татьяна ЛАВРОВА, библиотекарь Дальневосточный художественный музей

Основная часть коллекции Дальневосточного художественного музея сформировалась в 1931 году: поступления из Эрмитажа, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Государственного исторического музея и др. В состав музейной коллекции вошли произведения искусства с сюжетами на мифологические темы. Это скульптура и слепки с оригинальных произведений античных и западноевропейских мастеров, живопись и графика. Произведения декоративно-прикладного искусства. Писателям древности, историкам искусства, археологам и лингвистам, сотрудникам музеев, этнографам и филологам обязан современный читатель богатством литературы по мифологии.

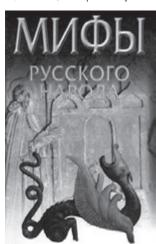
вым циклом земледельческих работ (см. кн. В.К. Соколовой «Весенне-летние календарные обряды русских, украчинцев и белорусов XIX — начала XX в.» М., 1979). Три главные части книги повторяют название картины-«завещания» французского художника Поля Гогена — «Откуда мы? Кто мы? Куда идем?».

Какими были первые произведения искусства древних славян (в книге много рисунков)? Какая литература о славянском язычестве появилась в XIX веке? Об этом сборник «Мифы древних славян. Велесова книга» (Саратов, 1993). Сюда вошли две книги, изданные около 200 лет назад (1804 - 1810): «Славянская и российская мифология» А.С. Кайсарова и «Древняя религия славян» Г.А. Глинки. Авторы – первые русские дворяне-профессора, филологи-слависты Включена также глава «Рождество богов и богинь» из книги Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян». В «Велесовой книге» (дохристианская летопись Руси) представлены мифологические сюжеты с реальными событиями II тысячелетия до н.э. - I тысячелетия н.э. Составители уникального издания отмечают, что «сегодня древняя вера наших предков (разных племен) похожа на клочки старинных кружев, забытый узор которых надо восстанавливать по обрывкам. Полной картины славянских языческих мифов еще никто не восстановил, хотя существует немало серьезных исследований».

В книге Е.Е. Левкиевской «Мифы русского народа» (М., 2000. Серия «Мифы народов мира») мифы изложены на основе устных преданий, собранных этнографами и фольклористами за последние полтора века. О славянских богах и мифах даны сведения в сборнике Р.К. Баландин «100 великих богов» (М., 2002). Происхождению славянской мифоло-

гии, ее персонажам посвящена книга **Л.Т. Мирончикова** «Словарь славянской мифологии» (2-е изд., с доп. и уточн., Минск, 2004).

Продолжается сравнительно-историческое изучение мифотворчества и искусства всех времен и народов, и возникает много интересных загадок. Так, историк искусства

М.В. Алпатов (1902-1986) в книге «Художественные проблемы искусства Древней Греции» (М., 1987) задает вопрос: «Как объяснить, в частности, тот факт, что украшение коринфской амфоры первой половины VI века до н. э. в виде двух петухов почти в точности повторяются в украшении Северной русской прялки девятнадцатого века? Совпадение более чем странное, особенно если вспомнить, что эти произвеления отделены друг от друга более чем двумя тысячами лет».

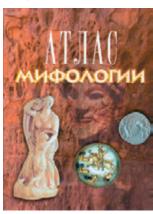
Мифы в искусстве

В 1887 году после посещения античного отдела Эрмитажа начинающий живописец и график В.А. Серов (1865 — 1911) писал: «...давно не получал такого красивого, живого настроения, какое дали мне маленькие греческие фигурки, почти игрушки,

но за эти игрушки, пожалуй, можно отдать добрую половину римской холодной скульптуры». Похожие чувства возникают, когда проходишь по третьему этажу Дальневосточного художественного музея мимо двух витрин, в которых расположились гипсовые слепки богов Древнего Египта и Древней Греции.

Афина Лемния, Амур и Галатея, Геракл и Омфала, Приам и Ахилл, Дионис, Аполлон и Марсий, Посейдон... Эти имена также привлекут внимание посетителей, потому что живописные и скульптурные произведения искусства, посвященные им, находятся здесь же, на третьем этаже. Таинственный и загадочный мир сюжетов зарубежного искусства древних мастеров станет удивительно понятным и живым, если обратиться к мифам, собранным в книгах: И.В. Рак «Легенды и мифы Древнего Египта» (СПб., 2001), «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима» (СПб., 1998), «Атлас мифологии» (Пер. с фр. М., 2001). Найти сведения и глубже понять замыслы художников помогут словари и справочники: Ф. Любкер «Реальный словарь классических древностей». В 3 т. (Лейпциг, 1914; М.,2001); В.Д. Гладкий «Древний мир». В 2 т. (М., 1998); В.Г. Власов «Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства». В 8 т. Т 1-4 (СПб., 2000); «Словарь мифов» (Пер. с англ. М., 1999) и «Античность»: словарь-справочник по истории, культуре и мифологии (Дубна, 2003) и др. О мифологических персонажах, воплощении их образов в античном и европейском искусстве. литературе, музыкально-драматическом искусстве собрана информация в энциклопедии «Мифы народов мира». В 2 т. (М., 1987). Об этом же монография французского художника Рене Менара «Мифы в искусстве» (СПб., 1900, 1993; М.,1996); книги научного сотрудника Эр-

митажа Д.С. Буслович «Мифологические и литературные сюжеты в произведениях искусства. Из коллекций Эрмитажа» (СПб., 2001), «Боги и люди в произведениях искусства» (СПб., 1999), Буслович Д.С. и др. «Мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи, скульптуре и шпалерах Эрмитажа» (Л., 1978); «Словарь символов в искусстве. Иллюстрированный ключ к живописи и скульптуре» **С. Карр-Гомм** (Пер. с англ., М., 2003).

Роль мифологического начала в художественной культуре Древнего мира... Эту тему затрагивают в научных трудах искусствоведы и историки искусства XX века, исследуя древнеегипетские и античные коллекции Эрмитажа и ГМИИ им. Пушкина (Алпатов М.А., Блаватский В.Д., Виппер Б.Р., Колпинский Ю.Д., Матье М.Э., Павлов В.В. и др.); историки искусства, сотрудники музеев XIX века, чьи работы в редком фонде библиотеки (Ф.В. Баллод, К. Вёрман, В. Любке, В. Мальмберг, Г. Масперо и др.)

В коллекции музея хранится графика: рисунки, исполненные карандашом, пером, сангиной, тушью, выполненные в технике офорта и гравюры резцом. Художники XVI — XVII веков, в основном, Италии и Германии, создали рисунки на мифологические сюжеты, где изображены Антей, Церера, Каллисто, Прометей, Сатир и Вакханка, Меркурий, Аполлон, Юпитер...

Миф и символ

В одно мгновенье видеть вечность, Огромный мир — в зерне песка, В единой горсти — бесконечность, И небо — в чашечке цветка.
Уильям Блейк

Мировосприятие английского поэта и живописца У. Блейка созвучно усилиям ученых, изучающих важнейшую отличительную черту мифа — его символизм.

Французский этнограф Клод Леви-Стросс пишет о задаче мифолога: «Мы будем рады рассматривать миф так, как если бы он представлял собой оркестровую партитуру, переписанную несведущим любителем, линейка за линейкой, в виде непрерывной мелодической последовательности; мы же пытаемся восстановить его первоначальную аранжировку».

Не менее сложную задачу в течение двадцати лет решал Ариэль Голан, автор научного труда «Миф и символ» (М., 1994). Применяя комплексный анализ и перекрестное сопоставление схематических рисунков и абстрактных начертаний глубокой древности, он восстанавливал семантику графических символов, запечатленных во многих позднейших мифах. сказках, обрядах, письменных источниках, исследовал содержание верований эпохи неолита, чтобы понять происхождение мифоэпических образов, ритуалов, игр и т. д. «Дождь и небо», «Олень золотые рога», «Двойная спираль», «Древо жизни», «Стиль орнамента» об этих и многих других понятиях рассказывает книга. Составлен огромный (853 источника) список литературы.

В 1705 году в Амстердаме по указу Петра I была издана книга «Эмблемы и символы». Она многократно переиздавалась в России и Германии. Издательство «Интрада» (Москва) вторично выпустило в свет этот памятник русской культуры (первое издание в 1995 году). Воспроизведены оригинальные гравюры эмблем по изданию 1811 года. Из книжной аннотации: «...представляет собой обширный свод... символики, широко распространенной в литературе, искусстве и дворянском быту XVII – первой половины XIX веков. Будучи одним из самых полных сборников эмблем, без которых невозможно представить художественный мир барокко, рококо и классицизма, книга служит, по сути лела. ключом и словарем к языку этих культур. Издание содержит 840 эмблем с надписями на русском, латинском, франпузском, неменком и английском языках, а также описания многочисленных аллегорий и геральдических знаков», в главе «Мнимые божки язычников» можно найти, например, сведения о Анубисе, Изиде, Купидоне, Амуре и Психее, Минерве, образы их запечатлены в произведениях искусства, которые находятся в постоянной экспозиции музея.

Об истории символической теории мифов и ее создателях-ученых можно прочитать в

книге Е. Добровой «Популярная история мифологии». Знакомство с многоцветным миром символов, мифов и знаков продолжается в книгах У. Эко, В.Я. Проппа, Ю.М. Лотмана, Д. Кэмпбелла. В издательстве «Локид-пресс» (Москва) издана энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы» (2003). Два издательства в Москве («Эксмо») и Санкт-Петербуге («Terra Fantastica») переиздали «Энциклопедию сверхъестественных существ. Иллюстрированный путеводитель по мифам, преданиям и сказкам» (2002). 117 статей и 16 отсылочных слов в книге О.В. Беловой «Славянский бестиарий». Словарь названий и символики (РАН. Ин-т славяноведения. М., 1999). Издание иллюстрировано миниатюрами рукописей из крупнейших российских архивов.

Нужны ли мифы XXI веку?

У каждого из нас есть свой ответ на этот вопрос. Изменится ли он в связи с определениями лингвиста и философа В.П. Руднева в «Словаре культуры XX века» (М., 1999) и определением мифологии из энциклопедического словаря «Российская цивилизация»?

Со всей определенностью можно сказать, что в XXI веке остро стоит проблема сохранения и изучения культурного наследия, рожденного мирами древних цивилизаций. Сегодня в научный оборот введены мифы многих народов мира, заполнение мифологического пространства Европы и Азии продолжается.

Только за последние четыре года в библиотеку поступили книги: «Мифология Британских островов», «Скандинавская мифология», «Миры и верования кельтов», «Японские боги и мифы» и др. Мифологический жанр в искусстве наполняется новым содержанием. Убедиться в этом поможет книга «Все о живописи» Как разбираться в искусстве, по-

нимать художников и наслаждаться живописью (пер. с англ. (М., 2002). Раздел «Миф и аллегория» написан преподавателем, автором книг по искусству Линдой Болтон (США). «Фрейд и мифология», новое толкование классики, «Современная мифология» — только часть вопросов, которые рассматривает автор, опираясь на творчество художников Запада.

Московскими художниками разработан ряд проектов «Новая мифология», один из которых состоялся в ноябре 2005 года в выставочном зале МОСХ России на Беговой улице, где прошла выставка «Новая мифология-2». Главная мысль экспозиции — «От рожантической аллегории к лирическому символизму» (газета «Московский художник», 2005, № 11−12,)

Музеи знакомят посетителей, в том числе юных, со своими коллекциями. Книги, адресованные детям, помогают войти в мир искусства. Детскому читателю адресованы такие издания: Ермильченко И.В. «Античные мифы в искусстве» (М., 2001), Шаповалова О.А. «Расскажи мне об Эрмитаже» (М., 2003), Шрамикова И. «Художественное наследие Древнего мира» (М., 1999, ГМИИ им. А. С. Пушкина), Дубкова С.И. «Прогулки по небу. Легенды и мифы о созвездиях» (М., 2001) и «Сказки звезлного неба» (М 2004) Переведены на русский язык и красочно изданы мифы древних египтян, народов Азии и Африки, Америки, Швейцарии и др. Знакомство с этими книгами в детстве, может быть, вызовет у юных читателей такое же удивление и неистребимое желание разгадать, добраться до истины, какое помогло французскому ученому Шампольону дешифровать надпись на Розеттском камне, чтобы «заговорили» египетские письмена, или открыть свою Трою, как сделал Г. Шлиман, фантастически увлеченный миром, описанным Гомером в « $\dot{\Pi}$ ллиаде» и «Одиссее».

Александр ВРУБЛЕВСКИЙ **Крупинки года**

Появление в русской литературе жанра хайку (или трехстиший) обычно связывают с изданием в начале 70-х годов прошлого столетия книги классической японской поэзии в переводах Веры Марковой. Старинная японская поэтическая форма оказалась неожиданно популярной среди любителей поэзии. Привлекала предельная лаконичность пейзажножанровой зарисовки, приглашавшей к домысливанию и сопереживанию. Трехстишие можно было рассматривать как цветок или драгоценный камень, каждый раз открывая новые грани и оттенки стиха.

Первое время жанр русского хайку развивался в Интернете, на посвященных ему сайтах и в сетевых журналах. Затем появились печатные журналы, начали выходить сборники поэзии хайку.

При кажущейся простоте написать хорошее хайку очень трудно. Александр Врублевский от своих любительских стихов к первому поэтическому сборнику «Городские акварели» шел пятнадцать лет. Его стихи, светлые и лиричные, с оттенком легкой грусти, отмечены цельностью и свежестью сюжета, неожиданным взглядом на повседневную жизнь. В них нет поэтических шаблонов. Это не стилизация и подражание японским поэтам, как все еще стараются представить русское хайку некоторые критики, а оригинальные стихи поэта, через необычный для русской поэзии жанр выражающего свое отношение к окружающему миру. Стихи Александра неоднократно публиковались в московских альманахах поэзии хайку «Тритон» и «Хайкумена», в поэтических сборниках, вышедших в Санкт-Петербурге и Киеве, на поэтических сайтах в Интернете. В 2002 году подборка его стихов вышла в журнале «Дальний Восток».

Графика Игоря ГРАБОВСКОГО

Миллионка. Владивосток. Бумага, гуашь

Из сборника «Городские акварели» (1999)

Синий мартовский вечер. В морозом прихваченной лужице Замерэла луна.

Скамейки, лотки и навесы Внезапно поплыли с потоками Летнего ливня.

Вечерний дождь заливает, Гасит одно за другим Окна домов.

Зимний день отгорел. Устала, свернулась клубочком Поземка у самых окон.

Камакура. Бумага, гуашь

Сильный мороз! Покраснели от холода Кирпичные щеки домов!

Из сборника «Весенний снег» (2001)

Покоритель сердец! Собрал на окнах зимний трамвай Коллекцию поцелуев.

Белый голубь вдали Еле виден на фоне Белоснежного облака.

Сверкает омытое солнце. Вывесил на просушку паук Мокрые паутинки.

В брошенном тапке Клубочком свернулся Солнечный зайчик.

Из сборника «Ледяной огонь» (2003)

Тонкий месяц Рогом алмазным рисует Гравюры на окнах.

Снежной змейке Все бока искололи Льдинки. Облако-шляпка— Убор почтенной горы Ранней весною.

В пряжу облака Солнце воткнуло Золоченые спицы.

Утро сквозь туман. Солнца шерстяной клубок В капельках росы.

Целый день бренчат Спицы летнего дождя Звоном комаров.

Капли на нитях. Ткет свою пряжу паук Из струек дождя.

Увядший цветок — Взгляд этой женщины. Поздняя осень.

Вид с горы тихим днем

Ниточки из труб До неба. Тронет ветер — Поплывут дома.

В морщинах лицо. Вгрызаемся в жизнь, а жизнь Вгрызается в нас.

Нищему в толпе Осень в шляпу бросила Пригоршню листвы.

На шпильках дождя По желтым листьям бегут Осенние дни.

Из сборника «Крупинки года» (2005)

Так неумело Штопает простынь снега Весенний дождик.

Вдвоем с капелью По солнечным улицам Гуляем весь день.

Майское утро. Даже у банки консервной Рот до ушей.

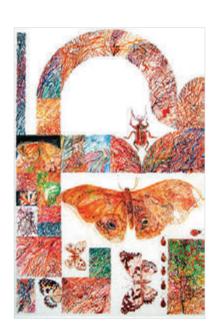
Полуденный парк. Паутинка на морде Спящего льва.

На длинных ногах Площадь перебегает Толстая туча.

Летнее утро. Тянется гриб, откинув Простынку-листок.

Гуляла всю ночь Осень. В кафе на столах Желтые листья.

Чертит гравюры В серых страницах улиц Осенний дождь.

Мир природы. Бумага, акварель

Натюрморт. Бумага, акварель

Искорки ягод. Ползет от листа к листу Осеннее пламя.

Утром сметает Ветер обрывки газет, Клочья тумана.

Тает В льдинке стекла ветрового Твой силуэт.

В пустом дворе Дымит цигаркой солнца Зимний день.

Осока. Лучи Прошлогоднего солнца В замерзшей воде.

Из цикла «О лотосе» (2005)

Полуденный час. На лепестке лотоса Дремлет бабочка.

Терпкий красный чай Разливает солнце В чаши лотосов.

Дрожит под ветром Флотилия лотосов На озерной воде.

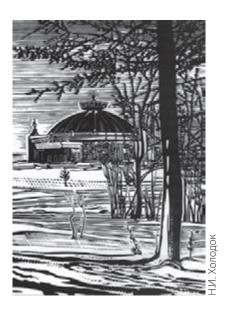
Из сборника «Неспешная прогулка» (2005)

К весеннему солнцу Тянется сонной листвой Цветок на окне.

Тень заката Накрыла волной Катер на берегу.

В пряжу облака Солнце воткнуло Золоченые спицы.

Парк Гагарина. Космическая тарелка Среди тополей.

Черно-белый аккорд с восточным колоритом

Валентина КАТЕРИНИЧ,

кандидат филологических наук Хабаровск

«Неспешную прогулку» по краевой столице, а теперь и по столице Дальневосточного федерального округа совершили два друга: художник и поэт.

Им хотелось не просто проиллюстрировать картинки города с помощью стихотворных текстов, но добиться определенного гармонического единства. Обратив при этом дружественный взгляд в сторону Страны восходящего солнца... Ведь поэтический жанр «хайкай» (хокку, хайку)

давно уже вышел за пределы Японии и успешно осваивается в странах иных культур, в том числе в России.

Николай Иннокентьевич Холодок — человек необычной биографии, прожитой под знаком Марса и Апполона. Именно в такой последовательности: сначала он закончил Благовещенское общевойсковое командное училище, а потом заочно Московский полиграфический институт (бывший ВХУТЕМАС). Его учили графике А. Гончаров. Д. Бисти, Г. Захаров и другие корифеи. Сейчас Николай Холодок — полковник запаса. А какова его графика, об этом лучше сказать словами профессионального художника Александра Лепетухина: «Портреты, пейзажи и экслибрисы Николая Холодка выполнены в классической манере... Завораживающе красивый аккорд белого и черного. При этом часть изображения подается как белый на черном, а часть — как черная форма на белом фоне. Эта игра рассчитана на фантазию зрителя. Не зря любители черно-белой графики предпочитают ее всем другим видам изобразительного искусства».

В настоящее время Холодок является доцентом кафедры дизайна художественно-графического факультета ДВГГУ. Он преподает пионерский для нашего города курс «Книжная графика и прикладная графика». Кстати, сам художник оформил 150 книг. Недавно он получил из Тревизо (Италия) приглашение участвовать в выставке «Техника книгопечатания» — Типотека.

Александр Петрович Врублевский — человек другого поколения, профессиональный полиграфист, а по призванию поэт и прозаик. Он автор двух поэтических книжек «Городские акварели» и «Весенний снег» (художник обоих сборников Н. Холодок). Его стихи публиковались в российском литературном журнале «Дальний Восток», московских альманахах «Тритон» и «Хайкумена», получили благоприятные отзывы в Ниигате, по ним японские студенты изучают русский язык. Приверженность Врублевского к трехстишьям (а чтобы избежать полемики по поводу терминологии, стоит именно так называть то, что он пишет) не дань моде, она имеет глубинные творческие причины. Сам он считает, что самое привлекательное в японской поэзии то, что человек гармонично слит с природой и окружающим миром, тогда как в европейской поэзии человек и его переживания занимают главное место. Разумеется, у Врублевского навеянное Востоком реализуется по-своему.

На выставке, посвященной 145-летию города, хабаровчане могли познакомиться с оригиналами графических работ Холодка в сопровождении трехстиший Врублевского. Теперь перед нами альбом с переводами текстов на английский и японский языки, так что его замысел — соположение разных культур — будет интересен зарубежным, и в первую очередь японским читателям.

Правление ассоциации книгоиздателей (АСКИ) в 2005 году вручило почетную грамоту Н. Холодку и А. Врублевскому — за воплощение интересного замысла литературно-художественного издания в книге «Неспешная прогулка», посвященной городу.

Светлана ФУРСОВА. Окончила театрально-режиссерское отделение Хабаровского государственного института культуры. С тех пор объектом ее литературных и журналистских исследований становится театр и личность человека, занимающегося творчеством.

С 1995 года работает театральным обозревателем в городских и региональных СМИ. Занималась радиожурналистикой, автор программ «Зеленая карета», «Любви старинные туманы», «Театральный разъезд» и др. Печаталась в журналах «Дальний Восток», «Экумена», «Страстной бульвар» (Москва). С 2001 года сотрудничает с журналом «Словесница Искусств».

Фиалки на фоне задымленного пейзажа

Светлана ФУРСОВА

Хабаровск

Горит солома – валит дым, сгорает сердце – кто увидит? Поговорка

Ирина Николаевна Струнова преподавала в местном институте искусств сценическую речь. Стройная, элегантная, она была, что называется, дама вне возраста. Пепельные волосы и зеленые глаза, со вкусом подобранные украшения позволяли считать ее как рано поседевшей, так и прекрасно сохранившейся женщиной. Она жила в однокомнатной квартире, главную ценность которой, несмотря на изысканность интерьера, составляли книги. Они теснились на полках, лежали на столе, поблескивали потускневшей позолотой на корешках и могли рассказать о вкусах и пристрастиях хозяйки больше, чем все слухи и домыслы.

Сегодня у Струновой с утра были индивидуальные занятия с первокурсниками. Молодые дарования обоего пола возникали перед ней в различных ипостасях и старались потрясти, приковать к себе внимание или, на худой конец, удивить. Она слушала, останавливала, указывала, отправляла, оставаясь сдержанной и чуть снисходительной к их молодости и самонадеянности. Наконец дверь за очередным гением закрылась, и Струнова с облегчением перевела дыхание. Хотелось курить. Она порылась в сумке, отыскивая зажигалку, но тут в дверь снова постучали, вернее, поскреблись, и в аудиторию неуверенно заглянула Даша Зотова. Длинноногая, в коротенькой юбчонке и с книгой, прижатой к груди, она была, пожалуй, самой неудачной из первокурсниц: какая-то неловкая, замкнутая, ни одного задания толком не выполнила.

Ну, что у тебя?

Пройдя на подгибающихся ногах к столу, Даша положила на него книгу, нашла нужную страницу и, ткнув в нее наманикюренным ногтем, пробормотала:

– Вот. От сих и до сих.

«Господи! — мысленно воззвала Струнова. — И это студентка актерского факультета, будущая актриса!»

Читай.

Накручивая пряди волос на тонкие пальцы с тонкими ободочками колец, Даша начала, запинаясь, монотонно читать. Струнова отошла к окну. Летел редкий снег, и пейзаж за окном напоминал поселение, на фоне которого Струнова со своей пепельной стрижкой и шалью, спадающей с плеча, казалась экзотической птицей, по недоразумению залетевшей из райских кущ в эту богом забытую дикую местность. «Черт возьми, — привычно ругнулась она про себя. — Вечный пустырь и вечный ветер. Есть ли что другое на свете?»

Внезапно в аудитории что-то неуловимым образом изменилось. Так же летел снег за окном, несвязно бормотала текст нерадивая студентка, так же хотелось курить, и Струнова то и дело подносила к губам незажженную сигарету, но вдруг завороженная не то интонацией, не то смыслом произносимого текста, Ирина Николаевна удивленно прислушалась. Даша сидела, низко склонившись над книгой, но ее голос, словно ручей подо льдом, вдруг прорвался какой-то глубокой нотой и нежно запел, зазвенел. В нем звучали и этот белый день, и быстротечность жизни, и сладость надежды, и прощания, и встречи.

Когда студентка замолчала, голос ее, казалось, все еще продолжал звучать в тусклом свете пыльной аудитории. Ирина Николаевна подошла и села рядом на соседний стул. Она отвела волосы с порозовевшего лица девушки и сказала:

Ну, молодец, хорошо прочитала. И отрывок хороший выбрала...

Помолчала и потеплевшим голосом добавила:

Трудно тебе приходится, Даша?

Дашины плечи под тонкой водолазкой чуть дрогнули.

- Да нет, учиться нетрудно, а так, вообще... иногда, неразумительно пробормотала она и замолчала.
 - Ничего, все образуется. Я помогу.

Струнова тонко очерченным карандашом сделала пометки на полях книги и отпустила Дашу. Никто больше не рвался в аудиторию, и можно было спокойно пойти покурить, но она почему-то забыла о своем желании.

Занятия в институте давно закончились, но Струнова не спешила уходить. Она посидела на кафедре, выкурила сигарету, выслушала коллегу, которая в очередной раз поведала сагу о своей постылой семейной жизни. Еще раз перечитала письмо от подруги из Питера. Да, в Питере когда-то была семья, муж, развод с которым, а главное, раздел имущества, оставил чувство непроходимой тоски. От него хотелось бежать как можно дальше, хоть к черту на рога, хоть на край земли. «Вот он, край земли, дальше некуда, — думала Струнова. — Все прошло, забылось, и зовут вернуться, предлагают работу, но теперь уж я сама не могу. И неизвестно, что меня здесь держит».

Впрочем, Ирина Николаевна лукавила, она прекрасно понимала, что и, главное, кто держит ее в этом славном городе Ха. «Все продано, все предано, разглядывая в крошечном зеркальце пудреницы свои глаза, пробормотала

ГОРОДСКИЕ ИСТОРИИ

она, — из какой это пьесы? А, неважно. Только и осталось, что учить молодежь повторять чужой текст».

Подходя к дому, Струнова увидела сквозь сумерки в воротах знакомую сутулую фигуру Мити Калитина. На ветру метался огонек его сигареты.

- Митя, что случилось? Я думала, ты в театре. А как же спектакль?
- Отменили спектакль, хрипло отозвался Калитин, в связи с большим наплывом публики. Я к тебе. Пустишь?

Калитин был на двенадцать лет моложе Струновой. Их отношения начались, когда он учился в институте, и продолжались вот уже несколько лет. За это время Калитин окончил институт, играл в театре, женился («Жена Наташка», — представлял ее друзьям), развелся. Потом уехал, снимался где-то, снова женился («Танька, жена», — писал в письме), и опять неудачно. Теперь вернулся с очередной женой, которую никому не представлял. Для простоты обозначения в случае необходимости Струнова называла ее «Танька-Наташка», Митя не спорил. Похоже, брак его опять не задался, впрочем, Струнова не вникала. Митя поник, потускиел, начал выпивать. Струнова понимала, что периферийный театр для талантливого репертуарного артиста не предел мечтаний. Но как помочь ему? Чем? Ведь все дано человеку: профессия, внешность, талант. Право, так и кажется иногда, что мы сами кузнецы своего несчастья.

Они пили чай с мелиссой и медом из глиняных чашек шоколадного цвета. В квартире было уютно, мягко светила низко висящая над столом лампа.

- Жизнь, в общем, проиграна и летит в тартарары, произнес Калитин, картинно откидываясь на диванную подушку, и Ирина Николаевна подумала, что и у него эта фраза из какой-то пьесы. Понимаешь, мне здесь больше нечего ловить.
 - Отправляйся в столицу.
 - Поздно.
 - Но ведь так нельзя, надо как-то выбираться.

Калитин посмотрел на точеный профиль сидящей рядом женщины и подумал, что она, вероятно, ждет от него какихто иных слов. Но какие, к черту, слова, если сама судьба столкнула их однажды, и с тех пор ни сойтись и ни расстаться они не могут. Он взял ее руку, унизанную перстнями, поднес к губам.

— Знаешь, — сказала Струнова, — у меня на курсе девочка одна проклюнулась. Ходила такая неловкая, зажатая, что-то лепетала, и вдруг — раз!—и взяла за живое. Думаю предложить ей подготовить к зачету рассказ Куприна.

Митя встрепенулся.

- «Фиалки»? Тот самый, наш... Я угадал?
- Ты угадал.

Калитин уткнулся головой ей в колени, спрятал лицо в складках платья.

 Теперь будешь ее опекать. Ты и меня опекаешь. Все думаешь, как бы помочь, поддержать. Стою ли я того?

Струнова прикрыла вспыхнувшие глаза. Казалось, еще миг, и сорвутся с ее губ слова, в которых растворится холод недоговоренности, отчуждения, иронии. Все станет на свои места, и жизнь улыбнется им в этот холодный вечер, который приник к окну своими фиолетовыми глазами, раскачивая на ветру фонари. Но миг этот блеснул, как молния, и исчез. Струнова выпрямилась на диване.

Нужен ты мне очень, — высокомерно произнесла она. — Тоже мне, нашел опекуншу.

Когда Даша перешла на третий курс, Струнова сказала:

- Не знаю, какую карьеру можно сделать в нашем теат-

ре. По-моему, тебе надо работать с микрофоном. Для начала, что ты думаешь о радио?

Даша растерянно хлопала ресницами.

- На радио? Это что же, диктором?
- Ну почему диктором? Есть масса вариантов. Все от тебя зависит. Подумай.

Но Даша, глядя на Ирину Николаевну, невольно думала о том шлейфе слухов, который тянулся за ней. Неужели это правда, что у нее роман с этим актером из драмы, у него еще жена — посредственная актриса с толстыми ногами? Из-за этого Струнова якобы собирается уезжать. Нет, не может быть, не верю.

- Ирина Николаевна, а вы нас не бросите? Говорят...
- А, уже говорят, рассмеялась Струнова. Ну город!
 Да нет, в ближайшее время я еще не уеду, не бойся. Доведу курс до конца. А ты все же подумай о моих словах.

Однако после семестра как-то внезапно, ни с кем не попрощавшись, Струнова уехала. После окончания института Даша попала в театр и надолго застряла там среди тех заплесневелых кулис, от которых ее предостерегала Струнова. Мелкие страсти, мышиная возня, фальшивый пафос и отсутствие зрителей — все было скучно, привычно, но, как это ни парадоксально, устраивало. Притерпелось, притерлось как-то.

Однажды после гастролей театра Даша с подругой поехала в отпуск в Питер и там, на набережной, встретила Струнову. Зеленоватое после дождя небо отражалось в знакомых глазах, и они блестели молодо и ярко. И вообще, вся она, в длинной юбке, обвивающейся вокруг ног, в шляпе, которую придерживала унизанной перстнями рукой, была под стать этому городу, где чувствовала себя свободно и легко. Подле нее, словно приблудный пес в последней стадии потертости, мыкался Калитин.

Даша и Струнова расцеловались. Посыпались вопросы, восклицания: где тот, а что с этой, а как у тебя?

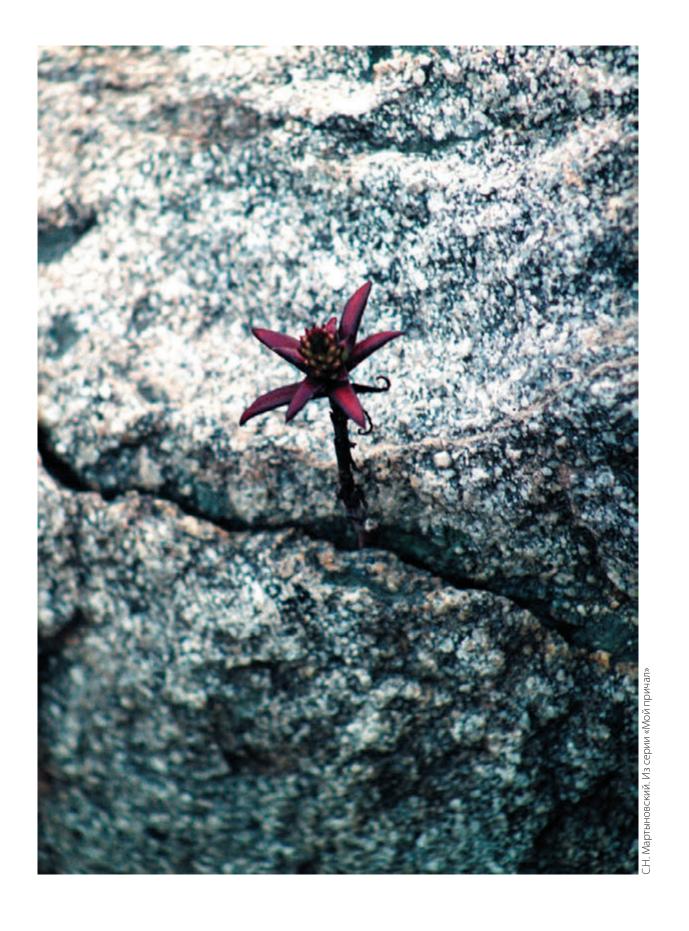
Узнав, что Даша до сих пор киснет в местном храме Мельпомены, Струнова взяла с нее слово изменить свою жизнь.

- Делом надо заниматься. Хватит и одного из вас, который... - бросив взгляд в сторону Мити, она оборвала себя и сердито продолжала: - В общем, ты меня поняла, и давай не кисни.

Но прошел не один год, прежде чем Даша решилась разорвать привычный круг и вырваться за пределы инерции. Однажды к ним долетела весть о смерти Струновой в Петербурге. По всей вероятности, она умерла внезапно, у себя дома, сидя в кресле — спокойная, красивая. В институте, где она работала, не сразу хватились ее отсутствия. Когда взломали дверь, удивились обилию книг в этой красивой квартире. Они стояли на полках, лежали одна на другой на столе, на диване, у ног. Родственников и детей у Струновой не было, и никто не знал, кому и куда сообщить о ее смерти.

Несколько дней вокруг города горели леса, и белый едкий дым, заполонивший улицы, не давал дышать. Он проникал в квартиру даже сквозь закрытые окна.

Даша сидела, склонившись над клавиатурой старенького компьютера, и наманикюренным пальцем тыкала в клавиши со стертыми буквами. Недавно она запустилась на одной из местных радиостанций с циклом передач «Старинных дней очарованье» по произведениям русских классиков. Текстом для первой передачи послужил рассказ Куприна «Фиалки» — изысканный, красивый, немного надуманный рассказ о первой любви. У Даши сохранились книги с пометками Струновой, которые напоминали легкую ажурную вязь на полях. Даша не решалась уничтожить пометки, ей казалось, что от этих строчек, порой совсем стершихся и неразборчивых, исходит тонкий аромат какого-то засушенного цветка, особенно явственный среди дыма лесных пожаров.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Музейная идентификация

Немецкая академия менеджмента Нижней Саксонии Музейный проект Берлин 2005

Ирина РЕХОВСКИХ (Ярославль), Светлана СОЛОВЬЕВА (Хабаровск), Ксения АЛЕКСАНДРОВА (Санкт-Петербург), Андрей ВОРОБЬЕВ (Москва), Елена ЗАЙЦЕВА (Санкт-Петербург)

Музей, как явление социальное, исторически ориентированное, в полной мере соответствует пространству и времени, в котором пребывает. И более того, музей является рефлексией и знаком эпохи, которая его порождает. Эвклидова геометрия обусловила развитие рациональной эпохи мышления. Математика считалась структурой объективной реальности. Куб Декарта является своеобразным итогом структурирования пространства и началом открытия законов проекции и линейной перспективы.

Иллюзия трехмерного пространства в двумерном измерении плоскости картины подобна откровению. Все дальнейшие попытки разрушения плоскости оказывались тщетными или отсекались от высокого искусства как не соответствующие реальности. Строго декларируемое движение погружения «вовнутрь» вносило также и тенденцию мужской прерогативы, патриархальной иерархии общественной уста-

Время двигалось линеарно и необратимо. Описание трехмерного пространства могло быть только в одной определенной категории Времени – или прошлого, или настоящего, или будущего. Пространство содержало знаки, абсолютно соответствующие своему значению и объекту, поэтому процесс познания не был развернут к бесконечности. Факт возникновения музея на закате нового времени принадлежит еще к эвклидову пространству истории.

Структурная установка Декарта сыграла и здесь свою роль. Первоначально музей создает историко-хронологический концепт эпохи Просвещения, детище индустриального общества, хранит, систематизирует источники знания и подкрепляет систему образования. Экспозиция призвастранства S1=S2. на показать линию развития исторического Все произведения авангарда предваряли прогресса, легитимировать деяния и пос-

в прошлом. Здание музея отвечало респектабельности и универсальности предъявленной идеи, как правило, выбирали наиболее

тупки людей, выявить итоги. Знаки экспо-

зиции – обязательно подлинные предметы,

то есть соответствующие своему значению

представительное городское сооружение, оплот стабильности и незыблемости. На смену рациональной эпохе движется новая эпоха — так называемого иррационального мышления, которая по аналогии с предыдущей может быть структурирована в математических терминах, хотя в это время математика и не является более наукой, так как теряет свой предмет - реальность, но приобретает новый статус (возможно, более почетный) искусственного языка, без которого не обходится ни наука (даже наука о человеке), ни искусство.

Визуально плоскость не разрушена, но изменяется структура пространства и времени. Сфера геометрии Лобачевского принципиально меняет движение, направление взгляда и положение индивида. Новая геометрия объясняет законы обратной перспективы Средневековья. А мы наконец действительно обретаем центр сферы и точку отсчета в бесконечность. Движение направлено от внутреннего ощущения к внешнему проявлению. И в этой связи импрессионисты были первыми, кто почувствовал внутреннюю точку, и последними, кто остановил движение в декартовой системе координат.

Экспрессионисты умножили эту энергию к воздействию на действительность, а авангард довершил разрушения привычных представлений о пространстве. «Квадрат» Малевича многократно интерпретировался с момента создания. В рамках нашей классификации мы можем предложить еще одну: черный квадрат на белом фоне — это живописная формула сферического пространства, где все точки равноудалены от центра, это формула так называемых центральных задач физики и математики, площадь черного равна площади белого про-

свою презентацию теоретическими осмыслениями и текстами еще и потому, что знаки эпохи перестают соответствовать своему значению, они интерпретируются через искусственные языки и интерпретируются в контексте разного времени. Сферическое раскрытие бесконечного множества, женское интуитивное бессознательное играет большую роль (может, и неслучайны завоевания феминизма), процесс познания становится бесконечным и расцветают такие науки как синтаксис, семантика, семиотика и психоанализ.

Геометрия Лобачевского искривляет линеарность пространства, параллельные прямые обязательно находят точку соединения, а время также становится сферичным и «неизбежно обращает вспять всякую траекторию» (Ж. Бодрияр). Музеи почувствовали новую ситуацию достаточно поздно, но уже с 1970-х годов в Европе (а в России — только последнее десятилетие!) появляются новые концепты экспозиций: рекреационная — как пространство отдыха и развлечений, где музей проводит, и небезуспешно, политику внедрения на рынок услуг.

Правда, здесь есть только одна перспектива: музей полностью поглощается индустрией развлечений и живет по этим законам. Но существуют и другие стратегии. Как только пространство получает возможность бесконечного раскрытия, так музей осознает свое ментальное от-

личие от предыдущей эпохи. Открытость. Музей подстерегает нас повсюду. Знаки, артефакты образуют новую ценность через интерпретацию и новую духовную сущность.

Продолжая опираться на развитие математики, следующим возможным шагом структурирования пространства станет матрица. Философия постмодернизма уже проникнута этим многообразием и мозаичностью культуры. Но что такое «мнимое» число і в ячейках матричного построения? Может быть, это пространство трансперсональной памяти человечества? Математики и каждый школьник знают, как превратить число і в реальность: нужно применить операцию «возведения в квадрат» — і в квадрате равно 1.

Музей может на основе своих коллекций и с помощью новых медиа- и психотехник разработать методики погружения в эмоциональные, духовные и архетипические переживания каждого. Музей развивается как геология архетипов человечества бесконечно.

HOSPITATION*

Светлана СОЛОВЬЕВА

В 2005 году, успешно пройдя все конкурсные перипетии, я стала одним из 20 участников «Программы семинара для руководителей учреждений культуры Российской Федерации на примере музеев», разработанной Немецкой академией менеджмента Нижней Саксонии в рамках российско-немецкой кооперации.

В качестве референтов в проект были приглашены признанные европейские специалисты в области музееведения и музейного менеджмента, профессиональные экспозиционеры и психологи, юристы и экономисты, представители рг-агентств, сотрудники Министерства культуры Германии, члены Международного совета музеев. Программа включала четырехнедельный интенсивный семинар и двухмесячную работу в различных музеях Германии по обмену опытом. Содержание семинара ориентировано на коммуникативные сферы работы музея. Этим и продиктованы его основные темы: музейный менеджмент, правовые и экономические условия работы, международная кооперация в музейном деле, структуры руководства, внутриучрежденческая коммуникация, стратегии финансирования, экономическое планирование, маркетинг и работа с общественностью, выставочные концепции, темы и реализация проектов. На завершающей программу конференции в рамках сравнительного анализа состоялась презентация накопленного в период работы опыта и сделанных наблюдений. Результатами совместной работы остались удовлетворены все

участники проекта. Необыкновенная творческая атмосфера, разнообразие форм работы, глубокое взаимопонимание, высочайший профессионализм позволили наладить прочные деловые контакты, освоить европейские методы и модели актуальной музейной деятельности и, что самое главное, продемонстрировать открытость в обмене опытом и готовность к продуктивному диалогу. Проект получил заслуженно высокую оценку от лица музейной общественности и стал самым масштабным музейным проектом в Европе. Итоговая презентация группы, в составе которой я работала, была решена в жанре перфоманса и посвящена одной из важнейших проблем — «музейной идентификации». Разумеется, печатный вариант не дает полного представления о работе, так как читатель не имеет возможности слышать музыкальное сопровождение, ощутить динамику и ритмичность действия, оценить сценическое воплощение. Именно поэтому здесь приводится самый полный первоначальный вариант текста, предложенный Ириной Реховских (на фото всегда справа).

^{*} Посещение урока (нем.)

Проекты, получившие свой импульс в Германии

1. «DIGITAL DAO» ИЛКО БРАНД. Бреда. Нидерланды 3D графика и компьютерная анимация Выставка ДВХМ, октябрь 2005 Галерея современного искусства «Метаморфоза» Комсомольск-на-Амуре, ноябрь, 2005

2. ВОСПОМИНАНИЕ О ГОРОДЕ (памяти странствующих душ) КОЛИН ПЕТЕРС. Бреда. Нидерланды

Инсталляция ДВХМ октябрь 2005

3. «CHAK, ANDY & EDDY» МАРИККЕ ХАЙНЦ-ХОЕК.

Бремен. Германия Видеоинсталляция ДВХМ октябрь 2005 (передано автором в дар музею) Галерея современного искусства «Метаморфоза» Комсомольск-на-Амуре, ноябрь, 2005

4. СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ГРАФИКА

из собрания ЮРГЕНА ВАЙХАРДТА (Ольденбург, Германия) в дар музею к 75-летию ДВХМ, 2006

5. ИГОРЬ ЗАХАРОВ-РОСС Кельн, Германия TRAUMA NATALIS

> программа «Русское зарубежье» Хабаровск, 2007

авторский проект

6. ВАДИМ ФЕДОРОВ Хабаровск, Россия персональная выставка произведений Германия, Зеках «Blumengalerie», 2007

7. ЕВГЕНИЯ ГОРЧАКОВА Ольденбург, Германия персональная выставка произведений программа «Русское зарубежье» ДВХМ, 2007

3

Скульптурные фантазии на тему «Медного всадника»

Елена ГЛЕБОВА Фото Виктора БОСОВА и Виктора КОЗЮКЕВИЧА

В провинциальном Хабаровске, где улицы взбираются ввысь, а потом убегают к зеленым бульварам, где в архитектурном портрете смешались стили и знаки разных эпох, жил человек, представлявший этот город совершенно иначе.

Он бродил по лабиринту городского пространства и видел уголки, в которых могли бы расположиться скульптуры Пушкина, Гоголя, Маяковского. А на левобережном острове, прямо напротив Хабаровска, он мечтал установить памятник Кола Бельды — знаменитому нашему земляку, по праву носившему титул золотого голоса Севера.

Юрий Кукуев, член Союза художников России, не был фантазером. Профессиональный скульптор с отличной школой — сначала Саратовское художественное училище, затем Ленинградское высшее художественное училище им. Мухиной — он не просто создавал свои произведения, а вписывал их в конкретную архитектурную среду. Побывав впервые в Хабаровске на практике в 1973-м, Кукуев вернулся сюда уже с дипломом «Мухинки» и в этом же году устроился в Хабаровские художественные мастерские. Это было первое и последнее место его работы. Кто знает, чем уж «зацепил» этот город, но Юрий Кукуев мечтал за свою жизнь наполнить его скульптурами и скульптурными композициями, которые бы могли придать Хабаровску особый шарм.

К сожалению, многое не совпало. Яркая индивидуальность Кукуева и вкусы чиновников, творческая непримири-

Юрий Кукуев – выпускник Саратовского художественного училища. Впереди целая жизнь

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

Артист Мирослав Кацель

Шолом-Алейхем

мость мастера и стандартные «требования времени». А компромиссов он не терпел. Александр Болгарин, его коллега по скульптурному цеху, вспоминал, что когда Юрий Алексеевич собирался на рыбалку, всегда говорил: «Иду на крупную». Так и в жизни: всегда шел «на крупную». По мелочам не разменивался.

Понятно, что любого художника кормят заказы. Кукуев никогда не брался за работу, которая ему не интересна. Даже если приходилось совсем туго. А ведь в его жизни был очень тяжелый период, когда несколько лет он просто не имел возможности зарабатывать на жизнь. Но говорил, что лучше подметать улицы, чем делать откровенную халтуру. Голодал, но занимался творчеством. Лепил героев произведений Шолом-Алейхема, создавал сложнейшую скульптурную композицию с Пушкиным и много чего еще. В светлой мастерской и сегодня живут удивительные по настроению скульптуры, каждая из которых — целый мир. Здесь мальчик парит в небе вместе с чайкой, Тевье-молочник ведет неслышный диалог с Богом, душа Маяковского, оставив мирскую суету, устремилась в Вечность, а Гоголь, поднявшись над реальностью, освещает себе путь в мистические сферы.

Пушкин и Муза

Н.И. Гродеков

В истории множество грустных примеров, когда великие мастера не были оценены при жизни. Своего рода пропуск в бессмертие. Но это как-то мало утешает. Друзьям Юрия Алексеевича до сих пор больно смотреть на закрытую дверь его мастерской. Как сказал Максим Ананенко, скульптор, считающий Кукуева своим учителем, «словно часть души оторвали...». А еще больно говорить о неосуществленных проектах. По заказу правительства ЕАО Кукуев делал памятник Шолом-Алейхему, работа шла хорошо, и в цехе даже модель вылепили в натуральную величину. Но потом выяснилось, что средств на отливку монумента нет, и вся работа оказалась напрасной. Гипсовая модель долго стояла в скульптурном цехе, потом ее разбили и выбросили.

Последней трагедией в жизни художника стал Невельской. В конкурсе, который проводился на профессиональном уровне, победила модель памятника, выполненная

Автопортрет

Кукуевым. Как он радовался! Тем более что давно работал над образом Невельского, продумывал разные варианты пластического решения. Но спустя какое-то время произошло непонятное: решение художественного совета проигнорировали и постановили, что Невельского будет делать другой скульптор.

Юрий Алексеевич отметил шестидесятилетие и почти сразу лег в больницу. Нездоровилось всерьез. Из Тюмени приехала родная сестра, Ирина Алексеевна, и была рядом с ним все последние месяцы его жизни. Она вспоминала, как однажды приехали в мастерскую. Брат подходил к каждой своей работе, что-то слегка переделывал, благо пластилин податлив, поглаживал руками. Прощался. А в больнице, когда было уже совсем худо, процитировал с грустной усмешкой: «Служа так истово искусству, что получаем мы взамен?».

Хабаровские художники, друзья и коллеги Юрия Кукуева, понимают, какое ценное наследие оставил он Хабаровску. А что, может, пройдут годы, и мудрые хозяева города обратятся к нему. И тогда у нас наконец появятся особые уголки, где будут жить скульптуры Юрия Кукуева - концептуальные, утонченные, с особым авторским почерком и стилем настоящего Мастера. Проблема заключается в том, что в настоящий момент основная часть произведений выполнена в пластилине и лишь некоторые скульптуры в гипсе. Теперь, чтобы это сохранить, нужно, прежде всего, перевести скульптуры в материал. У Кукуева, единственного в Хабаровске профессионального скульптора, без сомнения талантливого, на это просто не было средств.

Если перечислить осуществленные проекты Кукуева, список не будет длинным. Самая известная работа — монумент «Черный тюльпан» на стадионе им. Ленина, который, кстати, сам Кукуев не очень-то любил и вообще долго отказывался за него браться. На здании Хабаровского театра драмы расположен красивый барельеф известным хабаровским артистам Елене Паевской и Валерию Шаврину. Вскоре появится еще один — артисту Мирославу Кацелю. На здании Дальневосточного художественного музея небольшой изящный барельеф А.П. Чехова в память о том, что он посетил наш город на пути к острову Сахалин. Упрямый и чуть насмешливый взгляд дальневосточного живописца Алексея Матвеевича Федотова встречает всех, кто проходит мимо выставочного зала Союза художников. Есть еще несколько работ в районах Хабаровского края, но для скульптора такого масштаба, как Кукуев, это ничтожно мало. В музее КДВО хранится бронзовая скульптура «Тачанка», в Хабаровском отделении Союза художников России — «Автопортрет», «Пушкин и Муза». Не так давно в Гродековском музее нашли возможность отлить из металла модель памятника Н.И. Гродекову, которую Юрий Алексеевич сделал в свое время по просьбе директора музея Николая Рубана. Пока бронзовая фигура приамурского генерал-губернатора стоит в холле, но в будущем, возможно, статуя Гродекова украсит музейный комплекс. Во всяком случае, Николай Рубан готов решать этот вопрос.

Последней работой Юрия Кукуева стали барельефы на Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Он делал лики четырех апостолов — Иоанна, Павла, Иакова и Матфея. И в том, что талант Мастера нашел приложение в создании облика православного храма, наверное, особый знак. За месяц до ухода Юрий Кукуев крестился. Отпевали его в скульптурном цехе, там, где прошла практически вся его жизнь.

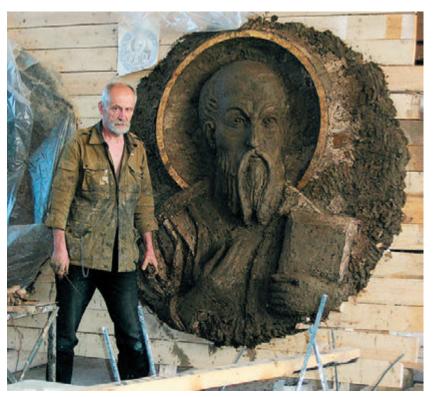
Были в этой истории и другие знаки. В тот день, когда Юрия Алексеевича не стало, в его мастерской на пластилиновой модели памятника Пушкину, обвалился фрагмент барельефа. Упал «Медный всадник». А в мастерскую самым неожиданным образом залетел поползень...

Виктор Босов сделал замечательный фильм «А напоследок я скажу...», где запечатлены последние годы Юрия Кукуева, где все пронизано его улыбкой, юмором. Вместе с Владимиром Козюкевичем он также создал великолепный фото архив, посвященный художнику и другу. Это то, что останется с нами.

О Юрии Алексеевиче Кукуеве, легенде скульптурного цеха, сложно говорить в прошедшем времени. Да и не стоит, наверное. Энергетика его пусть и немногочисленных работ наполняет Хабаровск, а модели скульптур наверняка дождутся своего часа. Потому что Время мудрее и справедливее чиновников

Гоголь

Барельеф на Спасо-Преображенском кафедральном соборе в Хабаровске – последняя работа Юрия Кукуева

Мост Сан-Франциско

Без преувеличения, первым в советском изобразительном искусстве Е.Ф. Димура художественно освоил и одухотворил личностным отношением безжизненную, на первый взгляд, природу ледяного континента и антарктических морей... Жизнь природы проявляется здесь с крайне сдержанной выразительностью. Возможно ли при таких исходных условиях посвятить Антарктике творческую судьбу с надеждой на художественный успех? Графика Е.Ф. Димуры доказывает – да, возможно! Нет на земле уголка, который был бы недоступен художническому восприятию, нет неинтересных для воссоздания в искусстве явлений. Была бы со стороны художника благодарная любовь к тому, что изображаешь...

В.И. Кандыба, искусствовед, Владивосток

Евгений Димура – романтик океана

Ольга ПРИВАЛОВА,

член Союза художников России, директор галереи современного искусства «Метаморфоза» Комсомольск-на-Амуре

Солнечный день

ДИМУРА Евгений Федорович. Родился в 1930 г. в Новосибирске. Жил и работал во Владивостоке. Около двух лет, в 1950-х, жил в Комсомольске-на-Амуре, где впервые занялся художественным творчеством в изостудии.

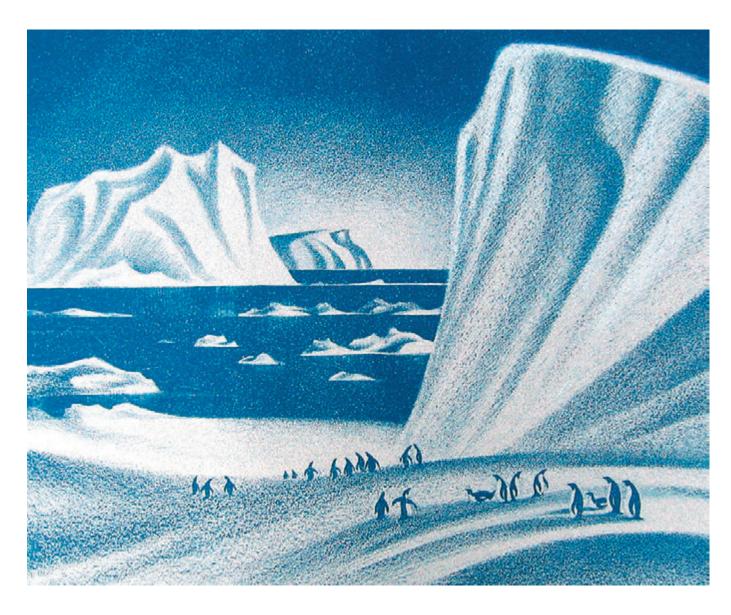
1974—1980 — участник пяти антарктических экспедиций на судах «Дальморепродукта». Именно в эти годы навсегда связал свое творчество со стихией моря, природой и историей освоения Антарктиды, Дальнего Востока.

С 1980 г. – член Союза художников России. 1990 – 1991 – участник экспедиций «Игры доброй воли», «Русская Америка» на фрегате «Паллада».

С 1967 г. участник всех краевых, зональных, всероссийских, республиканских выставок. Персональные выставки состоялись: Владивосток, Ленинград, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Беллингхем, Кадьяк, Сиэтл, Сан-Франциско (США), Аделаида, Сидней (Австралия).

Работы находятся в коллекциях Приморской картинной галереи (Владивосток), Музея Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург), Фонда Союза художников России (Москва), Музея изобразительных искусств, галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре), галереи современного искусства ДВТУ (Владивосток), в частных собраниях в России и за рубежом.

Пешеходы

Нежно-голубые пастельные штрихи, слегка касаясь бумажного полотна, ткут невесомую тончайшую материю облачных айсбергов — образ парящих спутников в безбрежном океане. Синие, фиолетовые тени контрастно-живописными складками, оттеняя сияние льда, выявляют его неисчерпаемую глубину и высоту, и солнечные потоки не могут растопить эту звонкую мембрану, искрящую отзвуками светового потока. Среди них еле заметны забавные фигурки пингвинов, напоминающие неведомых птиц, таких странных в этом необъятном пространстве.

Без внутреннего понимания и лирического чувствования темы художественное творчество немыслимо. Графические картины Евгения Димуры просты и ясны по высказыванию: проникающий повсюду свет создает осязательный эффект отстраненной чистоты и особой эстетики Красоты. Ритмически организованная структура линейных параллелей увлекает выразительной демонстрацией идеи беспредельного пространства, куда устремляется взгляд, мысленно удаляя линию горизонта в бесконечность, и волей-неволей покоряешься мыслью о вселенской первозданной гармонии, о великом таланте человека,

могущего созерцанием, чувствованием и воображением объять мироздание. Графические контрасты рождают стихию борьбы, преодоления, беспредельную мощь природы океана Художественно обобщенный ритмический образ органично соединяется с изобразительным реалистичным подходом, высоким мастерством светотени. То легкий, то упругий графитный штрих образует волнующие разнообразные ритмы океанской стихии, а линейные контуры обрисовывают предметность человеческого бытия: парусники, натянутые нити моста, русский храм на далеком берегу. Работы художника обладают ярко выраженным характером живого эмоционального рисунка, поэтому его любимой техникой становится литография с ее богатой возможностью имитировать живое прикосновение руки. Евгений Димура был настоящим романтиком по ощущению и восприятию жизни. Таинственный смысл прекрасного для него бесконечно значительней всякой «занимательности». Создать кружевную воздушную фактуру простыми графическими средствами и цветовой монохромностью, обогащенную светотенью; посредством пространственных композиционных смещений выявить ассоциативно-

Русский храм

объемную цельность мира, создать ощущение неоднозначности во внешне простом сюжете — в этом его, художника, философия.

По большому счету несправедливо творческую биографию художника определять географическим местом проживания. Евгений Федорович Димура — художник мира. Им создан чарующий образ путешествия. Мощные косатки - грозные охотники - стремительно выплывают из глубин океана навстречу зрителю, а парусник - путешественник - спокойно проплывает мимо зовущих берегов, устремляясь навстречу опасным приключениям в таинственную даль царства льда, где важно шествуют пингвины. Путешествуют по его картинам и айсберги, как удаленные от материков корабли. Путешествие — это его судьба. Его, художника, неумолимо влекли путешествия: в молодые годы он работал матросом в пяти экспедициях китобойной флотилии. Здесь, изучая суровую натуру Арктики, он навсегда влюбился в ее чарующий ритм бесконечности и постоянно черпал здесь свое вдохновение. Позже он участвовал в кругосветном путешествии на фрегате «Паллада» в Америку в честь 250-летия освоения ее

Ревущие сороковые

русскими, показывая свои работы, и обрел новых друзей по всему миру, много путешествовал по Камчатке, Дальнему Востоку. Свои впечатления он потом воплощал в литографиях, в рассказах с художниками, работая в художественных столичных мастерских. Им создана портретная галерея российских путешественников и моряков, и его произведения находятся во многих музеях России: от Санкт-Петербурга до Владивостока.

Его картины мужественны и романтичны, как и душа художника. Что хотел высказать художник странной композицией с названием «Безмолвие»: на переднем плане громадный кит, убитый человеком, на фоне удаляющихся легких прозрачных айсбергов, и контрастно маленькая фигурка китобойца находится на самой нижней границе листа... рядом со зрителем: может быть, ты и есть этот человек? «Ревущие сороковые» так называют мореплаватели всегда бушующий градус южной широты, и преодоление его хищных громадных волн небольшими, но бесстрашными кораблями - зрелищно прекрасная метафора сложной человеческой жизни. Его картины монохромны по тону, но экспрессивно взволнованны по сути. Он тонко чувствовал белый цвет бумаги, преображая его в энергию света, ослепляющую чистоту таинственного метафизического замысла, противопоставляя цветовому материальному выражению.

Образ этого Человека возможно описать только насыщенными красками: своей эмоциональностью, особенной взволнованностью неутомимого рассказчика, нередко придающего сюжету ореол романтики, и этим неуловимым артистическим шармом он покорял всех окружающих. Художники всегда оживлялись, как только Евгений Димура появлялся: этот жизнерадостный человек все встречи превращал в праздник общения. Его истории всегда занимательны: юмор соседствовал с лиричностью, восхищение перерастало в философию понимания, какого-то общечеловеческого соучастия, он избегал категоричности, искренне любил именно душевную суть человека и принципиально был верен друзьям как настоящий рыцарь без страха и упрека. У него был дар чувствовать разнообразие красок повседневной жизни: от яркого солнца до вечерних сумерек. Он ценил чистоту, ясность мысли, души, и в этом был созвучен свету своих картин.

В последние годы Евгений Федорович часто приезжал в Комсомольск-на-Амуре — город своей юности к друзьям-художникам. Здесь жил его отец, первостроитель города, здесь начинался его путь художника, и только любовь к морю, страсть к путешествиям заставили его уехать во Владивосток. В последний приезд в наш город он, возможно, уже знал о болезни: навестил могилы первых учителей-художников, много вспоминал и верил, что в день рождения города, 12 июня 2005 года, откроет выставку своих любимых произведений. Почему был? Сама память о нашем Друге — это праздник радостных воспоминаний о встречах с ним, праздник, который всегда в душе.

К 150-летию со дня рождения М. Врубеля

Провидец характеров и судеб

Наталья СТАРУН,

искусствовед, зав. отделом русского искусства Дальневосточного художественного музея. Область особого изучения – русская иконопись.

Творчество М. Врубеля имеет непреходящую ценность и сегодня, когда отмечается 150-летие со дня его рождения. Гениальный художник прошел свой путь к постижению истин в искусстве так зримо, честно и одержимо, что, по словам А.П. Иванова, доброжелательного и объективного биографа, «вызывал огромную зависть своим настоящим талантом... Чистейший из людей, он терпел от злобы и невежества всю свою жизнь», которая рисуется его современниками как «величественная легенда».

Имеющиеся в ДВХМ работы Врубеля не способны дать полное представление об его гениальном таланте во всем универсализме. Несмотря на то, что в музее собрано 17 незначительных произведений, по ним можно судить о страстном стремлении художника к искусству целостному, представляющему человека и мир со всей мощью и полнотой.

Известно, что в своих произведениях он широко использует художественные образы мирового искусства. То, как он это делает, с помощью символов, метафор, намеков, ассоциаций, было характерно для искусства символистов начала XX века. Однако Врубель применяет образымифы в отрыве от литературного произведения, как средство гармонизации своего мироощущения. В своем творчестве он был одержим идеями добра и зла, света и тьмы. Материал черно-белой графики с ее крайними контрастами давал большие возможности для претворения этих идей, выдвигаемых эпохой рубежа века. А линия, обладая пограничной функцией, была заряжена жаром борьбы.

Из всего творческого наследия Врубеля наиболее стойкой перед натиском времени оказалась графика. В фонд ДВХМ в 1946

Церковь. Бумага, карандаш. 320х235

году поступило 15 рисунков, выполненных в различных приемах и технике.

Врубеля-рисовальщика высоко ценил не только требовательный академический учитель П. Чистяков. Его исключительные по мастерству рисунки восхищали даже заядлых противников художника. Восхищают они и нас, сегодняшних зрителей, попавших в ДВХМ.

В этих листах перед нами вновь воскресает Врубель, влюбленный в натуру, постигающий ее бесконечное разнообразие, прелесть и прихотливость в самом обыденном.

Большинство рисунков — карандашные, но виртуозная техника и замечательный глаз позволяют Врубелю извлечь из возможностей графита очень многое. Есть совсем лаконичные, беглые наброски без названия — буфета, женского профиля, женского торса, двух человеческих фигур, выполненные твердым штрихом без закруглений, без детализации в лепке объема, движения. (К примеру, жест,

Рисунок без названия (набросок буфета). Бумага, карандаш. 210x110

Портрет Веры Мамонтовой. Бумага, карандаш. 140х90

Роберт и Бертрам. Эскиз скульптурной группы. Бумага. карандаш. 137x120

движение качания ногой в наброске женского торса передано характерной зубчатой линией.) Выполнены они вскользь, незавершенны, поврубелевски «и так далее, и так далее», словно нахлынувшие на художника воспоминания о работе над эскизами для росписи Владимирского собора в Киеве, как на карандашном рисунке «Церковь».

Мимолетным видением скользнул перед нами в наброске женского профиля образ морской царевны, с излюбленной врубелевской формой раковины в головном убранстве, над которым он так много и увлеченно работал в Русской частной опере С.И. Мамонтова как декоратор оперы «Садко».

В эскизе скульптурной группы «Роберт и Бертрам», выполненной на лестнице дома С.Т. Морозова (ныне М.П. Рябушинского) мы уже чувствуем трагическое напряжение сил добра и зла, созданного в опере Обера «Фра Дьяволо». Их стремительное движение неистового танца, вихрем охватившее пространство вокруг предполагаемого фонаря, становится подвижным, многомерным. Оно передано жесткой разнонаправленной линией с резко очерченным контуром.

Одаренный тончайшим лирическим чувством, Врубель большую часть своего таланта посвятил передаче духовной красоты. Тончайшим психологом и зорким провидцем людских характеров и судеб был Врубель-портретист. Даже дети выглядят на его портретах мыслящими. Хотя портретное сходство и давалось ему шутя, да и позировать для него не было нужды (художник легко воспроизводил по памяти), он предпочитал видеть людей через призму «великих теней», приподнимая свои модели над обыденностью и приобщая к миру воображаемых или легендарных героев. Таков портрет Веры Мамонтовой, где модель уже не «девочка с персиками», как у В.Серова, а роковая царица Тамара из «Демона», с лицом, полным недетской грусти, и прикрытыми глазами, вызывающими желание угадывать их выражение.

В портрете доктора Пфеля Врубель верен своей манере не совершать «ошибку многих художников, рисующих с натуры, следя только за внешним контуром предмета, в действительности не существующим. Надо всегда проверять себя по очертаниям фона, следя за его орнаментальностью, чтобы все стало крепко связано между собой». Его рисунку свойственно разнообразное чередование параллельных, контурных пунктирных линий, составляющих профиль слегка склоненной головы модели с четко очерченной тенью. Это делает портретный образ неуловимо трагичным.

Широта взглядов и безупречный вкус побуждали Врубеля искать новые виды применения своего многогранного дарования. Он проектировал мебель, делал эскизы витражей, рисунки костюмов. Насколько оригинален замысел проекта буфета, можно судить по его наброску. Только глубокое проникновение художника в декоративный стиль древнерусской живописи поз-

волили придать музыкальную ритмичность орнаменту его эскиза.

Врубель пробовал силы в книжной графике, плакате. Имеющиеся в музейном собрании эскизы марки, значка, книжных оформлений ярко иллюстрируют воспоминания близкого друга художника К. Коровина: «Жилось тяжко — нужда, никакой работы. В одной семье были именины, и дворник дома передал нам, что господа просят написать что-то. Михаил Александрович пошел и потом писал на голубом коленкоре, выводя следующее: «Николаю Васильевичу слава», «Боже, Левочку храни», «Шурочке привет». Получено было за это произведение 10 рублей. Но как написал Врубель, какой особенный был шрифт — свой, и какой! И тут Михаил Александрович проявил свой необыкновенный дар графической черты и формы».

Внимания заслуживает эскиз афиши выставки «36», где бесстрашно сломана привыч-

Рисунок без названия (набросок женского профиля). Бумага, карандаш. 180x60

Портрет доктора Пфеля. 1890-е – 1900-е Бумага, карандаш. 180x60

ная конструкция знаков и начертаний в явный ущерб их читаемости. Буквы тесно сплелись в строки, подобные орнаментальным бордюрам, заполнили плоскость листа подвижным сплошным узором. На этом врубелевском эскизе такие переплетения букв вносят в новомодный шрифт неожиданный элемент стилизации, сближая его с древнерусской декоративной вязью.

Любопытно, что на выставке, о которой так оригинально оповестил Врубель, в зале Строгановского училища, он пишет знаменитую картину «Демон поверженный», которую поэт-мистик Даниил Андреев считал «разрушительным произведением, и при всей его гениальности лучше бы было, если бы оно перестало существовать на Земле». Даже после показа на 4-й передвижной выставке «Мира искусства» Врубель продолжал ее дописывать, без конца ее переде-

Рисунок без названия (эскиз марки). Бумага, тушь. 86х50

Рисунок без названия (эскиз книжного оформления). Бумага, акварель, бронза. 100x85

Афиша выставки «36». Эскиз. Картон, тушь, бронза. 260x310 лывая. А.Н. Бенуа писал: «Каждое утро до 12 часов после открытия выставки публика могла видеть, как Врубель «дописывал» свою картину... Лицо Демона, становилось все страшнее и страшнее, мучительнее и мучительнее». «Были дни, — вспоминала Е.И. Ге, — что «Демон» был очень страшен, и потом появлялась в выражении его лица глубокая грусть и новая красота...» Вероятно, стадия законченности картины, дошедшая до нас, в большей мере случайна. К сожалению, собрание ДВХМ не позволяет нам об этом судить.

Многогранный талант М. Врубеля требовал объемно-пластических средств выраже-

ния. Обращение к керамике было связано с поисками художником синтетического искусства с тягой к формам и узорам, запечатлевшим музыку. Качества его произведений дают основания считать Врубеля основателем самостоятельной русской школы художественной керамики под техническим названием «фигурной» или «кусковой» керамики. Для художника и здесь важно метафорическое понимание материала керамики, а отсюда и его трактовки.

В собрании ДВХМ имеются две тарелки (из фарфора и фаянса) с характерным излюбленным врубелевским цветом — жемчужнозеленым и пламенеющим медно-золотистым. Каждая из них рождает ряд ассоциаций, переходящих одна в другую, обогащая целое как цвето-свето-объемно-музыкальная феноменальная форма.

Во всех этих работах М.А. Врубеля есть возможность разглядеть отвагу и напряжение его независимого грандиозного таланта. Ведь, как правило, даже сравнительно второстепенные произведения большого художника часто бывают характернее, показательнее в стилевом отношении, чем выдающиеся. Их особое образное содержание и удивительная форма воплощения позволяют определить тот неповторимый врубелевский стиль, что волнует нас сегодня.

Тарелка декоративная красная с зеленой росписью. Фарфор

Тарелка декоративная серовато-зеленая. Фарфор

Долгий полет в неизвестности

Татьяна БАТОВА

Владивосток

В новогоднюю ночь 1945 года из краеведческого музея имени В.К. Арсеньева города Владивостока был украден рисунок Михаила Врубеля «Летящий Демон». С тех пор следы уникального произведения графики терялись. И лишь через шестьдесят лет рисунок нашелся в Москве.

Некий краснодарский коллекционер принес на реставрацию и экспертизу в мастерские им. Грабаря «Летящего Демона». Как выяснилось, эту работу он купил в одном из антикварных магазинчиков уральского города Челябинска.

По информации руководителя федеральной службы Росохранкультуры Александра Боярского, частное лицо приобрело рисунок на условиях, которые не были закреплены договором. Так что официального права на владение у любителя картин, купившего подлинник Врубеля, не было.

Представители Росохранкультуры изъяли рисунок как краденый и в соответствии с законом решили передать его законному владельцу — Приморскому краю.

Теперь рисунок Врубеля, вернувшийся в Приморье больше чем через полвека, можно увидеть в Приморской картинной галерее.

Рембрандт. Автопортрет

Анастасия БЕРКОВСКАЯ,

искусствовед, зав. отделом западноевропейского искусства Дальневосточного художественного музея.

В 2006 году в крупнейших музея мира отмечается 400-летие со дня рождения Рембрандта Харменса ван Рейна (1606–1669).

Практически вся коллекция произведений великого голландского мастера XVII века экспонируется и хранится в Европе: Амстердам, Рейксмузеум; Дрезден, Картинная галерея; Берлин, государственные музеи и другие. Большой интерес представляет немалая коллекция живописных произведений и наиболее полная коллекция офортов* Рембрандта в Эрмитаже. Офорты поступили в коллекцию Эрмитажа в 1897 году из частного собрания Ровинского. Удивительно, как сенатор Дмитрий Александрович Ровинский, помимо государственной службы, собрал самую крупную в мире частную коллекцию офортов Рембрандта. В Хабаровске в коллекции Дальневосточного художественного музея есть офорт Рембрандта «Автопортрет», который был передан Эрмитажем в 1931 году. Офорт «Автопортрет» Рембрандта - поистине одна из жемчужин коллекции Дальневосточного художественного музея. И жанр, и техника исполнения этого уникального произведения искусства вызывают несомненный исследовательский интерес. Офорты являются самостоятельной областью творчества Рембрандта, в исполнении которых он достиг великолепного мастерства. Кроме этого известно, что за свою жизнь Рембрандт создал около ста автопортретов, ставших своеобразным дневником художника в живописи.

Рембрандт — истинный создатель нового живописного языка в культуре XVII века, главную роль в котором играли до глубины тонко

^{*} Офортом называется как один из процессов гравирования на металлической доске, так и отпечаток, получаемый в результате этого гравирования. В основе этого способа лежит травление кислотами рисунка, который процарапывается по покрывающему доску слою лака, предварительно нанесенному на металл. Протравленные места заполняются краской, после чего с доски делается оттиск на бумаге.

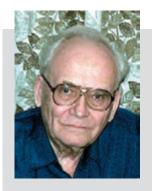

разработанные приемы светотени, позволявшие выразить эмоционально напряженное внутреннее содержание образа. Живописи Рембрандта стала доступна духовная жизнь человека в пространстве времени. В возрасте 35 лет Рембрандт был уже признан в Амстердаме одним из выдающихся художников. Вокруг него с самого раннего периода его творчества группировались многочисленные ученики и последователи. Их привлекали как новизна содержания, так и новаторство живописных приемов Рембрандта. Их влекло то ни с чем не сравнимое ощущение мистического, мерцающего света, исходившего как будто изнутри его полотен. В Амстердаме XVII века ходила молва о том, что в мастерской великого голландца даже посредственный ученик обретал мастерство. Ни один художник Голландии не оказал такого влияния на современное ему искусство, как Рембрандт. В одном из писем секретарю принца Оранского Константину Хейгенсу он определял свои художественные намерения стремлением выразить «наивысшую и наиестественнейшую подвижность», подразумевая под этим отнюдь не внешнюю динамику образа, а выражение малейшего движения души.

Рембрандт был исключительно внимателен к миру, человеку, к проявлениям своей собственной личности. За свою жизнь Рембрандт создал около ста автопортретов картин, гравюр и рисунков. Для него это была своего рода автобиография, даже если потом портреты продавались. На одном из первых изображен 22-летний растрепанный юноша с пытливым лицом. Другой портрет того же года более официален. В автопортрете 1640 года Рембрандт изобразил себя в наряде XVI века, подчеркнув свою духовную близость с великими предшественниками эпохи Высокого Возрождения. Рембрандт изображал себя в самых разнообразных образах: в одежде амстердамского торговца с цепью, подвесками и меховой отделкой и с палитрой и кистью в скромной одежде, с простым белым беретом на голове, и в цветастом тюрбане поверх длинных седых волос. Жанр автопортрета для Рембрандта — это возможность глубокой рефлексии, внимания к своему внутреннему миру, к малейшим изменениям собственной души, возможность средствами живописи или графики выразить все богатство нюансов выражения человеческого лица, его позы, движения или покоя рук. В этой проработке нюансов изображения внутреннего мира человека через его внешность и реализован психологизм образов Рембрандта.

Офорт из коллекции Дальневосточного художественного музея, как и другие автопортреты мастера, отражает глубокое познание своей личности. Здесь нет атрибутов художника, нет одежды, характеризующей социальный статус. Отсутствие каких-либо предметов освобождает образ от ассоциации его человеческой личности с деятельностью как таковой. Мы видим только лицо — задумчивое, осунувшееся, с выражением усталости. Автопортрет, без сомнения, поздняя работа (1650-е годы). В этот период жизни Рембрандт обеднел, он потерял близких, его покинули все ученики. Выражение лица на автопортрете - это скорее обобщенный образ жизни, прожитой художником, глубоко осмысляющим и переживающим, когда проживание этапов судьбы окрашивается в одном уникальном сознании художника общечеловеческим смыслом. Лицо Рембрандта воплощает не единственное замкнутое в себе психологическое состояние, а нечто несравненно более сложное и длительное, приравненное к осмыслению целой жизни человека. По словам исследователя Лазарева, автора книги «Портрет в искусстве XVII века» - это психологический поток, переданный в портрете. Несмотря на застылость лица, в образе определенно есть динамика: в вибрации линий, в легком кажущемся колыхании прядей волос, в череде света и тени, в переплетении разнонаправленных штрихов. Нет жестко очерченных форм, но линии не округлые, а слегка надломленные. Такая надломленность в вибрации линий воспринимается как ощущение болезненности. Изображенное лицо можно поделить на правую и левую стороны по степени выразительности. Левая сторона затемненная, вялая, почти безжизненная. Правая - сильно высветлена и слегка очерчена, что делает лицо полупрозрачным и напряженным. Важным оказывается взаимоотношение белой бумаги и сгущений штрихов — белое все время просвечивает, мерцает сквозь черное, придавая офорту естественность и дыхание жизни. Гибкость, подвижность, трепетность офортного штриха - открытие Рембрандта. Офортные приемы, которые он открывает и которыми пользуется - это выражение образа в развитии. Кажущиеся быстрота и небрежность, с которыми наносятся штрихи, должны вызвать ощущение легкости работы. Во многих работах позднего периода эскизность манеры определяет всю стилистику офорта, когда ярко выраженного контрастного разделения между светом и тенью уже нет. По определению Левитина, автора книги «Голландский офорт XVII века»: «У Рембрандта свет и тьма из элементов стиля превращаются в категории бытия...»

После Рембрандта сам термин «офорт» определяется в первую очередь исходя из его практики и его результатов. Рембрандт был исключительным художником XVII века, но остался не понятым многими современниками. Следующие поколения предали почти полному забвению его искусство. Лишь в XIX веке Рембрандт был вновь открыт. Открытие творческой манеры великого голландца, по мнению некоторых современных исследователей, стало одним из факторов влияния на возникновение таких художественных направлений, как импрессионизм и экспрессионизм.

Евгений Аркадьевич Кириллов (1932 г. р., Томск). После окончания Томского политехнического института работал в геологических экспедициях Дальнего Востока, в ДВ НИИ минерального сырья. Кандидат геолого-минералогических наук. Имеет ряд научных трудов, автор многочисленных литературных публикаций в местных и некоторых центральных изданиях, в том числе книг «Неизвестный Анерт», «По собственному побуждению», «Маршрут продолжается».

1. Мария (Бахчисарайский фонтан)

- 2. Автопортрет
- 3. Аркадий Шоров в кресле «Маугли»
- 4. Кола Брюньон

Галатея Аркадия Шорова

Евгений КИРИЛЛОВ

Хабаровск Фото автора

Жил и творил в Хабаровске в 70-х годах ушедшего века свой Пигмалион – замечательный самодеятельный скульптор, мастер резьбы по дереву Аркадий Яковлевич Шоров. Выставки его работ пользовались в свое время большим успехом, как и радиопередачи о его творчестве, и документальное кино.

В 1981 году Аркадий Шоров переехал на Украину и там тоже создал немало скульптур, восхищавших людей. Изредка он писал мне о своих выставках, присылал буклеты и каталоги, комментарии искусствоведов. Как и на Дальнем Востоке, на Украине Шоров жил двумя параллельными жизнями. Одна — работа геолога-разведчика, а в отдельные периоды ученого в НИИ (Аркадий Шоров — кандидат наук) — обеспечивала ему хлеб насущный, а государству минеральное сырье. Другая — в свободное время, вечерами, а то и ночами, со стамеской-резцом в руках - была жизнью творца с неистребимой потребностью творчества. По каждому из этих направлений у Шорова достижения немалые. Работал он главным геологом экспедиции, проводившей поиски и разведку месторождений урана на Дальнем Востоке и юге Якутии, за трудовые успехи награжден орденом. В последние перед отъездом годы заведовал отделом специсследований в НИИ минерального сырья в Хабаровске. Что касается творчества - здесь десятки великолепных скульптур.

Свои произведения Аркадий Шоров делал исключительно из дерева. Его излюбленный материал — капы — своеобразные наросты, наплывы древесины на

стволах, а также причудливой формы комли — прикорневые части стволов. Знатоки утверждали, что его работы в этом материале соответствовали уровню народного художника. Истинный талант или, как говорят, искра божья, никаким дипломом не определяется.

У Аркадия Шорова было особое пристрастие к жанру портрета, что позволяет говорить о нем как о мастере скульптурного портрета. Именно в нем достиг наивысшей степени совершенства. Мне довелось быть в Смоленске в музее Сергея Коненкова, видеть оригиналы некоторых скульптур Степана Эрьзи, других художников. Невольно напрашивались сравнения. Я убеждался, что портретные скульптуры нашего мастера сопоставимы, близки аналогичным творениям признанных мастеров не только по совершенству техники исполнения, но и по глубине экспрессии внутреннего содержания, по умению передать свое, авторское видение того или ино-

- 2. Материнство
- 3. Сцена на охоте
- 4. Дон Кихот
- 5. Мефистофель
- 6. Галатея

считал себя в известной мере последователем С. Коненкова и С. Эрьзи. Последний, видимо, особенно близок ему. Этот мастер, долгое время находясь в вынужденной эмиграции в Аргентине (1927-1950), впервые в практике ваяния этой страны стал использовать для своих скульптур некоторые особо твердые породы деревьев (кербачо, альгарробо, урундай) и особенно наросты-капы. Наш земляк, заброшенный геологической судьбой в Якутию, открыл там для себя и других ваятелей замечательные возможности исключительно твердых капов из скромной дальневосточной лиственницы, проявив, как и Эрьзя, особое видение и ощущение материала, его фактуры. Одновременно Аркадий Шоров стал использовать капы сосны, березы, ясеня. Казалось, сила воображения художника позволяла ему видеть свои будущие творения под заскорузлой смолистой древесной коркой совсем непрезентабельных обрубков, под обуглившимися слоями обгоревших деревьев, под налетом тины и ила старых коряг-топляков. Капы и причудливые комли он выискивал даже среди отходов леспромхозных складов, о чем, кстати, писал в своей заметке «Ода капу» в газете «Тихоокеанская звезда» в 1980-м.

Ну а если уж попадался свежий кап с оригинальной природной фактурой, воображение скульптора срабатывало почти мгновенно. Помнится, как я привез после геологического лета из тайги и подарил ему прекрасный смолистый сосновый кап с натечно-полосатыми изгибами поверхностного слоя, напоминавшими струящиеся женские волосы. Шоров благоговейно и бережно поставил подарок на стол, долго осматривал кап, то отходя от него, то приближаясь. Потом едва слышно про-

изнес: «Галатея...» Я спросил, что привиделось ему в этом капе. «Прекрасное женское лицо, — ответил Аркадий Яковлевич. — Почти ничего не нужно убирать с боков — все уже природа сработала. Вот только здесь... Сегодня же начну работать».

Эту скульптуру, ставшую одной из лучших его работ, он действительно назвал «Галатеей», памятуя о замечательном мифе Древней Греции, в котором говорится о скульпторе Пигмалионе. Этому чудесному женскому образу Аркадий Шоров посвятил и стихи. Как видим, Аркадий Яковлевич — человек разносторонне одаренный. Коллеги и друзья знали его еще и как барда, исполнявшего под гитару песни собственного сочинения.

Дальневосточный период творчества Аркадия Шорова — это более полусотни скульптурных работ. Мне посчастливилось видеть их, большинство запечатлеть на фотопленку и уже после отъезда автора представлять его работы на фотовыставках. Некоторые его подарки — небольшие скульптурки — храню как память.

Если говорить о скульптурных портретах Аркадия Шорова, в них — изображения известных исторических личностей, а также популярные персонажи мировой классической литературы. Шорову удавалось выразить типичные черты характера, душевный настрой героя. И вот уже перед нами порывистый, деятельный до одержимости Петр I, подозрительно-недоверчивый Иван Грозный, помеченный печатью обреченности Емельян Пугачев, вдохновленный слышимой ему небесной музыкой Шопен.

С последней скульптурой невольно ассоциируется у меня другая, увиденная в Государственном Русском музее — «Музыка Грига» С. Эрьзи. В этих работах много общего в изображении творческого порыва композиторов и, сдается даже, звучания самих, как бы застывших, остановленных аккордов из музыки, изумительно переданных в пластике дерева.

«Бетховен» Аркадия Шорова — неистовый и трагичный. В другой работе «Реквием (Бетховен)» - композитор уже на смертном одре. Он словно задумался, прикрыв глаза, но, кажется, сейчас взмахнет дирижерской палочкой, и вновь польются чарующие звуки его музыки. Скульптуры Бетховена и Шопена – одни из лучших в коллекции Шорова. А еще «Гоголь», «Лев Толстой». В чуть насмешливом взгляде Гоголя — все тот же его немой вопрос... к России современной: «Куда ж несешься, ты Русь? Дай ответ...». Толстой - напротив весь в думах - о судьбах ли людских или о непостижимости чуда человеческой жизни. Эту галерею портретов дополняют

«Достоевский», «Пушкин», созданные автором уже на Украине.

Работая над портретами известных людей минувших эпох, Аркадий Шоров стремился к максимальной достоверности. Както рассматривая недавно сработанную им небольшую скульптуру Петра, я заметил, что в лице этого монарха, по некоторым его портретам, можно увидеть больше резких, жестких черт. Аркадий тотчас достал с полок разные книги, альбомы с рисунками, в которых изображалось лицо Петра I, и засыпал меня аргументами, доказав, что его, шоровский, собирательный образ молодого царя был именно таким, каким он его сделал.

В одних работах Аркадия Шорова — портретное сходство с тем или иным героем, в других — сугубо авторская трактовка образа. Так, шоровский «Демон» совсем не врубелевский и не лермонтовский. Он страшен, даже безобразен, с тяжелым и мстительным взглядом. Прекрасны созданные дальневосточным мастером женские и детские образы в работах «Одиночество», «Якутская мадонна», «Якутский мальчик», «Аленушка», «Пробуждение» и др.

Аркадий Яковлевич проявлял себя и как прекрасный анималист. Интересна его скульптура рассерженного шимпанзе, работы «Львы» и «Материнство». Кроме того, Шоров делал прекрасные интерьерные работы — вазы, подсвечники. А чего стоит массивное декоративное кресло «Маугли»!

Трудно обо всем рассказать в небольшом очерке. Все это, конечно, нужно видеть. И как было бы замечательно, если бы в нашем городе нашлись заинтересованные люди и взялись бы издать альбом или небольшую книгу произведений нашего дальневосточного мастера. Лично я с радостью мог бы предложить свои услуги для осуществления этого проекта.

- 1. «Шопен» 2. «Петр I»
- 2. «Гоголь»
- 4. «Лев Толстой»

Маленькая ночная серенада

Светлана ФУРСОВА

Хабаровск

Рисунки Игоря ГРАБОВСКОГО

Комсомольск-на-Амуре

Наверное, этот Город, расположенный на трех холмах, произошел от слова «гордый». Особенно когда, сбежав с горы вниз к бульварам, — там раньше протекали две мутные хлопотливые речушки, — вдруг взлетал одним махом по крутой улице и возносился, сияя сухим золотом куполов и стройностью собора на площади, что раскинулась над красивой рекой.

Днем Городу было некогда оглядеться. Летом он развозил, подсаживая в трамваи и автобусы, жителей по делам, спасал их от зноя в тени листвы или на городском пляже, откуда веял свежий ветерок. Зимой торопил всех, загоняя в теплые помещения, заслонял стенами от пронзительных ледяных порывов. Город помогал, освещал, утешал, а то и терпеливо выслушивал, низко склоняя пышную крону с запыленной листвой. Одним словом, не принадлежал себе. Правда, скучать Городу не приходилось, так как почти все его действия сопровождали крошечные легкие существа с крыльями — не то ангелы, не то музы.

Город подозревал, что все они слетали с картин художников, которых в любое время суток можно было встретить в самом неожиданном уголке старых улиц с мольбертом или планшетом. Забравшись в сырые заросли, художники любили воспевать беседку над обрывом, мостик над обмелевшим городским прудом или совсем обветшалый дворик, где прошло детство. У многих из них за плечом реяло чтото прозрачное, легкое, нашептывало на ухо, и художники, чтобы отвязаться, переносили крылатых друзей на свои холсты. Но маленькие непоседы долго сидеть на одном месте не хотели, и стоило художникам отвернуться, исчезали, перепачкавшись красками с головы до маленьких пяток: плачущий ангел Дождя; теплый, надежный ангел Земли, мелькающий среди деревьев нежный ангел Света. О, этот, помахивая своими прозрачными крылышками, любил поиграть с Городом в прятки и то исчезал за высокими башнями, то вдруг налетал, слепя стеклами витрин и отражаясь в дождевых лужах. Это была веселая игра, доставляющая тем и другим одинаковое удовольствие.

Воспевали Город и поэты. Они шли, ступая по улицам, как сомнабулы, и бормотали и шептали прямо в уши Города легкие летучие рифмы, которые завораживали и опьяняли. В эти минуты Город замирал, боясь трамвайным звонком спугнуть музу вдохновения, и даже любимому ангелу Света грозил, чтобы тот поостерегся шалить.

Но музы, художники, поэты, как и река-работяга, посылающая на бегу свой прохладный привет, — это добрые друзья, вечные и неизменные спутники, без которых Город не был бы самим собой. Главной же среди них была Она, вечно юная, каждый раз неожиданная и в то же время верная, за сто с лишним лет ни разу не пропустившая свидания с любимым Городом, всегда желанная и неизменно волнующая — Ночь.

Как только сгущались ранние сумерки и на проводах повисали маленькие, похожие на сжатые цветы, уличные фонари, Город начинал ждать ее. Она приходила: зимой — в мехах из инея и снега, сияя хрустальной бледностью лица, летом — в брызгах дождя, закутанная в фиолетовую вечернюю вуаль, а осенью разбрасывала по улицам и паркам разноцветные листья, которые тут же подхватывал ветер, к которому, признаться, Город ее немного ревновал.

Влюбленные друг в друга, Город и Ночь старались помогать другим влюбленным, оберегали их от чужих глаз, длили встречи, не торопили рассвет. Взявшись за руки, летели они над знакомыми улицами, спускались к реке, избегали фонарей и шумных мест. Они шептали друг другу тихие слова, напевали, кружились, а под утро так сильно приникали друг к другу, что звезды опускали ресницы. В этот самый темный час перед рассветом, никто не должен видеть, что происходит с влюбленными всего мира, когда разлука неизбежна, а расстаться, пережить день без любви нет сил.

С появлением первого луча света Ночь бледнела, отступая, и ни крепкие объятия городских стен, ни узорчатые ограды не могли спасти ее от исчезновения. Она таяла, таяла и, наконец, исчезала. Городу каждый раз казалось, что она ушла навсегда. Тем радостнее была новая встреча!

Надо сказать, что за сто с лишним лет Город заметно изменил свой облик. Из провинциального увальня, который топал по сугробам в разношенных валенках, скользил с ледяных горок, рано загонял всех спать и с нетерпением дожидался окончания последнего сеанса или музыкального вечера в общественном собрании, он превратился в элегантного господина вполне европейской наружности — с современными кварталами, молочными шарами фонарей, широкими улицами, выложенными разноцветной плиткой.

К огорчению Ночи, этот господин последнее время полюбил непритязательные украшения в виде светящихся гирлянд в ветвях деревьев, разноцветных витрин и бегающих по фасаду зданий огоньков. Все это было так неуместно, так некстати! Словно он забыл те трудные и прекрасные времена, когда на месте сегодняшних бульваров стояли овраги, по склонам которых ютились деревянные дома с палисадниками: пышная зелень свешивалась через ветхие штакетники, манила окунуться в нее лицом, отыскать заветный цветок. И этот ночной полет, свежий ветер! Не то что нынешняя назойливая суета.

Город успокаивал подругу, говорил, что впереди у них будет время, много времени, что реклама или светящийся разноцветными брызгами городской фонтан лишь развлекают, веселят, нельзя же только о высоком, надо и себя приукрасить, и на других посмотреть. Выгнув бровь серебряным полумесяцем, Ночь удивленно молчала. Она любила свой Город, но все чаще замечала, что ее приход не столь желанен для него, как прежде, и невольно жалась к стенам, боясь показаться назойливой.

А Город, с каждым днем хорошея, самодовольно смотрелся в зеркальные стекла и лакированные бока проносившихся мимо автомобилей и постепенно перестал замечать художников и поэтов. Или они исчезли? И от заигрываний ангелов отмахивался, мол, недосуг мне тут с вами. Дошло до того, что однажды он сбежал с ночного свидания с любимой, не дожидаясь рассвета, так увлекла его игра огней в парке.

Но окончательно все разладилось, когда появилась Искусственная Луна. Настоящая-то, круглолицая, добродушная, была давней приятельницей, и хотя любила покрасоваться перед Городом, поворачиваясь то одним боком, то другим, тактично исчезала в нужную минуту. А эта, венчающая купол одного из высотных городских зданий, так важно вознеслась, так повелительно возвещала свой приход звоном круглых часов, что жители близлежащих домов вряд ли могли спокойно спать. К этой музыке присоединялись громкие голоса из баров и ночных клубов, треск приемников, смех. Настоящая вакханалия веселья.

Как тут не потерять голову! Ночи напролет Город восторженно смотрел на свою искусственную красавицу и называл ее «Ваша светлость».

Ночь дрожала на ветру от одиночества, не понимая, как можно предпочесть эти искусственные безделушки изменчивым краскам глубокого неба и трепетанью звезд, стихам поэтов и шепоту всех влюбленных.

И однажды настал день, когда Ночь не пустили в Город, о ней попросту забыли, купаясь в ярких потоках искусственного света, заливавшего улицы и площади.

Она остановилась на подступах к Городу, помедлила и, бросив прощальный взгляд на то, что было некогда городом муз, улетела прочь. А вскоре вслед за ней Город покинули влюбленные и поэты. Им в нем просто не осталось места.

Дорогое мое привидение

Рисунки Нины АКИШИНОЙ

Хабаровск

Слухи о том, что в Театре для детей и юношества завелось привидение, возникли в городе перед Новым годом. Представляете, преддверие праздника, в фойе елка в ожидании своего часа источает запах снега и леса, все готовятся к карнавалу, а тут такие слухи. Местные СМИ тотчас подключились, и ну звонить на всю губернию: ах, привидение, мол, ах, призраки!

Все это от невежества, доложу я вам. От невежества и информационного голода. Ну если даже, допустим, привидение где завелось, призраки или другая нечисть — и что?! Какой приличный театр за свою историю обходится без подобного? Это же скука и тоска зеленая. Вот и наш Театр теперь с привидением. А значит, с легендой. Все как у людей.

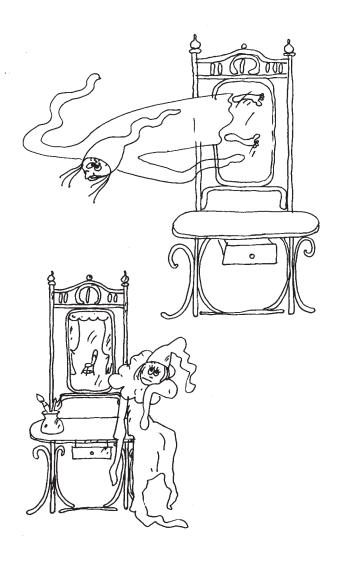
Обреталось Привидение под крышей старого здания бывшего общественного собрания, куда впоследствии поселили Театр, более полувека, только никто о нем не ведал. Тихое, неприметное, оно смотрело себе спектакли, таилось среди декораций и кулис, много видело, слышало и помнит времена, когда театр был похож на черно-красный терем, а тогдашний режиссер напоминал колдуна с добрыми серыми глазами.

Поэт из местных актеров, кудрявый, в шляпе и джинсах, постоянно играл что-то на гитаре и бормотал чудные рифмы — сочинял стихи про все, что происходило вокруг. Иногда к нему Принцесса подсаживалась, смотрела не отрываясь, как он струны перебирает, и подпевала серебряным голоском, звук его долго дрожал под сводами зала.

Привидению нравилось, увязавшись за Поэтом, прислушиваться к его бормотанью. Иногда оно хихикало потихоньку, на что Поэт поднимал кудрявую голову, грозил кулаком, и, обводя отрешенным взглядом ряды кресел в партере, снова принимался за свое:

Далеко в лесной сторонке, Неприметной и негромкой, Был-стоял прекрасный терем С красной дверью...

В красном зале с черной сценой Падал свет неравномерно, Звались игры света с тенью — Светотенью...

Там в тумане и нирване В мире знаний, но без званий Жил Талаш-оглы — волшебник И отшельник...

Запирался на щеколды, Брал пробирки, свечи, колбы, Леших, ведьм и домовых он Звал «на выход»...

Московские гости, прослышав о чудном тереме на берегу реки Амур, приезжали, дивились, а вернувшись в Первопрестольную, рассказывали о колдуне да о молодой труппе, которая сама обустроила и зал, и сцену. «Да, были времена, ничего не скажешь, — бубнило Привидение себе под нос. — Где теперь все? Где принцесса и колдуны? А Поэт тот, сказывают, сейчас в Париже живет, пьесы пишет. Да...»

По ночам, когда в театре никого, кроме сторожа, не было, Привидение отчаянно носилось по лестницам и коридорам, грохотало фанерными декорациями, даже себе не позволяя признаться в том, как оно тоскует по былым дням и по стихам Поэта.

Несчастное влюбленное Привидение, вы спросите, как оно выглядело? Да никто его толком не видел. Сторожа, заслышав грохот, только крестились, но пойти посмотреть, что происходит там, в закулисной части, не решались: ну его к лешему. Еще и впрямь привидится что, не к ночи будь сказано.

А зря, между прочим, боялись. Потому что Привидение, одетое в живописные театральные лохмотья, совсем безобидное было. Смешливое, любопытное, в растрепанном парике, прихваченном впопыхах из гримерного цеха— ну кого оно могло испугать?

Так бы все и продолжалось, наверное, если бы не ремонт, который затеяли в театре, готовясь праздновать юбилейную дату. Размахнулись, надо заметить, строители с ремонтом. Сцену, зал, фойе – все переделывать взялись. Стены рушатся, пыль кругом полувековая летит, грохот! Неудивительно что Привидение испугалось, стало искать тихое местечко и нашло его в кабинете Маленького художника, в старинном зеркале, что висело там испокон веков. Притаилось Привидение, спрятавшись в черной фигурной раме зеркала, да и прижилось среди художников и бутафоров, как на острове среди наводнения. У Маленького художника уютно, красками пахнет, на столе картинки всякие разложены, а в картонной коробке без передней стенки (это называлось театральным макетом), от которой пахло детством и чудесами, располагались крошечные дома и улицы, летел бутафорский снег и в луче софита кружилась танцовщица в серебряной юбочке.

Жили художники и призрак из-за кулис мирно, спокойно, не мешая друг другу. Когда Маленький художник подходил к своему мольберту в нише окна и водил кисточкой по бумаге, Привидение с любопытством заглядывало ему через плечо. Там, на фоне белого пространства, возникали улицы какого-то города с забившейся между плитами сухой листвой, река в утреннем тумане, купола старинных соборов на маленьких площадях, похожих на сон. Глядя на рисованный город, Привидение испытывало смутное беспокойство, ему почему-то казалось, что в глубине улицы сейчас появится Поэт и, сняв шляпу, поприветствует своего старого друга. От этого начинало щипать в носу, и Привидение, чтобы не расчихаться, спешило убежать, спрятаться, затаиться.

Неизвестно, сколько бы времени так продолжалась, если бы однажды перед Новым годом сотрудники театра, собравшись в кабинете Маленького художника, не вздумали сфотографироваться. Старинное зеркало попало в объектив, и надо же было такому случиться, что в это время Привидение возьми да и выгляни из зеркала, уж любопытства оно так и не сумело избыть, несмотря на житейские передряги и возраст! Когда проявили фотографии, все и открылось: одни в зеркальной глубине вензель увидели, другие - крест, третьи - скелет, а четвертые и вовсе чудовище лохматое. Телевизионщики понаехали, разговоры по городу нехорошие пошли. От испуга и обиды Привидение затаилось, но где там! В театре люди эмоциональные, чего не понимают, того боятся. Побежали с фотографиями к экстрасенсу, а тот посмотрел, подумал и велел зеркало выбросить, а фотографии сжечь, что они и сделали.

Поторопились, может? Вдруг призрак и есть та самая Душа, которая составляет суть театра, и пока душа жива, есть надежда на возрождение.

Но что сделано, то сделано...

Сегодня никто не отражается в глубине зеркал, не скользит, разбежавшись, по нарядному паркету в фойе, не стоит за плечом в кулисах, толкая актеров на выход и поступки. Тихо в театре, скучно. И ничего никому не чудится.

В красном зале с черной сценой Мирно ползают по стенам, И по рваным барабанам Тар-р-раканы...

В материале использованы фрагменты стихотворения Юрия Юрченко (Париж) «Баллада о черно-красном тереме».

Гармония в стиле арт

Елена ГЛЕБОВА

Хабаровск

Идея создать особый мир, в котором царят гармония и красота, объединила двух мастеров из Страны восходящего солнца. Свой совместный проект Сэно Киеэ и Накаяма Кэйко представили в Арт-подвальчике Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры при поддержке Генерального консульства Японии в Хабаровске и Хабаровского Союза обществ дружбы с зарубежными странами.

Декоративные композиции, в которых сочетаются фарфор, вышивка, аппликация, бисер, словно маленькие миры, где царит утонченность Японии, яркость и радушие Италии, сдержанность Англии. Сэно Киеэ и Накаяма Кэйко дважды проводили выставку своих работ в Токио, и вот впервые ее смогли увидеть за пределами Японии. Для хабаровского зрителя это не только возможность познакомиться с интересными японскими мастерами, но и совершить небольшой экскурс в стили и направления разных культур. К примеру, в восточной композиции отражены главные символы Страны восходящего солнца. На керамике - фрагмент рисунка, взятого со старинного японского кимоно, кленовые листья, цветы сакуры, яркая хурма — особые символы этой страны. А еще предметы древних игр — морские раковины с нанесенными на них сюжетами и шелковые мешочки, украшенные цветами и бусинами. Как заметила г-жа Накаяма, традиционно эти мешочки наполняли рисом или бобами, но свои экспонаты она наполняет бисером.

Профессиональный модельер, мастер по работе с текстилем, Накаяма Кэйко совсем недавно увлеклась бисером. По ее словам, этот материал обладает магией: множество твердых бусин в какой-то момент превращаются в струящееся полотно. К слову, предметом экспозиции стал также небольшой механизм, с помощью которого бисер нанизывается на нити и сплетается в орнаменты и рисунки. Вообще в своем творчестве г-жа Накаяма использует самые разные стили и техники, ей интересно фантазировать и создавать именно те вещи, которые могут служить человеку и наполнять его жизнь гармонией. Предметы декоративных композиций этого мастера, будь то карточные человечки или подушка-торт, имеют яркий авторский стиль. Не случайно изделия Накаяма Кэйко используются в рекламе таких фирм, как SONY, NIKE и др.

Несмотря на то, что фарфор — изобретение восточное, Сэно Киеэ открыла для себя его красоту в Бельгии 15 лет назад. Затем, уже на родине, она познакомилась с восточной росписью по керамике и поняла, насколько уникально это направление и что теперь она хочет заниматься только этим. Закончив школу росписи по фарфору «Оокура токи», г-жа Сэно открыла собственную школу «Ателье Сэно». По ее словам, работа с учениками требует постоянного творческого развития. Именно поэтому художница дважды стажировалась на курсах росписи в Германии.

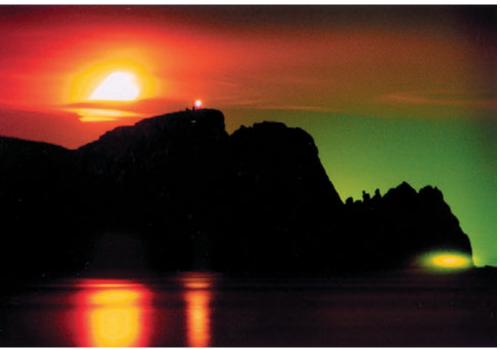
В Хабаровске Накаяма Кэйко и Сэно Киеэ дали мастерклассы по бисероплетению и росписи по фарфору.

Остров Лисий. Восход луны

Светопись морской волны

Рапсодия. Фестиваль «Тин-Кан»

На пленэре. Художник Игорь Грабовский (Комсомольск-на-Амуре)

Суда на рейде

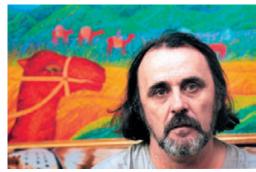

Юрий ШУМИЛОВ живет в городе Находке Приморского края, где родился и вырос. Свое увлечение фотографией связывает с отцом, который был рыбаком, ходил в заграничные рейсы, привозил оттуда множество фотоснимков, и Юрий всматривался в черно-белые кадры портов, морских пейзажей, в портреты тружеников моря.

Увлекся фотографией в 9-м классе, и с тех пор с фотоаппаратом не расстается. Для него светопись (так иногда называют фотографию) стала способом самовыражения, ее языком он говорит о красоте и гармонии.

Работал санитаром на «Скорой помощи», служил на Тихоокеанском флоте, учился во Владивостоке в медицинском институте, в профессиональном лицее по специальности «фотограф». В 1997 году одна из фоторабот Юрия Шумилова вместе с работами приморских художников попала на фотоконкурс в Ниигату. Первый персональный проект осуществлен в 2004 году, и тогда же Юрий стал лауреатом конкурса «Уголок России», который проводился народной фотостудией «Таежная» (пос. Кавалерово) и Приморским отделением Союза фотохудожников России. Входит в состав клуба искусств «Отражение», который объединяет художников, фотографов, поэтов, писателей, бардов, туристов, геологов.

Юрий Шумилов убежден, что любой фотограф, всерьез занимающийся фотосъемкой, должен осознавать ответственность за то, что он делает. Потому что фотография – это итог раздумий, то, что он хотел осознанно или нет передать людям, то, что волнует его, не дает покоя, вновь и вновь заставляет идти за кадром, искать его и себя в окружающем мире. Как говорит Юрий, фотография может быть красивым цветком, удивительным пейзажем, но может стать и укором людской глупости, предостережением, напоминанием, потрясением. Все зависит от того, в чьих руках фотокамера.

Путешественник и художник Павел Конюхов на фоне своей картины «Пустыня Гоби»

Циклон. Нежданный снег

Фестиваль авторской песни и поэзии «Тин-Кан». г. Фокино Приморского края

Начало. Из цикла «В Находке»

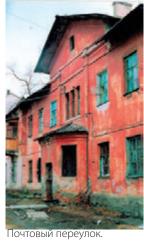
Купола Тобольск

Опята

Доходный дом В.Ф. Зандау. 1913. Ныне здание «Совкино». Хабаровск

Почтовый переулок. Из серии «Старый город»

Самоделкин

Антон РОВНЕР. Родился в Москве в 1970 г. С 1974 г. жил в США, в Нью-Йорке. Обучался музыке в субботней школе при Манхэттенской школе музыки и в субботней школе при Джульярдской школе музыки (Juilliard School, Pre-College Division) по классу композиции у композитора Эндрю Томаса. В 1991 г. закончил Джульярдскую школу музыки по клас-

су композиции Милтона Бэббитта со степенью бакалавра. В 1993 г. там же получил степень мастера. В 1989 — 1990 гг. стажировался в Московской консерватории по классу композиции у Николая Сидельникова по программе Айрекс (IREX). В 1991—1993 гг. слушал курсы по музыкальной теории в Колумбийском университете (Нью-Йорк) по программе обмена. В 1994—1997 гг. обучался по докторской программе на музыкальном отделении университета Ратгерс (штат Нью-Джерси) по классу композиции у Чарлза Уоринена. Получил докторскую степень (PhD) в музыке. С декабря 1997 г. живет в Москве.

С 1992 г. вел концертную серию современной музыки «Бридж» (Bridge Series) в Нью-Йорке, где проходило много премьер сочинений российских, европейских и американских композиторов. Музыка исполнялась в Нью-Йорке, Москве, Брянске,

Нижнем Новгороде, Самаре, Казани, Перми, Киеве, Львове, Кишиневе, Бухаресте, Люцерне и Париже — в частности, в Москве на фестивалях «Московская осень», «Московский форум» и «Альтернатива», а также на концерте «Спектрум ансамбль», в Брянске на Фестивале искусств имени Николая Рославца и Наума Габо, на фестивале «Европа — Азия» в Казани, на фестивале «Международный форум молодых композиторов» в Киеве, «Контрасты» во Львове, ансамблем «Археус» в Бухаресте, а также на Американском фестивале микротоновой музыки и в концертной серии «Композиторское созвучие» (Сотроsers' Concordance) в Нью-Йорке.

Музыковедческие статьи, интервью с композиторами, обзоры концертов и фестивалей современной музыки были опубликованы во многих журналах, газетах, как в России, так и за рубежом.

Член Американского музыкального центра (American Music Center), Композиторской гильдии Нью-Джерси (Composers' Guild of New Jersey) и совета директоров концертной серии «Композиторское созвучие» (Composers' Concordance) в Нью-Йорке. В июле 1998 г. посещал курсы современной музыки в Дармштадте, Германии. В июле 1998 и 2000 г. читал лекции в Летнем музыкальном лагере в Огре (Латви).

С 2001 г. член Союза композиторов России. С 2002 г. преподаватель Московской государственной консерватории. С 2006 г. в аспирантуре как музыковед по классу Валентины Николаевны Холоповой, работает над диссертацией по творческому наследию композитора Сергея Протопопова.

Мир трех измерений

Становление музыкального авангарда в начале XX века

Антон РОВНЕР

Москва

Известно, что композиторы-современники, как и представители других видов творчества, часто оказывают друг на друга влияние и сами подвергаются влиянию, даже не общаясь и не будучи знакомыми друг с другом. Известна склонность творческих людей создавать индивидуальные группы или держаться особняком. Наблюдается также третий феномен — когда разные деятели искусств, живущие в одно и то же время в разных странах, не соприкасаясь друг с другом, независимо приходят к одним и тем же или похожим творческим результатам, что нельзя объяснить ничем, кроме того, что часто называют «веянием времени». Время влияет на художника гораздо больше, нежели он сам предполагает. Именно время и стоящие перед ним проблемы определяют лицо художника, формируют тот или иной тип его творчества.

Тема нашего разговора — начало XX века, период, когда создавался новый творческий контекст, определивший основные параметры развития европейской культуры. Тогда множество композиторов, художников, писателей, поэтов и философов разных стран встретились в общем порыве к трансцендентному — при этом каждый шел индивидуальным путем и добился неожиданных художественных результатов, часто не имеющих аналогов в обозримом

нами эстетическом опыте. Это принимало форму абстрактного искусства или проявилось в различных авангардных течениях (футуризме, супрематизме, сюрреализме). В музыке в целом это нашло выражение в новом гармоническом языке, ритме, фактуре, инструментовке и новом типе музыкального мышления, которое лежало за созданием совершенно новых форм музыкального выражения.

Обращаясь к музыке, можно отметить, как в короткое время музыкальные новшества возникли в разных точках земного шара. Такие авторы, как Скрябин, Шенберг, Стравинский, Барток, Айвс, Рославец, Лурье и другие действовали абсолютно самостоятельно и пришли к результатам, настолько же контрастным по отношению друг к другу, насколько и схожим друг с другом по смелости, изобретательности и отрыву от музыкального языка прошлого. Главное, что объединило всех этих несхожих друг с другом композиторов, — слышание космических процессов, вторгающихся в пространство того времени. Этот фактор оказался определяющим в их эстетическом формировании.

Следует привести некоторого рода параллели и аналогии, имевшие место в начале XX века в разных видах искусства. Так, 1900 год оказался знаменательным для одного из лидеров русского символизма — Александра Блока.

Этим годом помечено окончание раннего цикла его стихотворений «Ante lucem», в «Неписаных догматах» которого он писал: «Я видел мрак дневной и свет ночной \Я видел ужас вечного сомненья \И Господа с растерзанной душой \В дыму безверья и смятенья. То был рассвет великого рожденья, \Когда миров нечисленный хаос \Исчезнул в бесконечности мученья — \И все таинственно ропталось и неслось. Тяжелый огнь окутал мирозданье, \И гром остановил стремящие созданья », — так и для ведущего композитора русского символизма Александра Скрябина (Первая симфония и Четвертая соната которого были написаны в 1900 году). Многие другие авторы в это время предчувствуют космические перемены. Среди ключевых для написания новаторских сочинений годов можно указать 1908, 1909, 1913 и 1917-й годы.

В 1908 и 1909 годах возникают первые атональные сочинения Шенберга и Скрябина. 1913 год отмечен крупными начинаниями Стравинского («Весна священная»), Рославца (Первая соната для скрипки и фортепиано) и Лурье («Формы в воздухе»). В 10-х годах XX века Скрябин и Айвс, живущие в разных странах, параллельно приходят к мысли о создании мистических сочинений, повествующих о возникновении Вселенной, ее истории и о последнем завершении и преображении космоса и человечества (у Скрябина — «Предварительное действо», а у Айвса «Вселенская симфония»). У Вышнеградского эти замыслы находят реализацию в виде симфонии «День бытия» в 1917 году. В то же время Шенберг пишет свои наиболее мистические сочинения «Счастливая рука» (1913) и «Лестница Иакова» (1917).

В 1920-х годах проявляется иная тенденция: новаторский стиль многих художников и композиторов теряет свой первоначальный радикализм и мистическую полетность и становится более конструктивным и заземленным. 1929 год можно обозначить как год перелома в авангардной струе, после которого следует поворот в период более традиционной стилистики.

Затем, сразу после Второй мировой войны, начинается новая волна авангардных поисков — параллельно в Европе (Дармштадская школа — Булез, Штокхаузен, Ноно) и Америке (Эллиотт Картер, Милтон Баббитт, Джон Кейдж). В 1960-х годах эти авангардные течения набирают новую силу, а в 1968 году наблюдается второй «крах».

С 1968 года ослабевает целенаправленность устремлений авангардных течений в музыке, происходит дробление музыкальных течений и направлений, а также размывание стилистической направленности отдельных композиторов, возникают минимализм и разные стили «ретро». С 1980 года стили «ретро» усиливаются (на примере отхода польских и целого ряда американских композиторов от «сложной» музыки в сторону неоромантизма и новой простоты.)

В 90-х годах XX века и в 2000-х годах феномен дробления достигает предельных размеров, и теперь мы фактически не найдем крупных художественных и музыкальных потоков, свойственных как началу века, так и послевоенному времени, что, впрочем, не означает полное отсутствие в наши дни ярких самобытных музыкальных индивидуальностей или стилистических направлений.

Феномен одновременного возникновения многих новых течений в области музыки и других искусств, аналогов которым не было во всей обозримой истории музыки, трудно объяснить логически. Можно проследить музыкальную

эволюцию через Бетховена, и в особенности Вагнера, но это не объясняет полностью возникновения этого феномена, как остается для нас загадкой переход от музыкального языка ренессансной музыки к барочному, затем в стиль рококо и венских классиков, а впоследствии в романтизм XIX века. И здесь можно говорить о феномене трансцендентного вторжения в творческий процесс художника через интеллектуальную интуицию творческого человека вообще и композитора в частности.

Создается впечатление, что эволюция искусства и направляется именно этими невидимыми и нередко неосознаваемыми самими художниками силами. Как писал Шенберг: «Моя цель — это не ставить перед собой никаких целей». Его оратория «Лестница Иакова» начинается со слов архангела Гавриила: «Вправо или влево, вперед или назад, в гору или под гору, нужно продолжать идти, не спрашивая, что лежит спереди или сзади. Оно должно оставаться скрытым: тебе было позволено это забыть, и ты должен был это забыть, чтобы выполнить свою задачу». Вспоминается название известного сочинения Ноно «Путей нет, но идти надо вперед». Василий Кандинский пишет в своей статье «К вопросу о форме»: «Когда условия для созревания четкой формы созданы, тогда томление, внутренняя взволнованность обретают силу созидать новые духовные ценности, сознательно или интуитивно получающие затем распространение». Под этими условиями для создания новой формы Кандинский имел в виду не только внутреннюю работу художника, но и общее устремление к новым формам знания и чувств, которое характеризует наиболее счастливые периоды человеческой истории.

Не случайно в начале века, во время необычной вспышки новаторских поисков, становится весьма актуальным интерес к мистицизму, а прорыв в новые художественные сферы совершался параллельно с прорывом в новые мистические и духовные сферы. Вспоминаются, в первую очередь, строчки из стихотворения Стефана Георге, которые Шенберг озвучил в финале своего Второго струнного квартета «Я чувствую воздух иных планет... Я — искра в Божественном пламени, я — звук в Божественном голосе». Отметим, что именно музыка к этому стихотворению является фактически первым атональным сочинением Шенберга и едва ли не первым в истории музыки вообще.

Соединение художественных новшеств с мистическими поисками особенно наглядны в двух вокально-драматических сочинениях Шенберга 1910-х годов — «Счастливая рука» и «Лестница Иакова». Причем в первом Шенберг пробует синтезировать несколько видов искусства — музыку, театр, пантомиму и даже впервые (наряду с «Прометеем» Скрябина) обращается к светомузыке, а во втором музыка не только выводится на уровень богослужения, а в музыкально-техническом плане создается первый образец проведения додекафонной серии, что будет впоследствии развито Шенбергом более основательно.

Особенно показательны два гигантских замысла космогонических и эсхатологических сочинений, затеянных на двух разных полушариях земли, — «Предварительное действо» Скрябина и «Вселенская симфония» Айвса. Помимо крупнейших философских и мистических замыслов сочинения характеризуются использованием новейших музыкальных технических приемов, а также синтезом разных искусств. Тот факт, что оба сочинения остались незавершенными и что мечты их авторов не сбылись, свидетельс-

твует во многом о трагическом исходе многих событий XX века. Примечательно также, что оба сочинения были завершены в нескольких версиях другими композиторами. В 1948 году Сергей Протопопов сделал версию «Предварительного действа» для чтецов, солистов, хора и двух фортепиано, а в конце века Александр Немтин создал более крупную версию для оркестра. Параллельно в 1974 году американский композитор Лэрри Остин создал версию Вселенской симфонии, а вслед за ним другой американский композитор Джонни Райнхард воссоздал более масштабную версию на 70 минут, в которой он досконально следовал наброскам Айвса. Тот факт, что оба сочинения включали в себя вклад нескольких композиторов и породили несколько версий их завершенных вариантов, свидетельствует о космической масштабности их замыслов, а сам факт свершения к концу века этих кажущихся утраченными утопических мечтаний начала века свидетельствует о появившейся надежде на возрождение истории человечества.

Параллельные события происходили и в других областях искусства. Василий Кандинский, подобно Скрябину, мечтал о всеобщем синтезе разных видов искусства в «монументальном искусстве», для воспроизведения которого он мечтал создать храм Великой Утопии, для обсуждения конкретных планов постройки которого хотел даже созвать международный конгресс. Подобно Скрябину и Шенбергу он стремился к новым формам выражения, по его определению, «духовным», которые в экспрессионистском искусстве выходят за границы традиционных, «материальных» художественных средств, как он писал в своей книге «О духовном в искусстве» и в статьях выпущенного им альманаха «Голубой всадник». В одной из статей, опубликованных в последнем номере альманаха, он демонстрирует принцип перехода из материального искусства в духовное: «Внутреннее содержание произведения может быть отнесено к одному или к другому из двух процессов, которые сегодня (только лишь сегодня) или сегодня с особой наглядностью находят решения для всех побочных движений, содержащихся в этих процессах. Вот эти два процесса: 1. Разрушение бездушной материальной жизни XIX века, то есть падение считавшихся единственно незыблемыми устоев материального; распад и самораспад его на отдельные составные части. 2. Построение душевной, духовной жизни XX столетия, которое мы переживаем и которое уже сейчас провозглашается и воплощается в сильных, выразительных и четко очерченных формах». Поисками этих форм и окрашено творчество этого художника.

М. Чюрленис, сочетая в себе талант живописца и композитора, стремился к синтезу этих двух видов искусства, что он демонстрировал в названиях многих своих картин: «Соната», «Фуга» и т. п. и своей трактовкой этих названий. Разработка абстрактной стилистической тенденции в живописи у Кандинского, Малевича и других и поворот к абстракции в поэзии Хлебникова, Бурлюка, Крученых также демонстрируют как радикальное возникновение новых течений, так и разработки новых, абстрактных средств выражения за счет утраты старых «конкретных» форм и сближения искусств. В частности, сам абстракционизм в новой живописи и футуристической поэзии, утрачивая буквально повествовательные и изобразительные качества и погружаясь в фактуру формы (в живописи) и звука (в

поэзии), сближается с музыкой, с ее абстрактными качествами при отсутствии буквальной повествовательности и изображения чего-либо внемузыкального.

В свою очередь, идеи Скрябина нашли свою реализацию у Ивана Вышнеградского в его симфонии «День бытия», написанной в 1917 году Здесь тематика также определяется сотворением Вселенной и человечества и их окончательным преображением в конце истории. Знаменательно то, что последующее сочинение, извлеченное из тематического материала этой симфонии — «Медитация на две темы из «Дня бытия» для виолончели и фортепиано», оказалось первым микрохроматическим сочинением Вышнеградского. Другой русский композитор, применявший микрохроматику, Николай Обухов, известен своим масштабным сочинением «Книга жизни», также на мистические, апокалиптические темы, для написания которой он использовал новые темперации.

Параллельно с предельным раскрепощением и абстрактностью стремительный расцвет нового искусства в начале века способствовал повороту к новым формам конструктивности и функционализма в музыке. Внезапное возникновение новых систем организации звуков, основанных на центральных элементах вертикальных аккордов у Скрябина («Прометеевский аккорд» и дальнейшее его развитие в последующих сочинениях) и Рославца («синтетаккорд»), указывают на устойчивость этой тенденции, а также на близость этих двух авторов, каждого со своей стороны, к символизму, так как само наличие центрального гармонического построения представляется как «некий символ, замкнутый в себе и до конца не разгаданный, самоценный и многозначный».

Подобные же тенденции проявляются в атональный период в творчестве Шенберга и Веберна в 1908—1923 годах. Несмотря на кажущееся полное раскрепощение гармонии и отсутствие порядка, в их сочинениях того периода намечается много скрытых симметрических построений и нередко сочинения бывают основаны на неких гармонических ячейках. Само возникновение двенадцатитоновой техники у Шенберга и его учеников можно трактовать подобно достижениям Скрябина и Рославца как некий «символ» и стремление распознать новую гармонию Вселенной.

В то же самое время появляется новое гармоническое измерение — микрохроматика, в которой используются интервалы, выходящие за рамки стандартной двенадцатиступенной шкалы. Творения Ивана Вышнеградского, Алоиза Хабы, мексиканского композитора Хулиана Карийо, Айвса, философские рассуждения Скрябина о «расширении звуковысотной системы» и музыкально-теоретические идеи Арсения Авраамова и Леонида Сабанеева способствовали возникновению этой новой музыкальной отрасли, которая тем не менее исходит из истоков традиционной гармонии — варианты ее бытовали в античной и средневековой музыкальной теории. Таким образом подчеркивается органичная связь между достижением предельно нового авангардного и восстановления предельно архаичного праисторического элементов музыки.

Этот феномен внезапного раскрытия конгломерата новых музыкальных представлений можно рассматривать как поиски более адекватных средств выражения нового, доселе неизвестного опыта. И здесь речь идет, прежде всего, о различного рода фиксациях духовных накоплений,

выражаемых как в религиозно-мистических, так и художественных формах. Всем известны, например, горящий куст Моисея или видение апостола Павла, равно как и опыт других великих посвященных. Это образ платоновской пещеры, выйдя из которой люди сначала ослеплены светом, а потом привыкают жить при свете в новой перспективе свободного — т. е. духовного — мира. Петр Демьянович Успенский описывает этот опыт через идею четвертого измерения, недоступного для восприятия людей из пространства трех измерений. Подобную идею развивал в свое время и Эдвин Аббот в своей книге «Флатландия», где описывается воображаемая страна двух измерений. Жители этой страны – различного рода геометрические фигуры: треугольники, квадраты, круги, иголки, и у них своя жизнь, свои семейные, государственные, общественные законы, и они не подозревают о существовании даже третьего измерения. Весь мир, в том измерении, которое они видят, это одно измерение — прямая линия, в которой они могут угадывать второе измерение вглубь (таким же образом, как мы видим глазами два измерения и угадываем третье). Однажды к главному герою книги, Квадрату, приходит гость из мира Трех измерений — Сфера — которую Квадрат при своей природной ограниченности, видит как лишь еще одного персонажа из мира двух измерений. Гость Сфера пробует объяснить Квадрату существование третьего измерения — высоты («Upward, not Northward»), но тщетно. Тогда Сфера подхватывает его и силой выносит в мир трех измерений, в результате чего у Квадрата открываются глаза на совершенно новый мир, о котором он не имел ни малейшего представления и в котором видение не было видением, линия была не линией. «Безумие это или это ад?!» — воскликнул он. «Это ни то ни другое, — ответила Сфера, — это Знание; это трехмерный мир. Раскрой свои глаза и гляди внимательней». И тогда Квадрат увидел новый мир, и перед ним предстало во всей своей видимости все, что он до этого только угадывал, калькулировал и мечтал о совершенной трехмерной красоте. Проявление нового эстетического опыта в начале века можно сравнить с этим переходом из мира двух в мир трех измерений.

Возможны два объяснения феномена художественного всплеска начала XX века. Первое — это чудо и провиденциальное явление, а второе — поступательное накопление духовных богатств, которое в один прекрасный день неожиданно проявилось таким образом. Ведь питательной почвой для новой культуры была высокая культура ей предшествующая. Шенберг никогда не смог бы сформироваться как Шенберг, если бы он не вырос на традициях Баха, Бетховена, Вагнера и Брамса, если бы среди его старших коллег не было бы Малера, Рихарда Штрауса и Цемлинского, не говоря уже об искушенной литературной среде его времени, с такими поэтами как Рихард Деймель и Стефан Георге.

Можно смело утверждать, что все дальнейшее развитие музыки XX века определил творческий взрыв начала века. Второй авангардный подъем, начавшийся в конце 1940-х — начале 1950-х годов, будучи даже более смелым и радикальным в своих художественных достижениях в смысле дальнейшего развития средств музыкального языка, тем не менее во многом обязан своим появлением первому авангардному толчку начала века и является фактически результатом и дальнейшем развитием оного. В середине века в художественной среде нашлось доста-

точно много импульсов, чтобы дать второй толчок в смысле появления таких композиторов как Булез, Штокхаузен, Лигети, Ноно, Ксенакис, Кейдж, Фелдман. Из всех этих композиторов Штокхаузен является наиболее наглядным продолжателем мистериальных идей и настроений времен Первого авангарда. Это особенно заметно в его сочинениях, использующих культовые обряды многих стран и посвященных разным сакральным традициям. Штокхаузен сочетает самую передовую, прогрессивную музыкальную стилистику с самыми древними, праисторическими сакральными традициями.

Началу Первого авангардного подъема начала XX века были присущи напряженные ожидания нового цикла истории - как светлые, мессианские ожидания, так и темные, апокалиптические. Лучше всего эти настроения выразил Александр Блок в своих ранних стихах 1900 года среди посвященных Прекрасной Даме, в некоторых из которых он выражал светлые ожидания мессианского толка: «Верю в Солнце Завета, /Вижу зори вдали. /Жду вселенского света /От весенней земли». Или: «Сбылось пророчество мое: /Перед грядущею могилой /Еще однажды тайной силой /Зажглось святилище Твое. /И весь исполнен торжества, /Я упоен великой тайной /И твердо знаю — не случайно /Сбывались вещие слова», а в других он давал весьма мрачные прогнозы: «Надо мной небосвод уже низок /Черен сон тяготеет в груди /Мой конец предначертанный близок /И война и пожар впереди.» Эти сочетания контрастных настроения весьма показательны. Бурный всплеск Первого авангарда произошел незадолго до катастрофических событий Первой мировой войны и революции в России, а последующий всплеск Второго авангарда пришелся на период после Второй мировой войны, словно бы подтверждая блоковскую дуальность светлого, мессианского, и темного, катастрофического, прогноза.

Вслед за подъемом 1900 и 1910-х годов последовал «спад» 1930-х годов в смысле некоторого поворота к «ретро». В 1940-х годах Артур Лурье, в написанной им на английском языке биографии Сергея Куссевицкого, преподнес мысль, заслуживающую внимания. Он утверждает, что в начале XX века у многих деятелей искусства складывалось впечатление, что XIX век по своей сути материален, а только что наступивший XX век является веком духовности — это весьма органично вплеталось в общее настроение времени. Во время написания биографии, в 1930, 1940-х годах все впали в такую глубокую материю, что в той перспективе XIX век уже казался духовным. Если трактовать эти строки в плане антитезы авангарда начала XX века и «ретро» 1930 и 1940-х годов, то это, конечно, является обобщением, так как автор этой статьи видит все разнообразие стилистической палитры XX века и не склонен осуждать «традиционные» стили композиторов, выходящих за рамки времени двух авангардов (а также творящих параллельно с этими двумя временными полосами). Также многие композиторы продолжали работать в «авангардных» направлениях во время двух рецессий, продолжая и развивая достижения двух подъемов. Тем не менее общее настроение весьма характеризует это временное разделение XX века, а также в первую очередь последствия катастроф 1914—1918 годов и их дальнейших последствий. Однако духовного заряда, вызванного толчком Первой авангардной волны, хватило на то, чтобы вызвать ее производную — Вторую авангардную волну конца 1940-х годов.

Теперь несколько слов о развитии стилей самых разных композиторов. Хотя композиторы, посещавшие курсы в Дармштадте, практиковали «интерактивность», т. е. оказывали влияние друг на друга и в свою очередь подвергались влиянию Веберна, тем не менее становление индивидуального почерка композиторов так же часто происходило совершенно самостоятельно. Два разных направления «тотального сериализма» развились совершенно самостоятельно: это европейское - в лице Штокхаузена, Булеза, Ноно — и американское — в лице Бэббитта и, условно говоря, позднего Стравинского, жившего в то время в Америке. Таким же образом совершенно самостоятельно возникли соседствующие стили американской музыки — сложная, изощренная ритмика и многослойная фактурность Эллиотта Картера, а также алеаторика Джона Кейджа и неповторимый стиль Мортона Фелдмана. В то же самое время, после нескольких лет строго следования тотальному сериализму, его европейские приверженцы – Булез, Штокхаузен, Ноно – вышли из него и выработали каждый свой индивидуальный стиль в предельно короткий промежуток времени, что по краткости времени стремительного развития музыкальных событий сравнимо с развитием Первого авангарда. Обращение Штокхаузена к сакральной тематике, Кейджа - к восточной религии и философии, а Булеза — к символистской эстетике (особенно в случае с использованием стихов Малларме) также создают дополнительные параллели с Первым

Не умаляя значения Второго авангарда, отмечая его достоинства и превосходство по музыкальным и эстетическим достижениям над Первым авангардом, обратим внимание на некоторые качества, определяющие первенство Первого авангарда над Вторым. Первый авангард возник совершенно беспрецедентно — на фоне традиционной, романтической музыкальной и эстетической культуры, которая его вскормила, породив новые течения, являющиеся ее крайней противоположностью. Как в литературе, когда после лирических стихов Тютчева, Фета и Сологуба появилась новая поэтическая эстетика Хлебникова и Крученых, после масштабной и высокоэкспрессивной музыки Вагнера и Малера появилась совершенно новая музыка Шенберга и Веберна. После лирической музыки Форе и Дебюсси появились новые, жесткие звучания Стравинского и смелые гармонии и ритмические идеи Мессиана. Как говорил Жан Кокто, «после музыки шелковой кисточкой музыка топором». У Шенберга, Веберна, Айвса, Лурье, Стравинского и Бартока не было прецедентов к простым и радикальным решениям в их музыке, в то время как у Булеза, Штокхаузена и Лигети были такого рода прецеденты. Многие из простых и радикальных технических приемов, использованных в сочинениях первых авангардистов, нашли дальнейшее развитие в музыке Булеза, Штокхаузена, Лигети, Берио, Эллиотта Картера.

С конца 1960-х годов намечается дробление общих устремлений и направленности, возникают многочисленные ответвления разных эстетических позиций, все меньше и меньше соприкасающихся друг с другом. Многие музыканты считают 1968 год поворотным пунктом в развитии Второго музыкального авангарда. В этом году, отмеченном политическими волнениями левацкого толка в Западной Европе и Америке, возникает Симфония Берио, а спус-

тя несколько лет, в 1974-м, и Первая симфония Шнитке — сочинения, использующие в контексте авангардного стиля элементы стилизации и цитат из музыки прошлых веков. С течением времени эта волна усиливается, возникает больше стилей «ретро» — минимализм Филипа Гласса и Стива Райха, неоромантическая волна польских композиторов, неоромантизм американских композиторов, поворот Шнитке к более простому стилю, появлению музыки Канчели, Мартынова, Пярта, позднего Васкса и Сильвестрова, и даже возврат Штокхаузена к «мелодии». В 1970-е, 80-е и 90-е годы современная музыка раздробилась на множество направлений, отмеченных разной стилистикой, разными эстетическими платформами, как авангардными, так и традиционными и «центристскими».

Конец XX и начало XXI века и третьего тысячелетия отмечается отсутствием крупных новых течений в музыке и инерционным продолжением тех стилей и направлений, которые были созданы в предыдущие декады. Мощный творческий толчок начала XX века, возобновленный в середине века, начал слабеть после 1968 года, а к концу века стал иссякать, став уже едва ли не инерционным к началу нового тысячелетия. Таким образом, «музыкальное» третье тысячелетие началось на век раньше календарного, а в момент наступления календарного третьего тысячелетия музыкальное тысячелетие укрепилось в своей инерционности.

Само по себе продолжение и обработка стилистических тенденций предшествующих периодов не является плохим знаком. Ведь не всякое новаторство является качественным, а следовать качественной «традиции» порой может быть достойней, чем снижать качество новой музыки. Кроме того, в смысле стилистических и технических приемов XX век снабдил нас таким колоссальным богатством, что развивать их нам хватит еще не одно тысячелетие. Бах и Моцарт, и Брамс не придумывали свои музыкальные стили, а вносили свою индивидуальность в сложившиеся.

Говоря о современном композиторском творчестве, надо подчеркнуть необходимость присутствия в нем определенной сверхзадачи. Современной музыке нужна новая духовная инспирация, новый толчок, новое направление или течение. Роль музыка должна быть поднята до уровня сверхзадачи, ибо, как говорил Скрябин, «композиторы, которые не работают с идеями, а которые всего лишь «пишут музыку», подобны всего лишь исполнителям, которые только исполняют музыку».

Нужна какая-то свежая аналогия символизму, футуризму или экспрессионизму. Или должны возникнуть новые силы, которые бы повернули музыку к праисторическому сакральному источнику. Нужно то священное безумие и то служение, которое побуждало Скрябина обдумывать свое «Предварительное действо» а Айвса — «Вселенскую симфонию», и которое, с другой стороны, побудило Веберна создать «Пять пьес для оркестра опус 10», Стравинского — «Три пьесы для струнного квартета», а Лурье — «Формы в воздухе». В конце концов, нужна та сила, которая выпроваживает из платоновских пещер людей, прикованных к ним, и нужен тот гость — Сфера — из мира трех измерений, который бы схватил Квадрата, жителя мира двух измерений — героя «Флатландии» Эдвина Аббота и поднял бы его в области трех и больше измерений. Как писал поэт Арсений Прохожий: «Лишь в тех, кто на краю безумья, еще ютится светлый дух».

